

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. А. ПОГОСЯН

ПЕРЕВОРОТ
18 ФРЮКТИДОРА
V ГОДА ВО ФРАНЦИИ

“НОР-ДАР”
ЕРЕВАН 2004

ACADÉMIE DES SCIENCES DE LA RÉPUBLIQUE D'ARMÉNIE
INSTITUT D'HISTOIRE

VAROUJEAN POGHOSYAN

**LE COUP D'ÉTAT DU 18 FRUCTIDOR
DE L'AN V EN FRANCE**

LES ÉDITIONS "NOR-DAR"

ERÉVAN 2004

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. А. ПОГОСЯН

**ПЕРЕВОРОТ 18 ФРЮКТИДОРА
V ГОДА ВО ФРАНЦИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НОР-ДАР"

ЕРЕВАН 2004

УДК 940
ББК 63.3(4Фр)
П 436

Погосян В. А.
П 436 **Переворот 18 фрюктидора V года во Франции.- Ер., "Нор-Дар",**
2004, 184 с.

Книга В.А. Погосяна посвящена одной из не изученных в советской и российской историографии Великой французской революции тем — истории переворота 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.). На основе изучения российских архивных документов (в частности, материалов Архива внешней политики Российской империи), которые вводятся в научный оборот впервые, а также опубликованных источников, автор подробно осветил расстановку политических сил, обусловивших переворот, связи французских роялистов с европейской реакцией, роль армии и генералов. Книга рассчитана на историков.

П 0503010000 2004 г.
0058(01)—2004

ББК 63.3(4Фр)

ISBN 99941-35-08-2

© Погосян В. А., 2004 г.

*Памяти
Альберта Захаровича Манфреда*

ВВЕДЕНИЕ

Великая французская буржуазная революция XVIII столетия подготовила почву для свободного развития капиталистических отношений, заложила основы нового буржуазного государственного аппарата. Притесненная при Старом порядке в политическом и экономическом плане французская буржуазия получила широкие возможности для процветания. Укреплению ее экономической мощи способствовала в известной мере эпоха наполеоновских войн.

Промежуточный период с 9 термидора II года до переворота 18 брюмера VIII года в историографии Великой французской революции называют периодом термидорианской реакции и Директории. Историки Французской революции, начиная от историков эпохи Реставрации и кончая новейшими исследователями, высказали самые различные мнения по поводу периодизации революции, сводившиеся к двум основным: одни полагали, что Французская революция завершилась переворотом 9 термидора, другие же — переворотом 18 брюмера. Приверженцы второй точки зрения полагали, что Великая французская революция имела две фазы развития — "восходящую" (1789-1794) и "нисходящую" (1794-1799). Гранью между ними служил переворот 9 термидора, долгое время ошибочно рассматривавшийся в советской историографии как контрреволюционный.

Эти мнения нашли свое отражение как в дореволюционной русской, так и в советской историографии Французской революции. Н.И. Кареев, В.М. Далин и другие признавали две фазы развития революции. Однако, за последние годы российские исследователи высказали ряд пред-

положений на этот счет и постарались внести коррективы в периодизацию революции. Обоснованным нам представляется, в частности, мнение Е.Б. Черняка, предложившего концом развития революции по "восходящей" линии считать конец 1793 г. — начало 1794 г., поскольку, с одной стороны, именно с этого времени политика, проводимая революционным правительством, являлась лишь тактическим средством в борьбе внутри революционного лагеря, а с другой, сохранение максимума, ограничивавшего заработную плату рабочих и неисполнение аграрного антифеодального законодательства не отвечали чаяниям народных масс¹.

Совершенно другой точки зрения придерживается современный российский исследователь Д.Ю. Бовыкин, рассматривающий Термидор как "переход от революционного правления к конституционному"². Как бы то ни было, после переворота 9 термидора было установлено господство разбогатевшей за первые годы революции буржуазии, удовлетворенной достигнутыми в ходе революции результатами. Сразу же после переворота пришедшая к власти клика термидорианцев приступила к разрушению аппарата якобинской диктатуры (были упразднены Парижская Коммуна, Якобинский клуб, Комитет общественного спасения был лишен своих основных функций) и ликвидации ее социальных мероприятий³. Процесс медленного уничтожения демократических завоеваний Великой французской революции был начат после переворота 9 термидора. При всем этом термидорианцы сохранили основные республиканские учреждения, свободу печати, правда, ограниченную для демократической прессы.

---

¹ Е.Б. Черняк, 1794-й год. Некоторые актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Новая и новейшая история, 1989, N 1, с. 78-79.

² Д.Ю. Бовыкин, Термидор: старые проблемы и новые споры // Французский ежегодник — 2000, М., 2000, с. 102.

³ А.З. Манфред, Великая французская революция, М., 1983, с. 197-201.

Как отмечал академик Е.В. Тарле, "уже после 9 термидора обозначилась та "система маятника" или "качелей", которая потом, при Директории, сделалась основной осью всей внутренней политики правительственной власти"⁴. При Директории продолжалось по существу господство той же термидорианской буржуазии, неустойчивая политика которой привела к свержению правительства в довольно короткий срок.

В течение своего правления Директория стояла перед угрозой реставрации монархии Бурбонов. Именно при Директории роялисты развернули активную деятельность в целях восстановления монархического строя. С помощью армии Директория решительным образом подавляла все выступления контрреволюционеров. В то же время, перед Директорией стояла другая опасность — развитие демократического движения, к которому она испытывала лишь отвращение. В сложившейся обстановке Директория маневрировала, поворачивая свою политику то направо, то налево.

В области внешней политики, втянутая в непрерывные войны с коалициями европейских держав, Директория достигла определенных успехов. Благодаря блестящей кампании генерала Бонапарта в Италии, успешно была завершена война с первой антифранцузской коалицией. По заключенному мирному договору в Кампоформии, Франция упрочила свои позиции на европейском континенте. Но вскоре она была втянута в новую войну против образовавшейся второй антифранцузской коалиции. Поглотившая огромные материальные средства бесконечная война наложила глубокий отпечаток на политику Директории и во многом определила ее дальнейшую судьбу.

Правительство Директории, призванной служить интересам термидорианской буржуазии, предприняло конкретные шаги на пути создания нового, буржуазного общест-

---

⁴ Е.В. Тарле, *Жерминаль и прерияль* // Е.В. Тарле, *Сочинения в 12-ти томах*, М., 1959, т. 6, с. 362.

венного строя. В этом отношении следует отметить мероприятия Директории в области административного и финансового правления⁵. Важное значение для буржуазии имела также экономическая политика Директории, способствовавшая развитию французской экономики по капиталистическому пути. "Буржуазная оргия", по определению Ф. Энгельса, началась именно при Директории⁶.

Несмотря на то, что в годы советской власти автор, в отличие от многих представителей своего поколения, не гордился тем, что был историком-марксистом, тем не менее, он по сей день не отрекся от теории исторического материализма и в интерпретации истории буржуазных революций нового времени на Западе придерживается марксистской методологии. В этой связи имеет смысл привести характерный пример одного из крупнейших французских историков, Жака Годшо, который полностью не принимал марксизм и не считал себя историком-марксистом, однако в трактовке истории Великой французской революции был близок (за исключением теории "атлантической революции") к интерпретации, выдвинутой советскими исследователями.

В советской, как и в современной российской исторической литературе, не было до сих пор специальной работы, посвященной перевороту 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.). Это событие не стало предметом специального изучения как дореволюционными русскими и советскими, так и современными российскими историками. Мы постарались в какой-то мере восполнить этот пробел.

В настоящей работе подробно изучалась история переворота 18 фрюктидора. Во временном отношении она охватывает короткий период — с конца 1796 г. до осени 1797 г.

---

⁵ См. подробно: J.-R. Suratteau, *Directoire, points de vue et interprétations d'après des travaux récents* // *Annales historiques de la Révolution française* (далее: AHRF), 1976, N 224.

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 37, с. 267.

(за исключением раздела, посвященного зарубежным связям французской контрреволюции). Выбор темы не случаен, ибо в политике "качелей" Директории особое место занимает переворот 18 фрюктидора, открывший путь для переворота 18 брюмера и установления авторитарного режима Наполеона Бонапарта. Именно это обстоятельство и диктует необходимость его тщательного изучения.

Автор стремится выявить политические сдвиги, происшедшие за этот период, изучить предпосылки переворота 18 фрюктидора, раскрыть причины неустойчивости правительства, приведшие, в конечном итоге, к его свержению в брюмере VIII года. Особое внимание уделено деятельности роялистов накануне и после выборов V года, непосредственным результатом которых был переворот, борьбе Директории с роялистской угрозой. На основе неизученных архивных документов исследованы связи французской контрреволюции с различными странами Европы, во многом способствовавшие ей в борьбе против Директории. В сложившейся обстановке, при все большем усилении натиска роялистов, Директория была вынуждена, нарушив конституцию, прибегнуть к помощи вооруженных сил республики. Но эта идея родилась у нее не в готовом виде, как Минерва из головы Юпитера. Автор тщательно изучил вопрос осмысления Директорией роли армии и полководцев в судьбах страны, а также проследил за процессом осознания армией своей силы.

При написании данной работы автор использовал материалы российских архивов. Важнейшим источником явились, в частности, документы Архива внешней политики Российской империи — донесения российских дипломатов из различных европейских государств (Англии, Австрии, Пруссии, Испании и т. д.). Используются также донесения бывшего российского посла в Париже И.М. Симолина, находившегося в тот период в Пруссии и внимательно следившего за событиями во Франции.

В донесениях российских дипломатов главное внимание уделено событиям на международной арене. Эти документы включают ценный материал, позволяющий раскрыть отношение правящих кругов европейских стран к событиям во Франции. Помимо того, в этих донесениях имеются сведения, позволяющие в какой-то мере проследить и за развертыванием событий в самой Франции.

Автором использованы также некоторые документы из обширного фонда по истории французской эмиграции, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации⁷, а также материалы из личного архива видного политического деятеля Марка-Антуана Жюльена, который находится в Российском государственном архиве социально-политической истории⁸.

Автор широко использовал опубликованные печатные источники. Особый интерес для изучения истории Директории представляют материалы, опубликованные в многотомном издании "Париж в годы термидорианской реакции и Директории", осуществленном А. Оларом⁹. Подавляющее большинство опубликованных документов составляют полицейские донесения, привлеченные из Национального архива. Продолжением этого издания можно считать опубликованный Ш. Балло сборник документов, относящийся к событиям V года и перевороту 18 фрюктидора, также включающий полицейские донесения¹⁰. Несмотря на некоторые пробелы (отсутствие материалов по экономической истории, о положении и позиции крестьянства и т. д.) эти сбор-

---

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ф. 728 (Зимний Дворец).

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ), ф. 317 (М.-А. Жюльена).

⁹ A. Aulard, Paris sous la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris (далее: Paris...), Paris, 1899-1902, t. 3-4.

¹⁰ Ch. Ballot, Le coup d'État du 18 fructidor an V. Rapports de police et documents divers, Paris, 1906.

ники позволяют судить о колебаниях общественного мнения широких слоев населения не только в столице, но и на периферии.

Нами использованы воспоминания государственных, политических, военных деятелей эпохи, имеющаяся в библиотеках России и Украины (речь, в частности, идет о богатейшем фонде Воронцовых, хранящегося в библиотеке Одесского государственного университета), к сожалению, скудная французская и английская пресса.

Автор выражает благодарность всем товарищам, помогавшим при написании этой работы, в частности, д. и. н. Е.Б. Черняку и профессору университета Монпелье III П. Барралю. Считаю нашим долгом с благодарностью вспомнить имена Альбера Мариуса Собуля и Галины Сергеевны Чертковой, оказавших большую помощь во время работы над этой темой.

Автору настоящей работы посчастливилось долгие годы работать под руководством выдающегося советского историка с мировым именем, крупного специалиста по истории Франции Виктора Моисеевича Далина (1902-1985). Он и ему подсказал необходимость изучения этой темы, совершенно не разработанной в советской (в равной степени и в современной российской) исторической литературе. Многолетнее общение с В.М. Далиным, историком незаурядного таланта, колоссальных знаний, по определению Фернана Броделя, "тонкого знатока источников и методов исторического исследования"¹¹, помогло нам за сравнительно короткий срок овладеть основными методами научно-исследовательской работы, усилило наш интерес к архивным изысканиям, способствовало расширению нашего научного кругозора. Автор свято чтит память своего доброжелательного и заботливого, но, в то же время, строгого, требовательного и глубоко принципиального научного руководителя, с кото-

---

¹¹ Ф. Бродель, In Memoriam. [Albert Manfred] // Французский ежегодник — 1976, М., 1978, с. 25.

рым он был в очень теплых, непринужденных и откровенных отношениях¹².

В. М. Далин

На формирование автора, как историка Великой французской революции, глубокое воздействие имело творчество одного из виднейших французских ученых, Жака Годшо (1907-1989), кого Ж.-Р. Сюратто по праву считал одним из пяти крупнейших историков Великой французской революции XIX столетия, наряду с А. Оларом, А. Матъезом, Ж. Лефевром и А. Собулем¹³. Несмотря на то, что автору так и не довелось общаться с ним лично, исследования, вышедшие из под плодовитого пера этого маститого исследователя щедро обогатили его знания.

Еще в начале 70-х годов прошлого века автор приступил к чтению книг одного из крупнейших историков XIX столетия, авторитетнейшего специалиста по истории Франции,

---

¹² См.: В.А. Погосян, В.М. Далин, каким я его знал // Французский ежегодник — 2002, М., 2002.

¹³ J.-R. Suratteau, Jacques Godechot et le Directoire // AHRF, 1990, N 281, p. 329.

Альберта Захаровича Манфреда (1906-1976). Под воздействием научного наследия А.З. Манфреда возрос его интерес к истории Великой французской революции и наполеоновской империи, к самобытной и недостижимой культуре и цивилизации французского народа. Именно ему автор обязан своей любовью к истории Франции XVIII столетия, по словам Ж. Санд, к "вольтеровскому веку"¹⁴.

А. З. Манфред

14 июля 1976 г. в Институте всеобщей истории АН СССР автору этих строк представилась счастливая возможность познакомиться с А.З. Манфредом. В конце беседы с автором, бывшим в то время еще студентом Ереванского государственного университета, А.З. Манфред выразил желание стать его будущим научным руководителем, после его поступления в аспирантуру. Однако, безвременная кончина этого выдающегося ученого, последовавшая 16 декабря того

---

¹⁴ Ж. Санд, Снеговик // Ж. Санд, Собр. соч. в девяти томах, Л., 1974, т. 9, с. 57.

же года, не позволила ему осуществить одно из последних его намерений.

Тем не менее, творчество А.З. Манфреда, крупнейшего эрудита, одаренного редчайшим литературным талантом, помогло автору не только сориентироваться во многих запутанных перепутьях истории Франции конца XVIII — начала XIX вв., но и усвоить различные тонкости исследовательской работы, в частности, методы изложения материала.

Незабвенной памяти А.З. Манфреда, которого наряду с В.М. Далиным и Ж. Годшо, автор считает одним из своих учителей, он и посвящает настоящую работу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

История Великой французской буржуазной революции XVIII столетия тщательно изучалась на протяжении XIX-XX веков. Это грандиозное в истории нового времени событие находилось в центре научных поисков историков многих поколений различных стран. Французская революция и сегодня вызывает большой интерес, привлекает внимание исследователей самых различных исторических школ и направлений. Наибольшее внимание историки уделяли истории "восходящей фазы" Великой французской революции, история термидорианской реакции и, в особенности, Директории — оказалась относительно меньше освещенной¹⁵. М. Вовель не без иронии отмечал, что "Директория является бедным родственником историографии Французской революции"¹⁶.

Историческое значение Директории и ее место в новой истории Франции в историографии Великой французской революции освещались по-разному. В этом отношении изучение истории Директории во французской исторической литературе (начиная с 20-ых гг. XIX в. и вплоть до наших дней) прошло несколько основных этапов¹⁷.

Известные французские историки первой половины XIX века (Ф. Минье, А. Тьер, Ж. Мишле и др.) рассматривали историю Директории как бы попутно. Ограничиваясь общими замечаниями о деятельности Директории и сыгран-

¹⁵ См. библиографию по истории Директории в кн.: G. Lefebvre, *La France sous le Directoire*. Édition intégrale du cours "Le Directoire" présenté par J.-R. Suratteau. Avant-propos d'A. Soboul, Paris, 1977, p. 739-790.

¹⁶ M. Vovelle, *Les aventures de la raison*, Paris, 1989, p. 83.

¹⁷ См. подробно: В.А. Погосян, *Директория в исторической литературе // Французский ежегодник — 1983, М., 1985.*

ной ею роли в новой истории Франции, они не вдавались в объяснение своих оценок. Объектом систематического изучения она стала лишь с 90-х годов XIX века.

Первый специальный труд, посвященный истории Директории, был написан Л. Сиу¹⁸. На основе изучения материалов Национального архива в Париже он впервые подробно исследовал политику и дипломатию Директории, но совершенно не коснулся экономических проблем, поверхностно осветив финансовую деятельность правительства.

Политические взгляды и настроения, по словам Г. Девиля, "историка-монархиста и католика" Сиу¹⁹, явно враждебны Французской революции. Не скрывая антипатии к правительству Директории, Сиу охарактеризовал его как "незаконное и тираническое", а период от термидора до брюмера он назвал "грустным в истории Франции"²⁰. Крайне враждебно отзывался он о государственном перевороте 18 фрюктидора, вследствие которого, по его мнению, "якобинизм получил новые силы... для поддержки фрюктидорианцев в осуществлении их дезорганизаторской политики"²¹. Все его симпатии на стороне конституционной монархии, поэтому он восхваляет деятельность правого большинства Законодательного корпуса весной 1797 г., стремившегося к восстановлению монархического строя²². Однако труд Сиу, несмотря на враждебное отношение автора к революции, до сих пор сохранил значение, ибо в нем содержится богатый фактический материал.

Развитие реваншизма и национализма во Франции в конце XIX столетия во многом способствовало возростанию интереса к Наполеону I и идеализации его личности²³.

¹⁸ L. Sciout, *Le Directoire*, Paris, 1895-1897, t. 1-4.

¹⁹ G. Deville, *Thermidor et Directoire (1794-1799)*, Paris, 1904, p. 355.

²⁰ L. Sciout, *op. cit.*, t. 1, p. XI-XLVI; t. 3, p. 475.

²¹ *Ibid.*, t. 3, p. 445-446.

²² *Ibid.*, t. 2, p. 479-484.

²³ J. Godechot, *L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne (1800-1815)*, Paris, 1967, p. 279-288.

Именно в это время появилась огромная апологетическая литература, посвященная Наполеону. Стали широко известными имена таких историков, как А. Сорель, А. Вандаль, Ф. Массон, Э. Дрио и других. Среди них к внутренней политике Директории обратились А. Вандаль и Л. Мадлен.

Главное внимание сконцентрируя на деятельности генерала Бонапарта к 1799 г. и восхваляя его, они не только односторонне освещали историческое значение Директории, отрицая все сколько-нибудь положительные стороны ее деятельности, но и обошли молчанием важнейшие события внутривластной жизни 1795-1799 гг., в том числе историю переворота 18 фрюктидора. Среди представителей этого направления лишь Мадлен поверхностно затронул некоторые аспекты истории внутренней политики Директории, которые в той или иной степени имеют отношение к истории переворота 18 фрюктидора. В книге "Франция в годы Директории", которая не является целостным исследованием, он раскрыл отдельные стороны ее истории (роль армии, нравы и быт парижан и т. д.)²⁴.

В начале XX века вышла известная книга А. Олар по истории Французской революции²⁵. Олар первым приступил к систематическому изучению архивных материалов по истории Великой французской революции и в этом одна из главнейших его заслуг. Но его метод, сводившийся к изучению исключительно политической истории революции, был односторонним²⁶. Ограниченность такого подхода отчетливо проявилась в понимании им Директории и в отборе проблем (раздел о Директории состоит из нескольких этюдов по отдельным вопросам внутренней политики). Рассматривая Директорию как буржуазную республику²⁷, он полагал, что

---

²⁴ L. Madelin, *La France du Directoire*, Paris, 1922.

²⁵ A. Aulard, *Histoire politique de la Révolution française*, Paris, 1901. Рус. пер.: А. Олар, *Политическая история Французской революции*, М., 1938.

²⁶ Н.М. Лукин, Альфонс Олар (1849-1928) // Н.М. Лукин, *Избранные труды*, М., 1960, т. 1, с. 196-218.

²⁷ А. Олар, указ. соч., с. 663, 690, 731.

конституция III года "отняла всеобщее избирательное право... создала нацию из буржуазии". Но само понимание буржуазности этой республики у Олара чисто политическое. При буржуазной республике было установлено "господство политически привилегированного класса" (курсив наш — В. П.)²⁸.

Основное внимание Олар уделил религиозной политике, что было обусловлено политической обстановкой во Франции, усилением борьбы радикалов против католической церкви. Роль религиозного фактора в политической жизни Франции конца XVIII столетия им явно преувеличена. Согласно его трактовке религиозный вопрос послужил "яблоком раздора между двумя враждебными лагерями" до переворота 18 фрюктидора²⁹.

В изучении политической истории Директории несомненные заслуги имеет А. Менье, впервые осветивший в специальной монографии перевороты 18 фрюктидора, 22 флореаля, 30 прериаля и 18 брюмера³⁰. Он подробно проанализировал политические предпосылки этих переворотов, взаимоотношения исполнительной власти с законодательной, показав, что в политической жизни Франции конца XVIII столетия решающую роль приобрела армия. Но концентрируя свое внимание главным образом на политической истории, Менье полностью обошел проблемы экономической истории и тесную взаимную связь обеих. Освещая историю кризиса V года, Менье не признавал существования англо-роялистского сговора в период выборов V года (весной 1797 г.). Всю деятельность роялистской группировки "Клиши" он сводил к антиправительственной оппозиции. Клуб "Клиши", согласно его концепции, "отнюдь не являлся роялистским". Подобные же оценки им даны и дру-

---

²⁸ Там же, с. 670, 701.

²⁹ Там же, с. 776, 834.

³⁰ А. Meynier, Les coup-d'États du Directoire. Paris, 1927-1928, t. 1-3.

гим роялистским группировкам³¹. Причины государственного переворота 18 фрюктидора он видел исключительно в несогласованности действий Законодательного корпуса и Директории. Подводя итоги, он подчеркивал, что 18 фрюктидора "Директория покарала несуществующий роялистский заговор"³².

Трехтомный труд Менье основан на изучении большого материала, благодаря чему он сохраняет свое значение и поныне. Но выводы и заключения автора, в основном спорные и ошибочные, были подвергнуты обоснованной критике Альбером Матъезом³³ и Жоржем Лефевром.

В начале XX века значительно возрос интерес к изучению социальной и экономической истории Французской революции. Это было связано с появлением книги Жореса "Социалистическая история французской революции", а также в немалой степени этому способствовала деятельность созданной по его инициативе в 1903 г. комиссии по изучению и изданию документов относящихся к экономической истории Французской революции, выполнившей ценную работу в этом направлении³⁴. В дальнейшем, в 20-30-е годы углубленному изучению социальной и экономической истории в большей мере способствовал основанный в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром журнал "Анналы социальной и экономической истории", приобретший широкую известность.

Эта обозначившаяся общая тенденция во французской исторической литературе повлияла и на изучение истории Директории. Новая полоса в ее исследовании открылась с середины 30-х годов XX века, когда появилась книга выдающегося французского историка, видного представителя

---

³¹ Ibid., t. 1, p. 16-20.

³² Ibid., t. 3, p. 120.

³³ См. критическую рецензию Матъеза на первый том книги Менье в AHRF (1928, N 26).

³⁴ См.: J. Godechot, La commission d'histoire économique et sociale de la Révolution change de titre: bilan de 80 ans d'activité // AHRF, 1984, N 257, p. 323.

демократического крыла во французской историографии А. Матьеза "Директория"³⁵.

А. Матьез, начавший свою деятельность как ученик Олара, одним из первых приступил к систематическому изучению истории Директории. Его книга о некоторых аспектах религиозной политики Директории, защищенная им в 1904 г. в качестве докторской диссертации, до сих пор сохраняет свое значение³⁶. Свой план опубликования полного курса истории Директории А. Матьез осуществить не успел. Книга его, посвященная первой Директории (1795-1797), была опубликована после безвременной кончины автора, благодаря усилиям Ж. Годшо.

Общеизвестно отрицательное отношение А. Матьеза к наследию его учителя А. Олара³⁷. Порвав отношения с ним еще в 1907-1908 гг.³⁸, он в конце своей научной деятельности проявил должное внимание к экономической истории. В последних работах А. Матьез выступает не только как исследователь истории политических событий, но тщательно анализирует проблемы социальной истории и классовой борьбы³⁹.

Книга о Директории носит явный отпечаток эволюции А. Матьеза. В ней большое место уделено экономическим сдвигам в стране, финансовой политике правительства, другим проблемам социальной истории. Этот подход к исследованию Директории оказался весьма плодотворным. А. Матьез, в частности, впервые подробно проанализировал сложней-

---

³⁵ A. Mathiez, *Le Directoire du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V, publié d'après les manuscrits de l'auteur par Jacques Godechot*, Paris, 1934.

³⁶ A. Mathiez, *La théophilantrophie et le culte décadaire 1796-1802. Essai sur l'histoire religieuse de la Révolution*, Paris, 1904. См. об этой книге: J. Friguglietti, *Albert Mathiez – historien révolutionnaire (1874-1932)*, Paris, 1974, p. 54-61.

³⁷ Н.М. Лукин, указ. соч., с. 216-217; В.М. Далн, *Историки Франции XIX-XX веков*, М., 1981, с. 181; J. Godechot, *Un jury pour la Révolution*, Paris, 1974, p. 304.

³⁸ J. Friguglietti, op. cit., p. 71-89; J. Godechot, op. cit., p. 297-299.

³⁹ A. Mathiez, *La vie chère et le mouvement social sous la terreur*, Paris, 1927.

шую расстановку политических сил во Франции в 1796-1797 гг., раскрыл подлинные предпосылки переворота 18 фрюктидора. Он изучил деятельность левой оппозиции (клуба Пантеона, движения во имя Равенства), хотя и ошибался в оценке бабувизма⁴⁰ и правых группировок. Он фактически первым четко выделил два основных течения роялистского движения — конституционалистов и сторонников неограниченной монархии — и характеризовал их деятельность от заговора Бротье до переворота 18 фрюктидора. А. Матъез обнаружил не только основные расхождения между ними, но и то, что объединяло роялистов всех оттенков.

Выступая против точки зрения А. Менье, А. Матъез убедительно доказал наличие англо-роялистского сговора во Франции весной 1797 г. "Выборы V года, — писал он, — были не только клерикальными, они были также английскими"⁴¹. А. Матъез нарисовал реальную картину внутривнутриполитической жизни страны, раскрыл возрастающее значение армии и генералов как основной опоры республиканского правительства в критической ситуации, создавшейся летом 1797 г. Он с горечью отмечал, что народные массы не принимали в перевороте 18 фрюктидора никакого участия, не были вовлечены Директорией в орбиту политических событий⁴².

Как мы уже отметили, А. Матъез не успел завершить этот труд, но начатое им дело продолжили Ж. Лефевр и Ж. Годшо, создавшие целый ряд ценных исследований по истории Франции конца XVIII столетия.

В 20-х годах во французской историографии имя Ж. Лефевра стало широко известным. На формирование Ж. Лефевра-историка, огромное влияние имел Ж. Жорес и его "Социалистическая история Французской революции". Всю свою творческую жизнь Ж. Лефевр посвятил изучению Ве-

---

⁴⁰ См.: В.М. Далин, Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794), М., 1963, с. 24-25.

⁴¹ A. Mathiez, Le Directoire..., p. 285.

⁴² Ibid., p. 333.

ликой французской революции. Именно в его лице, по определению А. Собуля, "крестьянские массы нашли своего историка"⁴³.

Ж. Лефевр исследовал также историю Директории. В опубликованной в 1946 г. книге "Директория"⁴⁴, в сжатом виде он изложил историю всех этапов Директории, подвергнув критическому анализу работы своих предшественников. В развернутом виде точка зрения Лефевра представлена в объемистом исследовании "Франция в годы Директории", изданном его учениками А. Собулем и Ж.-Р. Сюратто⁴⁵. Это лекционный курс Лефевра по истории Директории, который в 40-х годах он читал в Сорбонне (в качестве приложения к книге опубликована полемика Ж. Лефевра с А. Менье по поводу того, был ли англо-роялистский сговор во Франции в период выборов V года).

Особое место Ж. Лефевр уделил изучению политических переворотов Директории. В исследовании предпосылок переворота 18 фрюктидора он пошел дальше А. Матьеза, подробно обрисовав соотношение политических сил во Франции накануне этого события. Он раскрыл стремления основных группировок французских роялистов в годы первой Директории, а также зарубежные связи контрреволюции и подтвердил выдвинутые А. Матьезом обоснованные положения о существовании англо-роялистского сговора весной 1797 г.

В исследовании истории Директории неоспоримые заслуги имеет Жак Годшо, начавший свою научную деятельность под руководством А. Матьеза в 20-х годах. Он создал ряд ценных исследований, в основном по проблемам политической истории Французской революции и ее влияния за пределами Франции. Автор около 20-и монографий, посвя-

---

⁴³ A. Soboul, *Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire en l'an II (1793-1794)*, Paris, 1973, p. 13.

⁴⁴ G. Lefebvre, *Le Directoire*, Paris, 1946.

⁴⁵ G. Lefebvre, *La France sous le Directoire*.

щенных в основном истории революционной и наполеоновской эпохи, Ж. Годшо внес крупнейший вклад в изучение политической истории Директории⁴⁶. Проявив пристальное внимание к истории французской контрреволюции в годы Директории, он еще на заре своей научной деятельности написал несколько важных этюдов, которые в 1933 г. были опубликованы отдельной книгой⁴⁷. Особый интерес представляют статьи о генерале Моро накануне переворота 18 фрюктидора и роялистской пропаганде в армии Самбры и Мезы в тот же период. Ж. Годшо впервые выдвинул гипотезу о том, что Моро изменил еще до переворота 18 фрюктидора. Используя вновь выявленные источники, он подтвердил свою точку зрения в последующих работах⁴⁸.

Продолжая поиски, Ж. Годшо написал несколько работ по истории контрреволюции, о ее зарубежных связях. Плодом тщательного изучения архивов Великобритании явилась его оригинальная статья о разведывательной деятельности английской дипломатии во Франции в 1795-1799 гг.⁴⁹. В ней доказано, что в годы Директории в стране существовала густая сеть английской разведывательной службы. В 1961 г. вышел в свет самый значительный труд Ж. Годшо по этой теме — "Контрреволюция"⁵⁰. Ж. Годшо не только показал практическую деятельность контрреволюционеров, но и определил основные этапы эволюции теоретической мысли французских роялистов. Книга оставила далеко позади исследование Мадлена на эту же тему⁵¹. Большой ее раздел посвящен истории Директории. Продолжая традиции А. Матъеза, Ж. Годшо изучил два направления фран-

---

⁴⁶ См.: J.-R. Suratteau, Jacques Godechot et le Directoire.

⁴⁷ J. Godechot, *La propagande royaliste aux armées sous le Directoire*, Paris, 1933.

⁴⁸ J. Godechot, *Lacretelle le jeune et le 18 fructidor* // AHRF, 1956, N 145.

⁴⁹ J. Godechot, *Le Directoire vu de Londres* // AHRF, 1949, N 116; 1950, N 117.

⁵⁰ J. Godechot, *La contre-révolution. Doctrine et action, 1789-1804*, Paris, 1961; 2ème éd.: 1984.

⁵¹ L. Madelin, *La contre-révolution pendant la Révolution française (1789-1815)*, Paris, 1935.

цузского роялизма в 1795-1797 гг., осветил измену генерала Пишегрю, его связи с монархистами. Основной вывод, к которому пришел автор, сводится к тому, что кризис V года мог бы проявиться намного сильнее. Но этому в большей мере помешало разделение роялистов на абсолютистов и конституционалистов⁵².

Другая важнейшая проблема, привлекающая внимание Ж. Годшо, — военная политика Директории. На необходимость изучения этого совсем до тех пор никем не разработанного аспекта истории Директории ему указал Матьез еще в 20-х годах⁵³. После десяти лет упорных изысканий в богатейших архивных хранилищах Франции, Италии, Швейцарии, Германии он в 1937 г. опубликовал двухтомный, капитальный труд о комиссарах Директории (свыше 1000 страниц)⁵⁴, который А.З. Манфред считал образцовым⁵⁵.

Опираясь на обширный круг архивных источников Ж. Годшо тщательно изучил деятельность комиссаров Директории во французских армиях, расположенных в Италии, Швейцарии, Германии. Детальный анализ источников позволил ему проанализировать сложные взаимоотношения между комиссарами и генералами республики, с одной стороны, и Директорией, с другой.

Внимательно проследив сложный процесс возникновения, деятельности, а затем упразднения системы комиссаров в армии, Ж. Годшо превосходно раскрыл причины противоречивого отношения к ней Директории, уделив при этом первостепенное значение экономическому фактору. Особенно ценны его соображения по поводу временного упразднения института комиссаров в конце 1796 г. Ж. Годшо убедительно доказал, что политика Директории в этом вопросе зависела преимущественно от поступлений звон-

⁵² J. Godechot. *La contre-révolution*, p. 309.

⁵³ J. Godechot. *Mes souvenirs sur Albert Mathiez* // AHRF, 1959, N 156, p. 104-105.

⁵⁴ J. Godechot. *Les commissaires aux armées sous le Directoire*, Paris, 1937, t. 1-2; 2ème éd.: 1941.

⁵⁵ А.З. Манфред, указ. соч., с. 403.

кой монеты, стекавшей в казну государства через комиссаров армий. Тем самым он подчеркнул еще раз сущность Директории, как новорожденного буржуазного правительства. Не получив к концу 1796 г. от армий ожидаемых материальных средств, с помощью которых правители Франции намеревались восстановить расстроенные финансы республики, Директория решила упразднить систему комиссаров. Освободив генералов от ее контроля, Директория дала им полную свободу действий.

Крупнейший вклад в разработку узловых проблем истории Великой французской революции принадлежит ученику Ж. Лефевра, историку-марксисту Альберу Собулю. Всю свою жизнь занимаясь историей Великой французской революции, он создал ценные научные труды, изучив Французскую революцию "снизу", с точки зрения участия в ней широких народных масс, городских низов-санкюлотов и крестьянства.

Несмотря на то, что А. Собыль не занимался специально историей Директории, различные ее проблемы он все же осветил в своих обобщающих работах по истории Французской революции, адресованных не только специалистам, но и более широким читательским кругам⁵⁶. В главах по истории Директории А. Собыль опирается на опубликованные источники и литературу. Оригинальность его исследования заключается в новых постановках проблем, в общей оценке исторического значения этого этапа революции.

А. Собыль характеризует Директорию, как буржуазное государство — "республику нотаблей", опиравшуюся "на право собственности и на экономическую свободу, которые обеспечивают им (т. е. собственникам — В. П.) преобладаю-

---

⁵⁶ А. Soboul, Précis d'histoire de la Révolution française, Paris, 1962; *idem*: Le Directoire et le Consulat, Paris, 1967; *idem*: La 1re République, Paris, 1968 (рус. пер.: А. Собыль, Первая республика. Под ред. и с введ. ст. А.З. Манфреда, М., 1974); *idem*: La Révolution française, Paris, 1982.

щее положение в обществе"⁵⁷. Выявляя причины государственного переворота 18 фрюктидора, он придал важное значение финансовому кризису, в котором страна находилась с конца 1796 г. Вся концепция А. Собуля опирается на весьма важное положение о непрочности социальной базы Директории. Буржуазия, в руках которой находилась власть, "питала одинаковое отвращение и к демократии, и к бывшей аристократии". А. Собуль неоднократно подчеркивал антинародный характер Директории. Анализируя приобретения буржуазии за годы революции, он пришел к важному выводу: "Термидорианцы закрепили социальное преобладание и политическую власть консервативной буржуазии. Директория их отстаивала"⁵⁸.

Начиная с 50-х годов, усилился интерес к проблемам внутриполитической истории Директории. Этому в большой мере способствовали работы Жана-Рене Сюратто. Крупный специалист по новой истории Франции⁵⁹, Сюратто сосредоточил свое внимание преимущественно на внутриполитической истории Директории и создал целый цикл органически связанных друг с другом работ, посвященных этой теме. В центре его внимания выборы в Законодательный корпус в 1796-1797 гг. Этой проблеме Сюратто посвятил несколько больших статей⁶⁰, в которых подробно освещены внутриполитическое положение страны, участие в выборах различных фракций и группировок (в Париже, в департаментах и в колониях), их результаты. Он впервые представил полную картину выборов IV года в Законодательный корпус, уточнил число избранных депутатов. Обстоятельный анализ атмосферы, царившей в стране, поз-

⁵⁷ А. Собуль, указ. соч., с. 208.

⁵⁸ Там же, с. 297.

⁵⁹ C. Fohlen, J.-R. Suratteau, *Textes et documents d'histoire contemporaine*, Paris, 1964; J.-R. Suratteau, *L'idée nationale de la Révolution à nos jours*, Paris, 1970; *idem*: *La Révolution française: certitudes et controverses*, Paris, 1973.

⁶⁰ J.-R. Suratteau, *Les élections de l'an IV // AHRF*, 1951, N 124; 1952, N 125; *idem*: *Les élections de l'an V aux Conseils du Directoire // AHRF*, 1958, N 154.

волил ему прийти к убедительному заключению о господствовании в новоизбранных Советах политических настроений, свойственных городской буржуазии⁶¹.

Сюратто внес много нового и в изучение выборов V года, на которых абсолютную победу одержали правые группировки. Он вскрыл причины, приведшие на выборах к триумфу реакции. Бедствия, причиненные войной, полная дискредитация ассигнатов, рост цен, неустойчивость власти, стремление сторонников Старого порядка к реваншу привели к своеобразному протесту выборщиков, проголосовавших за противников республиканского правительства. Освещая антидемократическую политику Директории, он считает, что раздувание опасности заговора Равных объективно способствовало не только распространению идей Бабефа, но и сплочению антиправительственной фракции перед выборами V года.

Среди современных французских историков проблемы военной истории времен Директории изучил Жан-Поль Берто, автор многочисленных исследований по истории Французской революции и Первой империи. Особое внимание он уделил изучению воззваний солдат и офицеров в период кризиса V года. Помимо того, Берто сосредоточил внимание на взаимоотношениях армии и Директории после переворота 18 фрюктидора, доказав, что армия и после подавления роялистского заговора выступала против Законодательного корпуса, высказывая свою твердую решимость при необходимости вмешиваться во внутривластные дела. "Таким образом, — заключает он, — переворот 18 фрюктидора ознаменовал важный рубеж во взаимоотношениях государства и армии"⁶².

Что касается последствий переворота, то Берто, по праву, выделяет одно обстоятельство, а именно: "крах конститу-

⁶¹ J.-R. Suratteau, Les élections de l'an IV // AHRF, N 125, p. 54.

⁶² J.-P. Bertaud, La Révolution armée. Les soldats-citoyens et la Révolution française, Paris, 1979, p. 333.

ционного парламентского режима", ибо сами члены правительства впервые были вынуждены использовать войсковые подразделения против национального представительства⁶³.

К истории переворота 18 фрюктидора неоднократно обращался и крупнейший наполеоновед наших дней Жан Тюлар. Если в биографии Наполеона к истории переворота он обратился лишь в плане выяснения участия в нем генерала Бонапарта⁶⁴, то в последующих работах он высказал ряд заслуживающих внимания соображений уже на счет самого этого события. По его мнению, переворот ознаменовал "глубокий разрыв в истории Директории", вследствие чего "умеренность уступает место насилию"⁶⁵. Именно поэтому, одержанную Директорией победу он характеризует "пирровой", которая подрывала престиж правительства и толкала его на "путь военных переворотов"⁶⁶. После переворота, как он отмечает, оказавшаяся в изоляции Директория, дабы уцелеть, была вынуждена проводить полностью ее скомпрометировавшую "авторитарную политику"⁶⁷.

...

Великая французская революция привлекла пристальное внимание известных английских и американских исследователей, таких, как Р. Кобб, Дж. Рюде и др. Среди них обозначились два основных течения: одно представлено было продолжателями Томпсона и учениками Ж. Лефевра (Кобб в начальный период его деятельности, Рюде, Р. Б. Роуз). Другое течение в той или иной мере примыкает к А. Коббену и представляет разные оттенки либеральной исторической мысли.

---

⁶³ J.-P. Bertaud, *Initiation à la Révolution française*, Paris, 1989, p. 306.

⁶⁴ J. Tulard, *Napoléon ou le mythe du sauveur*, Paris, 1977.

⁶⁵ J. Tulard, *Les événements* // J. Tulard, J.-F. Fayard, A. Fierro, *Histoire et dictionnaire de la Révolution française, 1789-1799*, Paris, 1987, p. 230.

⁶⁶ J. Tulard, *Le Directoire et le Consulat*, Paris, 1991, p. 28.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 29.

В последние десятилетия некоторые историки сосредоточили свое внимание на периоде Директории. Особый интерес проявляется английскими историками к изучению проблем французской эмиграции, контрреволюционного движения, политики Англии в отношении к Французской революции. Первые работы на эту тему появились в Англии еще в начале 50-х годов XX столетия⁶⁸. Наибольший интерес представляет книга Г. Митчелла, посвященная политике кабинета Питта Младшего по отношению к Французской республике, его связям с контрреволюционным подпольем в самой Франции, деятельности находившегося в Швейцарии в 1794-1800 гг. английского дипломата и организатора разведывательной сети Уильяма Уикхема⁶⁹. В книге Митчелла, написанной в основном на материалах Архива внешней политики Великобритании, четко показано, что политика Англии в тот период определялась стремлением к реставрации во Франции конституционной монархии типа 1797 г. Существование англо-роялистского сговора в период выборов V года он считает неопровержимым⁷⁰.

Среди работ американских историков следует выделить ценное исследование И. Волоха о демократическом движении в годы Директории, основанное на тщательном изучении материалов Национального архива Франции и демократической прессы⁷¹. Автор сосредоточил внимание на деятельности демократических клубов после подавления бабувистского движения в тяжелые для республики месяцы V года. Ему удалось доказать, что хотя обстановка в стране после завершения Вандомского процесса была неблагоприятной для какого-либо значительного возрождения де-

---

⁶⁸ D. Greer. *The Incidence of Emigration during the French Revolution*, Cambridge, 1951; M. Weiner. *The French Exiles, 1789-1815*, London, 1960.

⁶⁹ H. Mitchell. *The Underground War against the Revolutionary France. The Missions of William Wickham, 1794-1800*, Oxford, 1965.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 215.

⁷¹ I. Woloch. *Jacobin Legacy. The Democratic Movement under the Directory*, Princeton, 1970.

мократических клубов, республиканское движение продолжало существовать⁷².

...

Русские историки второй половины XIX века внесли крупный вклад в изучение истории Великой французской революции, главным образом ее экономической истории⁷³. Но видные представители "русской школы" (И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский и др.) полностью обошли термидорианскую реакцию и Директорию, что было обусловлено их пониманием истории Французской революции.

Лишь Н.И. Кареев в общих чертах обратился к истории Директории, посвятив ей короткие главы в своих обобщающих трудах по истории Европы и Французской революции. В "Истории Западной Европы" им дана объективная оценка соотношения политических сил к 1797 г. и переворота 18 фрюктидора, согласно которой переворот "нанес удар возрождению роялизма, находившегося в сношениях с эмиграцией и коалицией"⁷⁴. Однако, в дальнейшем, он пересмотрел эту оценку и стал ошибочно утверждать, что летом 1797 г. роялистского заговора во Франции "на деле не было"⁷⁵.

Е.В. Тарле в тот период обратился к проблемам внутренней политики Директории. Для экономической истории Франции конца XVIII столетия сохранили известное значение его работы "Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789-1799 гг.)" и "Рабочий класс во Франции в эпоху революции"⁷⁶, в основе которых лежали материалы французских архивов. Что касается исто-

---

⁷² Ibid., p. 76.

⁷³ Н.И. Кареев, *Историки французской революции*, М., 1925, т. 3, с. 146-297; Б.Г. Вебер, *Историографические проблемы*, М., 1974, с. 201-330; В.М. Далн, *Историки Франции XIX-XX веков*, с. 66-71.

⁷⁴ Н.И. Кареев, *История Западной Европы в новое время*, т. 3. *История XVIII века*, СПб., 1893, с. 642.

⁷⁵ Н.И. Кареев, *Великая французская революция*, Петроград, 1918, с. 381.

⁷⁶ Е.В. Тарле, *Сочинения в 12-ти томах*, М., 1957, т. 1-2.

рии внешней политики Директории, то в русской историографии она освещалась преимущественно в области русско-французских отношений⁷⁷.

Некоторые аспекты внутренней политики Директории и, в частности, переворота 18 фрюктидора поверхностно представлены А.С. Трачевским в сжатой биографии Наполеона I. Сосредоточив внимание на сложных взаимоотношениях генерала Бонапарта с Директорией, автор, по сути дела, ничего нового не привнес в разработку этого вопроса. "С 18-го фрюктидора, — утверждает он, — она (т. е. Директория — В. П.) стала ненавистна всем, так-как вступила на ложный путь насилия, которое должно было завершиться ее гибелью"⁷⁸.

Советская историческая наука, впитав лучшее из опыта "русской школы" в изучении Французской революции, приступила к углубленной разработке ее проблем. Она выдвинула целую плеяду талантливых ученых, создавших капитальные исследования на эту тему. Но, к сожалению, приходится констатировать, что Директория продолжала оставаться вне поля зрения советских исследователей. Используя в первую очередь приобретенный еще в 20-х годах богатейший архив Г. Бабефа, советские и французские историки под руководством В.М. Далина и А. Соболя впервые осуществили международное издание сочинений Бабефа⁷⁹.

В советской историографии история Директории так и не стала объектом специального систематического изучения. В целом, советские историки осветили историю Ди-

---

⁷⁷ Д. Милютин, История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I, 2-е изд., СПб., 1857, т. 1-5; В.А. Тимирязев, Отношения между Россией и Францией сто лет назад // Исторический вестник, 1897, N 12.

⁷⁸ А.С. Трачевский, Наполеон I. Его жизнь и государственная деятельность, С.-Петербург, 1900, с. 28.

⁷⁹ Г. Бабеф, Сочинения в 4-х томах, М., 1975-1981; Œuvres de Babeuf, Paris, 1977, t. 1. См. об этом издании: Г.С. Кучеренко, Издание сочинений Г. Бабефа // Новая и новейшая история, 1983, N 6.

ректории в обобщающих трудах по истории Франции и Великой французской революции. На общем фоне выделяется опубликованный в трехтомнике по истории Франции очерк, посвященный событиям 1794-1799 гг., написанный на самом высоком профессиональном уровне В.М. Далиным, в котором в сжатом виде представлена и история переворота 18 фрюктидора⁸⁰.

Нельзя сказать того же о разделе по истории Директории в "Очерках по истории Великой французской революции" профессора Санкт-Петербургского университета В.Г. Ревуненкова⁸¹, автора книг по истории Пруссии, Польши, стран Латинской Америки, в том числе Франции... Так, в "Очерках" он обратился и к истории Директории, однако, его изложение, наполненное фактическими ошибками, свидетельствует лишь о том, что автор очень далек от достижений новейшей западной литературы в области изучения истории Директории.

Помимо обобщающих трудов, отдельные аспекты истории Директории нашли отражение и в биографических исследованиях виднейших деятелей эпохи, таких, как Наполеон и Талейран. В блестящих биографиях Наполеона, вышедших из под пера крупнейших советских историков Е.В. Тарле и А.З. Манфреда⁸², история переворота 18 фрюктидора рассмотрена в плане выяснения позиции и поведения генерала Бонапарта, на фоне его сложных взаимоотношений с Директорией. Более обстоятельно она представлена в монографии Ю.В. Борисова о Талейране⁸³, в которой автор де-

---

⁸⁰ В.М. Далин, Падение первой республики (от 9 термидора до 18 брюмера) // История Франции в трех томах. Под ред. А.З. Манфреда, М., 1973, т. 2, с. 89-116.

⁸¹ В.Г. Ревуненков, Очерки по истории Великой французской революции, 1789-1799, 2-е изд., Л., 1989.

⁸² Е.В. Тарле, Наполеон // Е.В. Тарле, Сочинения в 12-ти томах, М., 1959, т. 7; А.З. Манфред, Наполеон Бонапарт, 3-е изд., М., 1980.

⁸³ Ю.В. Борисов, Шарль-Морис Талейран, 2-е изд., М., 1989.

лает упор на выяснении перипетий дипломатических отношений.

В современной российской историографии профессором Саратовского университета Н.А. Троицким выдвинуты не вкладывающиеся ни в какие рамки логики "оценки" переворота 18 фрюктидора, на которых нам хотелось бы остановиться подробнее. Сразу же отметим, что своими разносторонними "научными" интересами Н.А. Троицкий мало чем уступает В.Г. Ревуненкову. И так, специалист по истории русского революционного движения XIX в., автор многочисленных, не лишенных интереса, работ по истории Отечественной войны 1812 г., сравнительно недавно принял странное решение, кинув на свои хрупкие плечи тяжелую мантию наполеноведа! Не имея ничего общего к истории наполеоновской империи, в середине 90-х годов XX в. Н.А. Троицкий выступил, по сути дела, в роли нового биографа Наполеона I⁸⁴. Нам трудно судить, какие мотивы побудили его, историка, не владеющего даже французским языком, переступить порог недосягаемой для него научной области. Однако, справедливости ради отметим, что о научной добросовестности автора, безусловно, свидетельствует лишь одно обстоятельство: в предисловии к интересующей нас книге "Александр I и Наполеон", он отмечает, что "о Наполеоне уже написано 400 тыс. трудов"⁸⁵.

Не имея ни малейшего представления о поистине необозримой научной литературе, посвященной истории наполеоновской империи, и, в особенности, о новейших достижениях наполеоноведения, Н.А. Троицкий ограничился лишь пересказом известных биографических исследований французского императора, написанных советскими историками, или же переведенных на русский язык книг французских наполеоноведов, в частности, представителей апологетического направления конца XIX — начала XX вв. Судя по изло-

⁸⁴ Н.А. Троицкий, Александр I и Наполеон, М., 1994.

⁸⁵ Там же, с. 5.

жению материала, он фактически усыновил концепцию апологетов Наполеона, однозначно очернявших историческое значение деятельности Директории и изображавших генерала Бонапарта спасителем Франции на рубеже XVIII — XIX вв. Однако, не обладая, в отличие от них, научным диапазоном, в знаменателе он получил "Tabula rasa".

В нашу задачу ни в коей мере не входит обсуждение этой книги Н.А. Троицкого, наполненной ошибочными суждениями, многочисленными фактическими неточностями. Поэтому ограничимся лишь рассмотрением "оценок", данных автором перевороту 18 фрюктидора. Так, по его убеждению, "французские исследователи склоняются к точке зрения А. Вандаля: контрреволюция во Франции наступила уже давно — особенно с 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г."⁸⁶

Во-первых, Н.А. Троицкий не упоминает имени хоть одного французского историка, кто придерживается этой, мягко говоря, странной и не соответствующей исторической действительности точки зрения. В противном случае, как нам объяснить подъем демократического движения после переворота 18 фрюктидора и одержанную демократическими силами убедительную победу на выборах в жерминале VI года? Мало того, по всей вероятности, дабы обосновать эту абсурдную идею, он утверждает: "переворот (18 брюмера — В. П.) остановил начавшийся еще с 9 термидора и ускорившийся с 18 фрюктидора процесс сползания республики вправо, к возможной реставрации феодализма"⁸⁷. Как выясняется, Н.А. Троицкий не знаком даже с главами по истории Французской революции, помещенными в учебниках для студентов по новой истории Западной Европы.

Советскими и российскими историками в той или иной степени исследованы лишь отдельные аспекты истории Директории: развитие коммунистических идей, восточная по-

---

⁸⁶ Там же, с. 34.

⁸⁷ Там же.

литика, демократическое движение⁸⁸. Некоторые вопросы экономической истории этого периода освещены в фундаментальном исследовании Ф.В. Потемкина "Промышленная революция во Франции"⁸⁹. В целом, история Директории, как и история переворота 18 фрюктидора в российской историографии изучены совершенно недостаточно.

...

Несмотря на проделанную, в частности, французскими историками большую работу, многие аспекты истории переворота 18 фрюктидора в историографии Великой французской революции остаются все еще недостаточно изученными. Речь идет о позиции крестьянства, роли армейских подразделений, ибо историки главное внимание уделяли выяснению роли генералов. Слабо освещены также вопросы истории контрреволюции, ее зарубежных связей, деятельности роялистских организаций (в особенности А и АА) в различных департаментах юга Франции. К сожалению, мы сами лишены возможности осветить часть этих проблем из-за отсутствия источников.

---

⁸⁸ А.Р. Иоаннисян, Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории // Вопросы истории, 1957, N 6; он же: Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958; А.Д. Новичев, Вторжение французов в Египет и франко-турецкая война 1799-1802 гг. // Вопросы истории стран Азии, Л., 1965; В.Ф. Грачев, К вопросу о французской экспедиции в Египет и восточной политике Директории и Наполеона в 1798-1801 годах // Вопросы новой и новейшей истории Франции, Рязань, 1976; С.Е. Киясов, Сильвен Марешаль после поражения "Заговора Равных" (1796 г.) // Новая и новейшая история, 1982, N 5; В.А. Погосян, Марк-Антуан Жюльен // Вопросы истории, 1989, N 11; Д.М. Туган-Барановский, Наполеон и власть (эпоха консульства), Балашов, 1993.

⁸⁹ Ф.В. Потемкин, Промышленная революция во Франции, М., 1971, т. 1.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ К V ГОДУ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ

Директория приступила к исполнению своих обязанностей в очень трудную пору. После переворота 9 термидора, в условиях продолжавшейся войны с участницами первой антифранцузской коалиции, внутривластическое положение страны было весьма непрочным. Неустойчивая финансовая политика термидорианцев, обесценивание ассигнатов, растущая дороговизна вызвали недовольство широких слоев населения. В жерминале и прериале III года простой люд парижских предместий с оружием в руках вышел на улицы столицы. Движение городских низов было жестоко подавлено властями.

В то же время против термидорианского правительства с новой силой выступили роялисты. На всю политику вершителей судеб термидорианской буржуазии, получившей после падения Робеспьера, казалось бы, на первый взгляд, все возможности для свободного процветания, в значительной степени повлияла боязнь возраставшего движения монархистов. К концу правления Конвента роялизм развернул активную, разностороннюю деятельность. 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.) в Кибероне, на северо-западе Франции, высадились вооруженные подразделения французских эмигрантов, насчитывавших 4500 бойцов. Однако, попытка монархистов свержения Конвента не увенчалась успехом. Интервенты были разгромлены армией республиканского генерала Лазара Гоша.

Спустя несколько месяцев, осенью, перед термидорианцами встала новая опасность — реальная угроза восстановления монархии Бурбонов. 13 вандемьера IV года (5 октяб-

ря 1795 г.) в Париже роялисты организовали вооруженное выступление с целью захвата власти. Несмотря на все усилия, роялисты, однако, в борьбе против, пользуясь выражением Бальзака, "угасавшего Конвента"⁹⁰, в очередной раз потерпели сокрушительное поражение. На этот раз мятеж был подавлен еще не очень известным тогда генералом Бонапартом, за которым после этого укрепилось прозвище "генерала вандемъера". Республика была спасена, а имя генерала, освободителя Тулона, спустя несколько дней, 19 вандемъера (11 октября) прозвучало на заседании Конвента и было встречено аплодисментами депутатов⁹¹. Вскоре после этого, 11 брюмера IV года (2 ноября 1795 г.) власть перешла к Директории. По злой иронии превратной судьбы, полководцу во многом способствовавшему установлению нового правительства, было суждено низвергнуть его 19 брюмера VIII года (10 ноября 1799 г.).

Выработанная термидорианской буржуазией конституция III года отвечала исключительно интересам буржуазии⁹². Согласно конституции 2 ноября 1795 г. термидорианский Конвент должен был передать свои полномочия новым органам государственной власти — Законодательному корпусу в составе Совета старейшин и Совета пятисот и Исполнительной Директории. Демократические принципы конституции 1793 г. были отвергнуты. Новая конституция устанавливала двухстепенные цензовые выборы, обеспечивавшие состоятельной буржуазии преобладавшее положение в управлении государством. Законодательный корпус состоял из 750 членов. В Совет старейшин могли быть избраны 250 депутатов, достигших 40 лет, а в Совет пятисот — 500, достигших 30. Конституция предусматривала обновле-

---

⁹⁰ О. Бальзак, История величия и падения Цезаря Бирото // О. Бальзак, Собр. соч. в 24-х томах, М., 1960, т. 12, с. 26.

⁹¹ J. Tulard, L. Garros. Itinéraire de Napoléon au jour le jour, 1769-1821, Paris, 1992, p. 68.

⁹² См. текст в сборнике: Документы истории Великой французской революции. В 2-х томах, М., 1990, т. 1 (далее: Документы...), с. 314-349.

ние трети обоих Советов ежегодно. Совет пятисот выдвигал законопроекты и представлял на рассмотрение Совета старейшин, который их утверждал или же отвергал. Законодательная власть была полностью независима от исполнительной, которая возлагалась на Директорию. Именно в этом кроилась одна из причин не стабильного функционирования будущего правительства.

В Директорию входили назначенные Советом старейшин пять членов, один из которых подлежал ежегодному переизбранию. Директория наделялась широкими полномочиями: она следила за государственной безопасностью, за претворением в жизнь принятых законов, назначала министров, послов, главнокомандующих армиями республики и т. д. В департаментах за соблюдением законов следили назначенные Директорией комиссары.

В состав обосновавшейся в Люксембургском дворце первой Директории входили Баррас, Ларевельер-Лепо, Летурнер, Рейбель и Карно, который заменил отказавшегося от исполнения обязанностей директора Сиейеса.

Первым в состав Директории был избран Луи Мари де Ларевельер-Лепо (1753-1824). До революции советник парижского парламента, член Учредительного собрания и Конвента, проголосовавший за казнь Людовика XVI и поддержавший жирондистов, Ларевельер отнюдь не являлся яркой личностью и не играл руководящей роли в составе Директории. Был, однако, один вопрос, в котором проявлялся его буржуазный либерализм — это религиозная политика. Ларевельер был одним из главных участников теофилантропического движения.

Вопросами военной политики в Директории занимался главным образом Лазар Карно (1753-1823). Член Законодательного собрания и Конвента, "царубийца", как и Ларевельер-Лепо, Карно внес свою лепту в организацию борьбы против сил первой коалиции во II году. Несмотря на то, что

его личность в исторической литературе вызывала споры⁹³, тем не менее, он, по праву, вошел в историю как один из "организаторов победы" над внешними врагами⁹⁴. Однако, политика Карно в годы первой Директории отнюдь не свидетельствовала в его пользу. Этим и объясняется отношение к нему Директории 18 фрюктидора V года. Правда, Карно вел себя с достоинством при Наполеоне, когда голосовал против пожизненного консулата и во время "Ста дней", когда занимал должность министра внутренних дел.

Л. Карно

Одним из виднейших и активнейших членов Директории был Жан-Франсуа Рейбель (1747-1807). Эльзасец по

⁹³ См. например скептическую оценку Энгельса: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 7, с. 500-501.

⁹⁴ M. Reinhard, *Le grand Carnot*, Paris, 1952, t. 1-2.

происхождению, член Учредительного собрания и Конвента (во время процесса короля его в Париже не было, хотя в адресованном Конвенту письме, он одобрил принятое постановление), Рейбель проявлял особый интерес к вопросам внешней политики и по существу руководил внешней политикой Директории. Как эльзасец, он придавал большое значение франко-германским отношениям и не поддерживал итальянских начинаний Бонапарта.

Ж. — Ф. Рейбель

Совершенно незначительную роль в Директории играл друг Карно Этьен Франсуа Летурнер (1751-1817), член Законодательного собрания и Конвента, проголосовавший за казнь короля, тоже военный инженер, как и Карно.

В отличие от него, активным и бессменным членом Директории был Поль Баррас (1755-1828). Член Учредительного собрания и Конвента, проголосовавший за вынесение смертного приговора Людовику XVI, он на протяжении революции принимал активное участие в таких важных событиях как переворот 9 термидора и подавление роялистского

мятежа 13 вандемьера. Вместе с тем, он был совершенно беспринципным человеком, воплощал в себе все отрицательные стороны, всю аморальность "буржуазной оргии" Директории. Баррас, выдвинувший Бонапарта 13 вандемьера, в критический период его жизни, был безжалостно отстранен им после переворота 18 брюмера.

Л. М. де Ларевельер — Лепо

В конце 1795 г., когда власть перешла к Директории, Франция находилась в тяжелом финансовом кризисе. Казна была пуста, новое правительство испытывало большие денежные затруднения, начатый после переворота 9 термидора разгул инфляции продолжался во всю силу. Согласно данным С.А. Далина за два года после переворота 9 термидора сумма ассигнатов увеличилась на 26.8 млрд. ливров, т. е. более чем в пять раз⁹⁵. Находившиеся в обращении бумажные деньги были полностью обесценены. Увеличение

⁹⁵ С.А. Далин, *Инфляция в эпохи социальных революций*, М., 1983, с. 61.

выпуска ассигнатов было обусловлено обесцениванием курса бумажных денег. В ноябре 1796 г. в обращении циркулировали 19.462 миллиона ливров ассигнатов. А. Собуль не без иронии заметил, что стоимость ассигнатов стала ниже стоимости бумаги, на которой они печатались⁹⁶. Если ценность ассигнатов в металлических деньгах в 1790 г. соответствовала 96%-91%, то к моменту установления Директории она упала до 0.87%, а 4 вантоза IV года (22 февраля 1796 г.) равнялась 0.29%⁹⁷.

По мере обесценивания ассигнатов Директория все больше убеждалась в необходимости их замены другим видом бумажных денег. После долгих прений и обсуждений различных проектов, Директория окончательно решила покончить с ассигнатами. Декретом от 10 нивоза IV года (31 января 1796 г.) было прекращено дальнейшее производство ассигнатов и был установлен день торжественного публичного сожжения всех станков и механизмов, употреблявшихся при их изготовлении. 30 плювиоза IV года (19 февраля 1796 г.) на Вандомской площади публично были сожжены не только станки печатания ассигнатов, но и неиспользованный остаток бумажных денег, суммой в 1.167 миллионов ливров.

Создавшееся положение в финансах С.А. Фалькнер характеризовал тремя существенными обстоятельствами: наличием огромной суммы обесценившихся бумажных денег в обращении; полным отсутствием источников покрытия государственных расходов за малой производительностью податного обложения, неудачей принудительного займа и ликвидацией эмиссий; наличием у государства все еще значительного земельного фонда⁹⁸. В таких условиях, Директория законом от 28 вантоза IV года (18 марта 1796 г.) решила

---

⁹⁶ А. Собуль, указ. соч., с. 231.

⁹⁷ R. Stourm, *Les finances de l'Ancien régime et de la Révolution*, Paris, 1895, t. 2, p. 311.

⁹⁸ С.А. Фалькнер, *Бумажные деньги Французской революции (1789-1797)*, М., 1919, с. 224.

выпускать в замен ассигнатов новый вид бумажных денег — территориальные мандаты, который по меткому определению Р. Стурма, был аналогичен своему предыдущему, за исключением наименования⁹⁹. Обеспечением территориальных мандатов были те же национальные имущества. Закон от 28 вантоза устанавливал количество территориальных мандатов в размере 2.400 миллионов ливров. Тот же закон предусматривал обмен территориальных мандатов на ассигнаты в соотношении 1:30. Из 2.400 миллионов ливров половина пришла на крупные купюры в 500 и 100 ливров, 700 миллионов на средние купюры в 50 и 20 ливров и 500 миллионов на мелкие в 5 и 1 ливр. Такое распределение полностью соответствовало интересам крупных держателей ассигнатов и предоставило им возможность приобрести новые земельные участки. Мелкие же держатели ассигнатов не имели возможности подобно крупным собственникам приобрести новые состояния. Широкие же слои населения могли приобрести лишь товары первой необходимости.

Проведенная реформа ничего не изменила в расстроенных финансах республики. Национальные богатства, обеспечивавшие мандаты, гарантировали лишь небольшую часть выпущенной суммы. Территориальные мандаты фактически присоединились к циркулировавшим в обращении ассигнатам и металлической монете. Крах новых бумажных денег А.М. Смирнов объясняет тем, что они не имели никакой серьезной опоры своей ценности, и "должны были падать в цене по мере увеличения суммы их обращения, обусловленного почти исключительно финансовыми нуждами государства, а не потребностями народнохозяйственного оборота"¹⁰⁰. Территориальные мандаты постигла участь ассигнатов. Они быстро обесценились, потеряв 99% своей цен-

⁹⁹ R. Stourm, op. cit., p. 326.

¹⁰⁰ А.М. Смирнов, Кризис денежной системы Французской революции, Петербург, 1921, с. 86.

ности¹⁰¹. Если в жерминале IV года (апреле 1796 г.) цена 100 ливров мандатами соответствовала 18 ливрам, то 24 фрюктидора (10 сентября) курс упал до 5.13 ливра.

К концу вандемьера V года (октября 1796 г.) управление в принципе перешло к платежам в металлической монете, а 16 плювиоза V года (4 февраля 1797 г.) Директория уничтожила все бумажные деньги. Переходу от бумажных денег к звонкой монете в значительной мере способствовали победы французских армий на Рейне и в Италии. Только в вантозе V года (марте 1797 г.) Директория получила 10 миллионов франков от армии Самбры и Мезы и 51 миллионов от Итальянской армии¹⁰².

К началу правления Директории роялисты умело воспользовались негодованием народа, вызванным главным образом неустойчивой финансовой политикой термидорианцев. С самого начала своего правления Директория, как и термидорианский Конвент, стояла перед двойной опасностью — роялистской угрозы и демократической оппозиции, оставившей глубокий след на всей ее дальнейшей политике. Несмотря на то, что в 1795 г. роялисты потерпели ряд неудач, они отнюдь не намеревались сложить оружие. В начале 1796 г. роялисты во главе с генералами Стофле и Шаретом возобновили борьбу в западных департаментах. Против них выступил генерал Гош. Вскоре ему удалось "умиротворить" западные департаменты, главари роялистов были арестованы и казнены.

Потерпев поражение на поле боя, роялисты решили изменить тактику, перейти к конституционным методам борьбы. Находившиеся в эмиграции вожди французской контрреволюции установили связи с популярным генералом Пишегрю. В 1795-1796 гг. принц Конде через своих агентов вел с ним интенсивные переговоры с целью привлечения

---

¹⁰¹ Там же, с. 89.

¹⁰² А. Собуль, указ. соч., с. 234.

Пишегрю на сторону роялистов¹⁰³. В конечном итоге, роялистам удалось склонить Пишегрю на свою сторону.

Действия роялистов вынудили Директорию на первых порах попытаться сплотить всех республиканцев. Для противостояния роялистской опасности Директория стала субсидировать демократическую печать, в том числе известную газету Дюваля "Журнал дез ом либр де ту лэ пэи"¹⁰⁴. В различных городах Франции возродились демократические клубы, которым, правда, предстояло короткое существование. Самым значительным из них был клуб Пантеона в Париже, открытый 25 брюмера IV года (16 ноября 1795 г.). К началу 1796 г. клуб насчитывал около 3000 членов¹⁰⁵, выходцев преимущественно из буржуазных кругов, которые связывали с возрождением Пантеона и возникшими вслед за ним другими демократическими обществами большие надежды. "Эти последние ассоциации должны в очередной раз спасти страну", — заявлял демократ Оливье¹⁰⁶. Этим надеждам, однако, не суждено было сбыться.

Наряду с умеренными буржуазными демократами в клуб Пантеона вошли также многие сподвижники Бабефа (Буонарроти, Дарте, Жермен и др.), принявшие активное участие в организации нового демократического общества и образовавшие его левое крыло¹⁰⁷.

В конечном итоге, для Директории наибольшую опасность представляла не столько деятельность умеренных буржуазных демократов, сколько оппозиция, исходившая от крайне левого течения того времени, группировавшегося вокруг Бабефа. Начиная с брюмера IV года (ноября 1795 г.) Бабеф возобновил издание своей газеты "Трибун народа".

---

¹⁰³ J. Godechot, *La contre-révolution*, p. 282-298.

¹⁰⁴ А. Собуль, указ. соч., с. 228.

¹⁰⁵ I. Woloch, *op. cit.*, p. 31.

¹⁰⁶ *Ibidem*.

¹⁰⁷ С.Е. Летчфорд, Клуб "Пантеон" и его место в оформлении бабувистской организации // *Новая и новейшая история*, Саратов, 1986, вып. II, с. 56-80.

К тому времени коммунистический идеал Бабефа был оформлен, а заговор во имя равенства как идея уже созрел¹⁰⁸. Бабеф призывал к вооруженной борьбе. Деятельность Бабефа и демократических клубов встревожила Директорию; по указанию которой 7 вантоза IV года (26 февраля 1796 г.) клуб Пантеона был закрыт командиром гарнизона Парижа генералом Бонапартом. Бабеф был вынужден уйти в подполье. Но левая оппозиция продолжала вести борьбу, что проявилась с новой силой в "Заговоре во имя равенства".

О бабувистском движении написано много¹⁰⁹. Поэтому нет никакой необходимости касаться эволюции идей Бабефа, досконально изученной советскими историками¹¹⁰, а также истории самого заговора, являвшегося первым опытом претворения в жизнь идей коммунизма революционным путем¹¹¹. Движение во имя равенства было далеко от народа и потерпело неудачу. 21 флореаля IV года (10 мая 1796 г.) организаторы заговора были арестованы. Последовали многочисленные аресты, началась ярая кампания Директории против бабувистов. Но как это ни парадоксально, раздувание бабувистского заговора объективно привело к распространению идей Бабефа¹¹².

"Заговор во имя равенства" окончательно заставил Директорию сделать решительный поворот вправо. Попытка объединения демократических сил вокруг правительства потерпела полную неудачу. Боязнь "красной опасности"

---

¹⁰⁸ Г.С. Черткова, Грахх Бабеф во время термидорианской реакции, М., 1980, с. 195.

¹⁰⁹ См. библиографию в кн: G. Lefebvre, La France sous le Directoire, p. 743-748.

¹¹⁰ В.М. Далин, Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции; Г.С. Черткова, указ. соч.

¹¹¹ С. Mazauric, Babeuf et la conspiration pour l'Egalité, Paris, 1962; J. Bruhat, Gracchus Babeuf et les égaux ou "le Premier Parti communiste agissant", Paris, 1978; R. Legrand, Babeuf et ses compagnons de route, Paris, 1981.

¹¹² Ж.-Р. Сюратто, Бабувисты, "красная опасность" и политика Директории // Французский ежегодник — 1960, М., 1961, с. 95-120.

была настолько велика, что Директория своей политикой повернула вправо и открыла широкие возможности для свободной деятельности всех антидемократических сил.

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ВО ФРАНЦИИ К V ГОДУ

Расстановка политических сил во Франции к концу 1796 г. и в начале 1797 г. была очень сложной. После подавления бабувистского движения, освободилась почва для почти беспрепятственной деятельности всех роялистских группировок. К 1797 г. было налицо оживление роялизма во всей стране. Во Франции энергично действовали три агентства роялистов, координировавшие действия монархистов во всей стране. Одно из них руководило действиями роялистов, находившихся в восточных департаментах страны, другому подчинялись роялистские организации, расположенные на юге, а третье — "Парижское агентство" находилось в столице и являлось объединяющим центром всех звеньев роялистского подполья. "Парижское агентство", основанное еще в 1791 г. испанским послом Фернаном Ньюнесом¹¹³, поддерживало постоянные связи с роялистскими главарями, находившимися за пределами Франции, действовало согласно указаниям претендента на французский трон графа Прованского. В основном через "Парижское агентство" английское правительство и его агенты поддерживали тесную связь с реакционерами внутри страны. Все три агентства, по свидетельству роялистского агента Фош-Борея, "должны были действовать согласованно, каждое несогласованное с центром мероприятие им было строго запрещено"¹¹⁴.

Действия роялистов принимали самые различные формы, начиная от антиправительственной пропаганды и кон-

---

¹¹³ Н. Mitchell, op. cit., p. 69-94.

¹¹⁴ Mémoires de Fauche Borel, Paris, 1829, t. 2, p. 67.

чая террористическими актами. В брюмере V года (ноябре 1796 г.) сторонники восстановления монархического строя в самом центре Парижа, вокруг собора Парижской богородицы, расклеили плакаты с надписью "Да здравствует Людовик XVIII"¹¹⁵! Республиканская газета "Журнал дез ом либр де ту лэ пэи" сообщала о продаже в Париже в то время брошюры, озаглавленной "Смерть Людовика XVI" — трагедии в трех действиях. Цена брошюры постепенно повышалась, что свидетельствует о возрастающем спросе на нее, и она стала распространяться подпольно¹¹⁶. Только через месяц, 20 фримера (10 декабря) был арестован подозреваемый в продаже брошюры некий Порфэ¹¹⁷.

Роялистская пресса, открыто распространявшая клевету в адрес правительства, свободно издавалась как в провинции, так и в Париже. Если верить Лакретеллю Младшему, то в Париже к концу 1796 г. издавалось более 70-ти политических газет, и только четыре из них принадлежало республиканцам¹¹⁸. Издатель газеты "Сансор", некий Галлуа, не прибегая ни к каким мерам предосторожности, открыто призывал к восстановлению монархии Бурбонов. Баррас сообщал, что Директорией не было предпринято против него никаких мер¹¹⁹.

К концу 1796 г. "Парижское агентство", руководимое аббатом Бротье, в Париже организовало контрреволюционный заговор, известный в истории под названием "заговора Бротье", с целью ниспровержения Директории и восстановления монархии Бурбонов. Заговорщиков щедро субсидировал находившийся в Берне английский дипломат и организатор целой разведывательной сети У. Уикхем. В нивозе V года (январе 1797 г.) заговор был раскрыт¹²⁰. Но неудача,

¹¹⁵ Paris..., t. III, p. 556.

¹¹⁶ Ibid., p. 557.

¹¹⁷ Ibid., p. 621.

¹¹⁸ Ch. Lacretelle, Histoire du Directoire exécutif, Paris, 1826, t. 2, p. 16.

¹¹⁹ P. Barras, Mémoires, Paris, 1895, t. 2, p. 271.

¹²⁰ L. Sciout, op. cit., t. 2, p. 269-278.

отнюдь, не сломила дух роялистов. Ячейки роялистских организаций продолжали действовать по всей Франции. Прибывшие в Париж из центральных департаментов страны сообщали, что в Ньевре, Кот-д'Оре, Ионне сильно влияние роялистов. Там пели роялистские песни, на улицах исполнялись гимны, требовавшие восстановления королевского трона¹²¹.

Активными действиями роялистов были охвачены обширные районы в южных департаментах страны. Роялисты совершали массовые убийства, устраивали контрреволюционные манифестации. Ссылаясь на полученные с юга сообщения, Баррас констатировал усиление влияния роялизма на население: "Роялизм получал все новые силы"¹²².

К началу 1797 г. "сообщения, поступившие из департаментов, становились все более тревожными, — писал Баррас. — Убийства участились, а виновники оставались безнаказанными. Составленный комиссарами марсельской полиции протокол свидетельствовал о распространении роялизма. Там пили за здоровье Вило, покровителя злодеяний, направленных против республики, пели "Ревей дю попл", кричали "Долой республику! Смерть пятерым (т. е. директорам — В. П.)"¹²³! Роялисты находили покровительство также у военных и судебных кругов Экса, о чем с тревогой писал в Директорию муниципалитет города в плювиозе V года (феврале 1797 г.)¹²⁴.

В январе театром кровопролитий стала Тулуза. В результате устроенного роялистами мятежа были совершены покушения на сто человек, из которых 60 погибло. Кровавые события заставили более 600 семей покинуть родной город¹²⁵. Разоблачая покровителей роялистов, депутат Майль в Совете пятисот заявил, что "муниципалитет Тулу-

¹²¹ Paris..., p. 679.

¹²² P. Barras, op. cit., p. 237.

¹²³ Ibid., p. 272-273.

¹²⁴ Ibid., p. 316.

¹²⁵ Rédacteur, 12 pluviôse an V (31 janvier 1797), N 412.

зы является местом сборища для всех убийц"¹²⁶. Только после долгих дискуссий Советом была принята резолюция о наказании виновных.

Террористические организации роялистов, так называемые "Лиги солнца" возродились в Лионе и его окрестностях. Согласно сообщению одной из газет, "в Лионе братья душат, расстреливают, обстреливают, топят своих же братьев. Этот красивый город опустошен, а его торговля больше не существует"¹²⁷. Террористические организации действовали и на северо-западе. Через месяц после раскрытия заговора Бротье, роялисты организовали аналогичный заговор в департаменте Майенн, который постигла та же участь¹²⁸.

Но для республиканского правительства главную опасность представляли не столь активно настроенные группировки, сколько более умеренные группы, характеристика которых будет дана ниже.

В борьбе против республиканского правительства роялисты широко использовали "услуги" церкви — в основном со стороны неконституционного духовенства. Побывавшие в Париже иностранные путешественники сообщали, что среди населения сохранился сильный религиозный дух, а "духовенство и дворянство продолжали пользоваться большим влиянием". В столице действовали тридцать церквей, помимо многочисленных публичных духовных собраний (oratoire), где служба проводилась неприсягнувшими священниками¹²⁹. Богослужение и антиреспубликанская пропаганда в Париже проводились почти открыто, в том числе во вновь созданных религиозных домах. 15 фримера V года (5 декабря 1796 г.) на улице Оноре, некий де Гарп открыл

¹²⁶ Gazette nationale ou le Moniteur universel (далее: Moniteur), 13 pluviôse an V (1 février 1797), N 133.

¹²⁷ Actes des apôtres et martyres, 10 pluviôse an V.

¹²⁸ Rédacteur, 10 ventôse an V (28 février 1797), N 440.

¹²⁹ P. Barras, op. cit., p. 261; La France et Paris sous le Directoire. Lettres d'une voyageuse anglaise (далее: La France et Paris...), Paris, 1888, p. 70.

курс лекций по теологии. Один из очевидцев написал в редакцию газеты "Сантинель", что согласно сделанному де Гарпом заявлению, его курс относится якобы к религиозной литературе. На самом деле он открыто распространял клевету и проклятия в адрес Французской революции¹³⁰.

Серьезным влиянием духовенство пользовалось во всем парижском регионе. Его авторитет среди населения, в частности, крестьянства был огромным. "Они были в силах причинить много вреда и зла, обмануть этих неискушенных людей (т. е. крестьян — В. П.) и толкнуть их на поступки, совершенные в Вандее", — сообщала английская путешественница, посетившая Францию в то время¹³¹. В различных кафе Парижа все больше внимания обращали на деятельность неприсягнувших священников, прочно устроившихся в окрестностях города и "регистрировавших рождения, браки, смерти с церемониями, некогда применяемыми, в подобных случаях, католицизмом"¹³².

Особенно большой размах деятельность неконституционного духовенства получила в западных департаментах Франции. Как и в первые годы Великой французской революции, Запад оставался "ахиллесовой пятой" Французской республики. Весьма тревожным был тот факт, что многие из священников открыли собственные школы и вели преподавание у себя дома. Та же англичанка свидетельствовала, что дети более регулярно посещали домашние школы духовенства, чем те, которые принадлежали государству. "Таким образом, — заключала она, — воспитание детей полностью отдано священникам"¹³³. Состояние народного образования тревожило многих современников. Незадолго до истечения срока полномочий Законодательного корпуса парижане открыто выражали свое недовольство проявленным

¹³⁰ Paris..., p. 607.

¹³¹ La France et Paris..., p. 144.

¹³² Paris..., p. 722.

¹³³ La France et Paris..., p. 15.

им безразличием по отношению к системе образования. В частности, подчеркивалось, что "почти все преподаватели являлись сторонниками Старого режима и обучали детей согласно своим принципам"¹³⁴.

В Амьене в брюмере V года (ноябре 1796 г.) женщины, подстрекаемые священниками, совершили вооруженное нападение на местную церковь, разбили бюсты Марата и Лепелетье, заменили их бюстами святых¹³⁵. Неприсягнувшие священники, возвратившиеся через Швейцарию в департамент Вогезы, "причиняли вред учиненными ими беспорядками"¹³⁶. Подобные действия реакционного духовенства в различных департаментах вызывали вполне обоснованную озабоченность сторонников республиканского правительства. В плювиозе V года (феврале 1797 г.) в Совет пятисот поступила петиция патриотов города Нанта, с требованием принять строгие меры против непосвященных священников, а также эмигрантов, обвинявшихся не только в совершении убийств, но и в разжигании пламени гражданской войны по всей стране¹³⁷. В марте письмо аналогичного содержания было направлено в Директорию гражданами департамента Мэн и Луара: "Неприсягнувшие священники причиняют намного больше вреда, чем все остальные недоброжелатели... Их деяния способствуют началу гражданской войны"¹³⁸.

В стране участились грабежи и насилия. В сообщении, опубликованном в "Газет франсез" от 26 брюмера V года (16 ноября 1796 г.) говорилось о существовании в Париже пятнадцати шаек разбойников, имевших главарей, внутреннюю организацию, сборные пункты¹³⁹. Париж с давних пор славился репутацией, пользуясь современной термиоло-

¹³⁴ Paris..., p. 559.

¹³⁵ La France et Paris..., p. 45-46.

¹³⁶ Moniteur, 19 nivôse an V (8 janvier 1797), N 109.

¹³⁷ Rédacteur, 30 pluviôse an V (16 février 1797), N 430.

¹³⁸ Ibid., 11 ventôse an V (1 mars 1797), N 441.

¹³⁹ Paris..., p. 576-577.

гией, "криминальной столицы" Европы. Тем не менее, все распространявшиеся беспорядки и убийства в столице вызвали сильную озабоченность. Согласно одному из полицейских донесений в городе никто больше не говорил о дороговизне, о финансовых затруднениях. "Это не привлекало внимания даже бездельников; разговоры шли исключительно о бандитах. Во весь голос все кричат о необходимости усилий правительства для обуздания совершающихся зверств"¹⁴⁰.

В деревнях бандиты грабили крестьян, на больших дорогах коммерсантов и путешественников, совершали грабежи не только частных владений, но и государственных учреждений. В середине нивоза V года (в январе 1797 г.) было совершено нападение группы бандитов (25 человек) на дилижанс, перевозивший из Кана в Париж большую сумму денег, принадлежавшую казне. Бандиты, которым не было оказано никакого сопротивления сопровождавшей карету охраной, спокойно похитили весь багаж, т. е. 8 миллионов фунтов золота и исчезли¹⁴¹. Сведения о совершении жестоких насилий бандитами над мирным и безоружным крестьянским населением поступали из Анжера. В деревнях департамента бандиты грабили дома, увозили все, что было возможно¹⁴².

Роялистская пропаганда с целью введения в заблуждение общественного мнения представляла события в кривом зеркале. Роялистские газеты приписывали беспорядки и насилия сторонникам республиканского правительства. 1 нивоза V года (21 декабря 1797 г.) в двух коммунах департамента Мэн-и-Луара были вырублены деревья свободы. Роялистская пресса обвиняла в совершении этого акта демок-

---

¹⁴⁰ Ibid., p. 566.

¹⁴¹ Nouvelles politiques nationales et étrangères, 28 nivôse an V (17 janvier 1797), N 118; Journal de France de politique et de littéraire, 29 nivôse an V (18 janvier 1797), N 439.

¹⁴² Nouvelles politiques..., 11 pluviôse an V (30 janvier 1797), N 131; Journal de France..., 13 pluviôse an V (1 février 1797), N 453.

ратические круги, мотивируя это их стремлением приписать совершенное злодеяние роялистам¹⁴³.

Беспорядки усугубились дезертирством, получившим широкое распространение¹⁴⁴. Р. Кобб, специально изучавший этот вопрос на основе материалов французских архивов, пришел к заключению, что дезертирство было неотъемлемой частью всеобщего народного недовольства политикой правительства. "Крайнее распространение дезертирства в IV и V года, — отмечал он, — является самым ярким доказательством бессилия Директории, почти везде кроме Парижа"¹⁴⁵.

Правительственные учреждения не принимали соответствующих мер против бандитизма. Выше указанная "Газет франсез" отмечала безразличное отношение парижской полиции ко всякого рода грабегам и убийствам¹⁴⁶. Парижане с горечью говорили, что "больше нет ни власти, ни законодательной силы, способной обуздать все имеющиеся злоупотребления"¹⁴⁷.

Государственные органы власти ограничивались отдельными мероприятиями, проведенными в некоторых департаментах. Так, 16 брюмера V года (6 ноября 1796 г.) центральная администрация департамента Сены с целью борьбы с шайками бандитов приняла постановление из десяти пунктов, в котором предусматривалось учреждение дежурных патрулей на территории департамента¹⁴⁸. Таким образом, борьба против бандитизма не была организована на государственном уровне, а принятые в отдельных департаментах мероприятия не смогли решительным образом урегулировать создавшееся положение.

---

¹⁴³ Nouvelles politiques.... N 131.

¹⁴⁴ Paris.... p. 735, 749, 763.

¹⁴⁵ R.C. Cobb, *The Police and the People. French Popular Protest 1789-1820*, Oxford, 1970, p. 103-104.

¹⁴⁶ Paris...., p. 576.

¹⁴⁷ Ibid., p. 604.

¹⁴⁸ Ibid., p. 560-561.

Неизвестный автор в письме из Парижа российскому дипломату Мордвинову дал следующую характеристику атмосферы, в которой находилась Франция в начале 1797 г. "Внутри страны все больше распространяются трусость, низость. Преобладает мнение, что от соседних государств можно ожидать лишь измены, от эмигрантов только подлости. Внутри страны существуют фракции, совершаются кражи, грабежи"¹⁴⁹. Приблизительно такую же характеристику давал крупный роялистский публицист эпохи Малле дю Пан, находившийся в Берне. "Никто не знает, на кого можно опереться. Никто не имеет гарантии на сохранение своего состояния, имущества, покоя... Франция — труп, наследство которого грабят. Два миллиона человек срывают с нее одежду. Остальные страдают, кричат и ждут"¹⁵⁰.

Конечно, все это было преувеличено, оценка исходила от реакционных кругов. Несомненно, однако, что Директория отличалась нерешительностью. Колебания в поведении Директории объяснялись раздорами между ее членами, разногласиями в политических стремлениях. Так, в Париже с тревогой следили за поведением генерала Вило, командующего войсками гарнизона в Марселе. Бонапарт, зорко следивший из Италии за его поведением, требовал принять самые решительные меры против Вило и освободить военачальников, незаконно арестованных им. Но Директория не предприняла строгих мер. Она отправила в Марсель секретного агента для получения непосредственной информации и этим удовлетворилась¹⁵¹. "Его замена (т. е. Вило — В. П.) должна быть проведена незамедлительно, — писал Баррас. — Карно этому всегда препятствовал"¹⁵². Вполне закономерно, что Баррас вину за все промахи возлагал на Карно, изгнанного после переворота 18 фрюктидора, но и Бар-

¹⁴⁹ АВПРИ, Сношения с Венецией, 1797, дело N 233/3, л. 13 об.

¹⁵⁰ Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la cour de Vienne (1797-1798), Paris, 1884, t. 2, p. 217-219.

¹⁵¹ P. Barras, op. cit., p. 291, 311.

¹⁵² Ibid., p. 306.

рас в эти дни не проявлял решительности. В итоге Вило — "смертельный враг Бонапарта и якобинцев", как его называл Малле дю Пан¹⁵³, продолжал спокойно свою антиреспубликанскую деятельность. Карательные меры против роялистов Законодательный корпус принимал после колебаний и дискуссий. Баррас сообщал, что "продавшиеся Бланкенбургу" вожаки двух Советов, являлись представителями короля, а не народа"¹⁵⁴.

Какую же опору имела Директория в создавшейся трудной для нее обстановке?

Директория могла бы опереться на поддержку буржуазных кругов в департаментских администрациях, сохранивших республиканский дух и часто высказывавших свою готовность выступить против врагов республики. Приведем несколько примеров. В вантозе V года (феврале 1797 г.) сторонники республиканского правительства департамента Ньевр обратились в Директорию с обширным адресом, подписанным многочисленными гражданами. В первой части авторы передавали директорам свои поздравления в связи с обнаружением и ликвидацией заговора Бротье. Во второй части документа была выражена полная готовность довести до конца борьбу с теми, кто захочет "поднять знамя восстания в пользу бывшей тирании". Администрация Ньевра требовала одновременно от Директории утверждения праздников в честь храброй Итальянской армии¹⁵⁵. С обращениями аналогичного содержания от имени жителей различных кантонов страны (Неври на Луаре, Мео и др.) в правительство обращались комиссары Директории¹⁵⁶.

---

¹⁵³ Mallet du Pan, op. cit., p. 239.

* В то время граф Прованский находился в Бланкенбурге. См. об этом подробнее ниже.

¹⁵⁴ P. Barras, op. cit., p. 322.

¹⁵⁵ Moniteur, 4 ventôse an V (22 février 1797), N 154; Rédacteur, 8 ventôse an V (26 février 1797), N 438.

¹⁵⁶ Rédacteur, N 438.

В период кровавых событий в Тулузе, администрация города также отправила адрес в Директорию, подписанный всеми ее членами. В нем, в частности, была выражена верность жителей конституционному правительству¹⁵⁷. С целью наказания контрреволюционеров Марселя, местный муниципалитет обратился с письмом в Директорию и в Законодательный корпус, где разоблачил всех врагов республики. Были, в особенности, выдвинуты обвинения против генерала Вило¹⁵⁸.

С грозным письмом в Директорию обратились жители департамента Мэн-и-Луара. "Граждане директора, — говорилось там, — будьте храбры! С помощью бессмертного Бонапарта вы победили австрийцев. С помощью истинных французов вы победите также всех внутренних врагов... Что касается нас, мы вас уверяем в беспредельной преданности и клянемся в вечной ненависти к беспорядкам и к королевской власти"¹⁵⁹.

Говоря об опоре Директории, следует также указать определенные круги Законодательного корпуса, в составе которого республиканское правительство имело много сторонников. Ж.-Р. Сюратто, тщательно изучивший состав обоих Советов после выборов IV года, утверждал, что из всех избранных депутатов 161 были роялистами, 445 — республиканцами различных политических оттенков, а 136 — занимали неопределенную позицию¹⁶⁰. Таким образом, больше половины членов законодательных органов были сторонниками республиканского правительства. Хотя между Директорией и республиканским большинством Советов не существовало постоянных, тесных взаимоотношений, оно, безусловно, являлось потенциальной опорой правительства.

¹⁵⁷ Ibid., 7 ventôse an V (25 février 1797), N 437.

¹⁵⁸ Ibid., 12 ventôse an V (2 mars 1797), N 442.

¹⁵⁹ Ibid., 11 ventôse an V (1 mars 1797), N 441.

¹⁶⁰ J.-R. Suratteau, Les élections de l'an IV // AHRF, N 125, p. 47.

Приведенные факты свидетельствуют, что Директория, несомненно, имела определенную социальную опору. И подавление бабувистов, и упорядочение финансовой политики гарантировали Директорию от каких-либо новых выступлений слева. Но чрезвычайно важным дестабилизирующим фактором являлось усиление роялистской опасности, пользовавшейся активной поддержкой европейской реакции. Опасность справа нарастала прежде всего в связи с приближением выборов V года.

РОЯЛИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА И ПОДГОТОВКА К ВЫБОРАМ V ГОДА

Роялистское движение, представлявшее угрозу, так определенно обозначиваясь в начале 1797 г., имело, однако, существенную слабость — оно не было единым. В своих политических стремлениях роялисты были разделены на две основные группы: приверженцы неограниченной монархии и сторонники конституционной монархии. Первые надеялись восстановить неограниченную монархию, существовавшую до 1789 г. и Старый социальный порядок. Это направление возглавлял претендент на французский трон, брат Людовика XVI граф Прованский, объявивший себя после кончины в Тампле малолетнего дофина Людовика XVII в 1795 г. королем Франции под именем Людовика XVIII¹⁶¹. По политическим взглядам он был типичным представителем династии Бурбонов, ярким сторонником восстановления старой неограниченной монархии. Его убеждения, нашедшие отражение в известном манифесте от 3 мессидора III года (21 июня 1795 г.), опубликованном в Вероне после смерти дофина, во многом помешали единству действий роялистов. Именно после этого выступления

---

¹⁶¹ Историки (вплоть до новейших исследователей) так его и называют, хотя на престол он вступил лишь в 1814 г., после крушения Первой империи.

претендента часть теоретиков роялистов в 1795-1796 гг. стала выступать с брошюрами, выдвигая различные концепции будущего общественного строя во Франции, пытаясь обосновать, в частности, необходимость восстановления конституционной монархии¹⁶². Таким образом, манифест Людовика во многом способствовал поляризации сил в роялистском лагере, все больше углубляя разрыв между двумя его основными направлениями.

Сторонники конституционной монархии, представленные некоторыми группами либерального дворянства и крупной буржуазии, ставили цель добиться реставрации конституционной монархии типа 1791 г., при сохранении определенных политических свобод. В отличие от представителей другого направления, конституционалисты признавали значение исторических перемен, происшедших во Франции в первые годы революции. Видный деятель этого направления Барбе-Марбуа впоследствии писал в этой связи: "Возврат к неограниченной монархии стал навсегда невозможным в силу ряда обстоятельств: удачного опыта двухпалатной системы во время первой сессии Законодательного собрания (т. е. после выборов IV года — В. П.), перспективы гражданской войны, угрозы разрушения религии, мести роялистов, о которой они имели неосторожность обмолвиться, наличия массы людей, чьи интересы были связаны с революцией (курсив наш — В. П.)"¹⁶³.

В отличие от сторонников конституционной монархии, абсолютисты полностью игнорировали интересы большинства французского народа, в частности, новых собственников, нуворишов, не хотели примириться с произошедшими в стране в ходе революции сдвигами.

Каждое из этих направлений придерживалось определенной тактики борьбы. Если "чистые" роялисты, так назы-

¹⁶² F. Baldensperger, *Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789-1799)*, Paris, 1924, t. 2, p. 116-125.

¹⁶³ Barbé-Marbois, *Journal d'un déporté non jugé*, Paris, 1835, t. 1, p. VII-VIII.

ваемые "белые якобинцы", намеревались достичь своих целей с помощью силы, не исключая при этом возможности иностранного вмешательства, то конституционалисты были более склонны к мирным методам борьбы. Они хотели утвердиться в республиканских учреждениях и постепенно создать "республику без республиканцев"¹⁶⁴.

Но помимо этих двух основных направлений умеренное крыло роялистов было в свою очередь раздроблено на различные группировки. Основной из них являлась группа "Клиши", созывавшая свои заседания в отеле на улице Клиши, от которой и получила свое название. Один из лидеров "Клиши" Деларю сообщал, что дни и часы заседаний "клишистов" были известны всем депутатам Советов¹⁶⁵. Подрывную деятельность против республиканского строя "клишисты" развернули еще с осени 1795 г. В термидоре IV года (июле 1796 г.) в эту группу уже входили около 300 депутатов Законодательного корпуса. "Клиши" была основана со времен предыдущей сессии (т. е. после выборов IV года — В. П.) и многие из сегодняшних наших противников способствовали ее формированию, — писал член этой группы Камилл Жордан. — Законодательный корпус тогда был расколот на две группы, каждая из которых стремилась к превосходству. Одна из них регулярно собиралась на улице Ноай с целью обсуждения проектов, которые намеревалась предложить Совету [пятисот]. Противоборствующая группа вынуждена была последовать ее примеру. Она стремилась противопоставить противоборствующей организации такие меры борьбы, которые исходили от нее самой. Отель "Клиши" стал местом сборищ для них"¹⁶⁶.

К. Жордан искажил факты, представив формирование группы "Клиши" как вынужденное мероприятие, вызван-

¹⁶⁴ A. Mathiez, op. cit., p. 241-244; G. Lefebvre, op. cit., p. 247-249.

¹⁶⁵ Larue de, La déportation des députés à la Guyane, leur évacion et leur retour en France, Paris, 1895, p. 17.

¹⁶⁶ Camille Jordan député du Rhône. A ses commettans sur la révolution du 18 fructidor, Paris, 1798, p. 25.

ное необходимостью противостоять демократическим силам. Но неверное истолкование деятельности "Клиши" роялистскими главарями этим не исчерпывается. Видные деятели конституционалистов впоследствии старались представить деятельность "Клиши", так, как будто она была направлена исключительно против всяческих отклонений Директории от конституции III года. Согласно их трактовке, "клишисты" преследовали одну единственную цель — борьбу за сохранение существовавшей конституции, обеспечение ее гармоничного функционирования. "Конституция и только конституция являлась единственным объединяющим обращением "Клиши". ...Мы искренне желали претворить в жизнь существовавшую конституцию"¹⁶⁷, — заявлял Жордан. Так же характеризовал деятельность "Клиши" Барбе-Марбуа: "Мы искренне желали поддерживать республиканскую конституцию, которая была принята народом"¹⁶⁸. Даже после обновления в результате выборов V года трети Законодательного корпуса, "некоторые бестактные и строгие предложения, сделанные там, вызывали неодобрение большинства и были отклонены. Впрочем против конституции не было высказано ни одного слова", — писал тот же Барбе-Марбуа¹⁶⁹. Очевидно, что деятельность "Клиши" лидеры этой группировки сводили исключительно к антиправительственной парламентской оппозиции.

Однако конституционалисты полностью скрывали свои роялистские устремления. Жордан утверждал: "Поскольку не соответствует действительности даже то, что среди нас могли быть люди заинтересованные в роялистском заговоре, я утверждаю, что не только нельзя допустить возможность осуществления такого заговора, нельзя даже допустить мысли о нем"¹⁷⁰. Такого рода суждения были выска-

---

¹⁶⁷ Ibid., p. 26, 29.

¹⁶⁸ Barbé-Marbois, op. cit., p. XVII.

¹⁶⁹ Ibid., p. XXI.

¹⁷⁰ Camille Jordan, op. cit., p. 40.

заны и другими роялистами, не являвшимися членами группы "Клиши". Видный деятель конституционалистов Матье Дюма, член другой роялистской группировки, в состав которой входили Симеон и Порталис, полностью отрицал причастность своих единомышленников к роялистскому движению. "Какими бы монархическими ни являлись, в сущности, наши взгляды, неверно, что мы служили делу короля. Мы имели лишь одну цель — предотвратить возврат к анархии. ...Мы хотели восстановить порядок, бережливость в финансах, справедливость и беспристрастность в управлении и правосудии"¹⁷¹. Матье Дюма дал также интересную оценку группы "Клиши", с которой можно в общих чертах согласиться: "Они довольно неумело скрывали свои цели под конституционной оболочкой и старались восстановить умы против Директории. Эти немногочисленные роялисты не имели никаких реальных средств борьбы. Их декларации только раздражали Директорию и стали поводом для применения силы"¹⁷².

Сами "клишисты", представлявшие умеренное крыло роялистского движения, на деятельности которого мы подробно остановимся ниже, в свою очередь, отнюдь не были едины. Некоторые члены группы "Клиши" были близки к "чистым" роялистам. Про них Деларю писал: "Клиши" превратилась в незначительное собрание, куда мы ходили, чтобы скрывать другое, более важное собрание, которому мы и в самом деле обязаны нашими самыми значительными успехами. Оно созывалось у Жибер-Демольера и состояло приблизительно из 80 членов обоих Советов"¹⁷³. Эта группировка включала наиболее рьяно настроенных депутатов, инициаторов самых решительных выступлений против Директории. По свидетельству Тибодо, в нее входили-

---

¹⁷¹ Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas de 1770 à 1836, Paris, 1839, t. 3, p. 73-75.

¹⁷² Ibid., p. 88.

¹⁷³ Larue de, op. cit., p. 17.

ли по одному депутату от каждого департамента. Для координации действий они хотели назначить комитет сперва из 40 членов, но впоследствии число его членов снизилось до 20, а потом до девяти¹⁷⁴.

В начале 1797 г. умеренное крыло роялистов было сильнее сторонников восстановления неограниченной монархии. Цели конституционалистов более соответствовали объективным условиям, сложившимся во Франции после первых лет революции. Вот почему при умелом использовании всех возможностей, конституционалисты в большей мере могли бы рассчитывать на успех. Разногласия между роялистами существенным образом влияли на единство их действий, ослабляя силу роялистского движения перед решающей схваткой.

Несмотря на значительные расхождения, всех роялистов объединяли, тем не менее, общие задачи, сводившиеся в основном к низложению Директории и к замене республиканского строя монархическим. Учитывая особенности сложившейся в начале 1797 г. обстановки, роялисты прилагали все усилия для достижения своих целей. В этом плане первостепенную важность приобрела подготовка к очередным выборам в Законодательный корпус в жерминале.

Приближавшиеся выборы, в ходе которых должна была быть переизбрана треть Совета старейшин и Совета пятисот, имели очень большое значение для противоборствующих сторон. Их результаты могли бы иметь определяющее значение не только для Директории, но и для республиканского строя в целом. Это ни у кого не вызывало сомнений. Деларю признавал, что его единомышленники ждали этого дня с "большим нетерпением"¹⁷⁵. "Из многих внешних признаков ясно, что выборы станут решающим рубежом в деле падения республики или же ее сохранения в форме абсолютной олигархии якобинцев и революционеров, — пи-

---

¹⁷⁴ Thibaudeau, *Mémoires*, Paris, 1824, t. 2, *Directoire*, p. 182.

¹⁷⁵ Larue de, *op. cit.*, p. 18.

сал такой внимательный наблюдатель, как Малле дю Пан. — Мнения совпадают в предвидении урагана, который кажется неизбежным¹⁷⁶. Малле дю Пан не скрывал, разумеется, своих антиреспубликанских настроений. Он не был, конечно, беспристрастным свидетелем, переоценивал возможности роялистов. Однако, перед выборами сторонники восстановления монархического строя и в самом деле имели намного больше шансов быть избранными, чем республиканцы.

В центре всей политической и общественной жизни Франции были предстоявшие выборы. Одна из роялистских газет так характеризовала положение в стране во время предвыборной кампании: "Журналисты прилагают все усилия, изощряются, ссорятся — это выборы; каждый из них посылает маленькую статью в какую-то газету — это выборы; поднимается "туча" новых журналистов — это выборы; атакуют врагов — это выборы; появляются в изобилии апологии — это выборы; появляются в изобилии сатиры — это выборы; кто-то представляется верующим — это выборы; кто-то разоренным — это выборы; кто-то старается показаться богатым — это выборы; рассказывают про те неслыханные преследования, которым были подвергнуты — это выборы; забывают, прощают обиды — это выборы; говорят, молчат, проявляют великодушие, малодушие — это выборы"¹⁷⁷.

С целью сплочения сил и успешного проведения предвыборной кампании в такой накаленной политической обстановке конституционалисты не раз обращались к графу Прованскому с предложением совместных действий для восстановления конституционной монархии. Если верить Фош-Борелю, то с таким советом к претенденту обратился и генерал Пишегрю, который отмечал, что именно в этом он видит единственный путь достижения желанной цели¹⁷⁸.

---

¹⁷⁶ Mallet du Pan, op. cit., p. 225.

¹⁷⁷ Nouvelles politiques..., 11 nivôse an V (31 décembre 1797), N 101.

¹⁷⁸ Fauche-Borel, op. cit., p. 48.

Но претендент и на этот раз проявил столь свойственное членам династии Бурбонов упрямство. Он отнюдь не намеревался идти ни на малейшие уступки, о чем свидетельствует составленное им незадолго до выборов обращение к французскому народу от 20 вантоза V года (10 марта 1797 г.). Как и в предшествовавшем манифесте, Людовик призывал народ к восстановлению "святой религии и законного правительства, которые долгое время составляли славу и счастье Франции"¹⁷⁹. Обращение было напечатано Фош-Борелем в двух тысячах экземпляров и распространено по роялистским каналам во Франции¹⁸⁰. Проявленная претендентом политическая близорукость усугубила разрыв между двумя основными направлениями роялистов в самый решительный момент.

Активную кампанию против правительства роялисты начали вести с января 1797 г. "С каждым днем выпады против Директории становятся все сильнее, приобретая массовый характер. Газеты, распространяющие клевету, пасквилы, подстрекательские плакаты умножаются", — сообщал Малле дю Пан в феврале¹⁸¹. В Париже роялистские кружки после провала заговора Бротье не пали духом. В столице зрел новый заговор, имевший целью убийство членов Директории. В этой связи газета "Редактор" писала: "Автор этого проекта — генерал Дансьен, командовавший восставшими парижскими секциями в вандемьере. Он только что уехал в Бланкенбург, чтобы согласовать свои проекты с претендентом"¹⁸². Полицейские донесения также свидетельствуют о наличии в Париже множества лиц, настроенных не только против правительства, но и против любой формы республиканского

---

¹⁷⁹ P.-J.-B. Buchez et P.-C. Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française ou journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815, Paris, 1838, t. 37, p. 446-448.

¹⁸⁰ Fauche-Borel, op. cit., p. 74-75.

¹⁸¹ Mallet du Pan, op. cit., p. 225.

¹⁸² Rédacteur, 21 ventôse an V (11 mars 1797), N 451. См. также: Moniteur, 22 ventôse an V (12 mars 1797), N 172.

правления. "Все их сожаления о монархическом режиме, все, что представляет другую систему вещей, для них неприемлемо, и они не теряют надежду на его возрождение. Эти люди не скрывают своих привычек, поступков, мнений, — писал один из полицейских¹⁸³.

В создавшемся положении роялисты уделяли особое внимание завоеванию большинства голосов избирателей не только в столице, но и в департаментах. Основную подготовительную работу в предвыборной кампании вело умеренное крыло роялистского движения. По мнению Ж. Годшо, именно "они подготовили выборы V года"¹⁸⁴.

Еще в октябре 1796 г. конституционалисты создали под руководством Демомеля новую организацию — "Филантропический институт", целью которого было разложение республиканских учреждений. Ее филиалы имелись во многих местах, причем в некоторых департаментах сотрудничали с подчиненными "Парижскому агентству" организациями. "Филантропический институт" в известной мере субсидировался английским правительством.

Пользуясь тем, что население было недовольно политикой правительства, роялисты в департаментах со всей энергией принялись за пропаганду в пользу восстановления королевской власти, используя, в частности, прессу, театральные спектакли, церковные проповеди. Основную тяжесть этой работы взяли на себя возвратившиеся эмигранты — дворяне и неприсягнувшие священники.

В начале 1797 г. во Францию устремился поток эмигрантов. Уже после переворота 18 фрюктидора министр полиции Сотин в докладе Директории писал: "Со всех концов эмигранты обоих полов рвались в республику, точно так, как в 1790-1791 гг. в Кобленц. Все дороги были для них открыты, и они скапливались со всех сторон: из Лондона, и Германии — через острова Гернси и Джерси, Гамбург, Ка-

¹⁸³ Paris..., p. 792.

¹⁸⁴ J. Godechot, La contre-révolution, p. 307.

ле, Голландию и Эльзас, из Италии и Испании — через Тулон и Марсель, одни с республиканскими паспортами, другие с удостоверениями о местожительстве, третьи без всяких документов, убежденные, что везде найдут покровительство и друзей"¹⁸⁵.

Во Франции работали многочисленные "мастерские", фабриковавшие ложные документы для эмигрантов. Главная из них находилась в Лионе, но такие же "мастерские" имелись в Марселе, в Кане и в других городах. О том, какое широкое распространение получило почти свободное возвращение эмигрантов, можно судить по тому факту, что даже на Корсике "солдаты Капета" занимались поисками удостоверений местожительства"¹⁸⁶.

Неприсягнувшие священники селились в основном в северо-западных департаментах, где имели еще со времен Вандейских войн большое влияние на отсталое и неграмотное население, плохо ориентировавшееся в политических сдвигах, происходивших в стране. Они считали, пользуясь выражением А. Матьеза, "священным долгом" воздействовать на выборщиков. Большие надежды на деятельность духовенства возлагал и граф Прованский¹⁸⁷. Царившая там атмосфера блестяще воссоздана величайшим французским писателем Бальзаком в романе "Шуаны или Бретань в 1799 году". "Он (т. е. аббат — В. П.) осквернил свой сан священнослужителя ради политических интересов, но в те времена революции каждый в пользу своей партии превращал в оружие то, чем обладал, и мирный крест Иисуса становился орудием войны, так же как лемех кормильца-плуга"¹⁸⁸. Хотя речь здесь идет о событиях 1799 г., но несомненно, что картина в 1797 г. была такой же.

---

¹⁸⁵ Ch. Ballot, op. cit., p. 161.

¹⁸⁶ Ibid., p. 159.

¹⁸⁷ P. Vargas, op. cit., p. 315. См. также: A. Mathiez, op. cit., p. 282-284.

¹⁸⁸ О. Бальзак, Собр. соч. в 24-х томах, М., 1960, т. 16, с. 339.

Во многих департаментах роялистами были опубликованы призывы к избирателям о том, как следует себя вести во время выборов. В распространившейся в Лионе прокламации, к примеру, прямо говорилось, что целью выборов является "восстановление религии и трона"¹⁸⁹.

Как остроумно заметил Лакретель, "казалось, что вся Франция готовится к заговору против своего правительства"¹⁹⁰. Предвыборную кампанию роялисты вели организованно и последовательно. Существовавшие между ними разногласия, безусловно, влияли на единство действий, но им все же удалось подготовить почву для успешного исхода выборов.

Приверженцы республиканского правительства оказались в затруднительном положении. Выборы, на пороге которых находилась страна, ничего хорошего им не обещали. Малле дю Пан писал: "Слишком сомнительно, чтобы они (т. е. республиканцы — В. П.) получили бы большинство [в Законодательном корпусе]... для правительства и якобинцев очевидно, что выборы не принесут им удачи, и что роялисты имеют шансы быть избранными везде"¹⁹¹. Предсказание роялистского публициста вскоре сбылось.

1 жерминаля V года (21 марта 1797 г.) французы, достигшие 21 года и проживавшие в одном месте не меньше одного года, должны были на съездах избирателей, созывавшихся в кантонах, при тайном голосовании избирать выборщиков. Выборщикам же, на съездах выборщиков, предстояло в административных центрах департаментов избирать членов Законодательного корпуса, служащих местных административных органов, гражданского трибунала, судей и т. д. Для тех, кого избирали в выборщики, 35 статья

---

¹⁸⁹ Mallet du Pan, op. cit., p. 245.

¹⁹⁰ Ch. Lacretelle, op. cit., p. 42.

¹⁹¹ Mallet du Pan, op. cit., p. 240, 252.

конституции III года устанавливала повышенный имущественный ценз¹⁹².

СВЯЗИ РОЯЛИСТОВ С ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕАКЦИЕЙ

Проводя предвыборную кампанию, роялисты широко использовали зарубежные связи. Вместе с феодальными государствами, в первых рядах покровителей французской контрреволюции была Англия, бравшая на себя основную тяжесть борьбы с революционной, затем наполеоновской Францией на протяжении почти четверти века. Но отношение европейских держав к французскому контрреволюционному движению отнюдь не было прямолинейным и гладким.

Ниже мы попытаемся изложить важнейшие этапы в политике основных покровителей французских роялистов на основе материалов Архива внешней политики Российской империи. Учитывая важность этих документов для изучения истории французской контрреволюции и эмиграции за годы Директории, а также полного осмысления политики европейских реакционных кругов по отношению к событиям во Франции, имеет смысл нарушить хронологию изложения, осветив данную проблему до 1798 г. включительно.

К 1797 г. в поисках претендента на престол роялисты неоднократно обращались к членам Бурбонского дома, которые нашли приют в различных странах Европы. Основным претендентом на французский трон, как уже было отмечено, был Людовик XVIII.

Претендент, самым внимательным образом следивший за событиями во Франции, связывал свои надежды на восстановление трона преимущественно с роялистским подпольем, действовавшим в самой Франции. Но вместе с тем, первостепенное значение для него продолжала иметь поддержка европейских монархов, на иждивении которых

---

¹⁹² Документы..., с. 320.

он находился еще с 1791 г., после бегства в июне из революционной столицы.

Положение Людовика XVIII на рубеже 1796-1797 гг. было непрочным и тревожным. Изгнанный из Вероны, а затем из Австрии, где он находился в армии принца Конде, летом 1796 г. Людовик поселился в Бланкенбурге у герцога Брауншвейгского, замок которого был ему предоставлен с разрешения прусского короля Фридриха-Вильгельма II¹⁹³. Но переезд в Бланкенбург не давал ему никаких гарантий, ибо после заключения 16 жерминаля III года (5 апреля 1795 г.) Базельского мира, Пруссия была нейтральным государством, откуда его могли бы выслать в любую минуту. Перед ним была опасность новых томительных скитаний. Вследствие бесконечных и мучительных переездов Людовик пал духом. "Я давно потерял надежду на восстановление моего трона с помощью иностранных держав", — писал он одному из своих агентов Сен-Присту летом 1797 г.¹⁹⁴ Перед претендентом на французский трон стояла основная задача — найти надежное убежище, дабы спастись от упорных преследований ненавистной ему Директории. В сложившейся обстановке, страна, к которой он мог бы обратиться за реальной помощью, была Россия, порвавшая дипломатические отношения с революционной Францией еще в феврале 1793 г.

В Архиве внешней политики Российской империи мы познакомились с интересными материалами, которые проливают дополнительный свет на отношение Павла I к французским эмигрантам и самому Людовику XVIII. Данная тема, нуждающаяся в специальном рассмотрении, изучена поверхностно не только во французской¹⁹⁵, но и в дореволю-

¹⁹³ АВПРИ, Сношения с Пруссией, 1797, дело N 492, Колычев — Безбородко, 19 февраля/2 марта 1797 г., л. 16.

¹⁹⁴ *Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest*, Paris, 1845, p. 26.

¹⁹⁵ Перечислим наиболее важные исследования (включая биографические): F. de Montrol, *Histoire de l'émigration (1789-1825)*, Paris, 1825; A. Antoine, *Histoire des émigrés français depuis 1789 jusqu'en 1828*, Paris, 1884, t. 2; E. Daudet, *Les*

ционной русской, советской¹⁹⁶ и современной российской исторической литературе. Между тем, именно в период Директории, который хронологически совпал с царствованием Павла I, его правительство стало могущественным покровителем французской эмиграции и контрреволюции.

В декабре 1796 г. Павел I отправил Людовику XVIII уведомление о своем вступлении на престол, которому была дана широкая огласка на страницах европейских газет¹⁹⁷. Письмо Павла было передано адресату через известного российского дипломата Симолина¹⁹⁸. "Я с большим удовлетворением заметил, — писал в своих воспоминаниях Людовик, — что в письме императора были употреблены все те уважительные выражения, которыми пользовались правители России в обращении к моим предшественникам"¹⁹⁹. Письмо, полученное от Павла I, воодушевило его. В этой связи, в январе 1797 г., он писал Сен-Присту, что первые

Bourbons et la Russie pendant la Révolution française, Paris, 1886; J. Lucas-Dubreton, Louis XVIII, Paris, 1925; P. Lafuc, Louis XVIII, Paris, 1944; J. Bertaud, La vie aventureuse de Louis XVIII, Lyon, 1949; G. Walter, Le comte de Provence, frère du roi, régent de France, Paris, 1950; Castrie duc de, Les émigrés, 1789-1814, Paris, 1962; *idem*: Louis XVIII. Portrait d'un roi, Paris, 1969; *idem*: Les hommes de l'émigration, 1789-1814, Paris, 1979; J. Vidalenc, Les émigrés français, 1789-1825, Caen, 1963; G. Diesbach, Histoire de l'émigration, 1789-1814, Paris, 1975; E. Lever, Louis XVIII, Paris, 1988.

¹⁹⁶ Д. Милютин, указ. соч., т. 1; Н.К. Шильдер, Император Павел Первый, СПб., 1901; Е.С. Шумигорский, Павел I. Жизнь и царствование, СПб., 1907; М.В. Клочков, Павел и Франция // Отечественная война и русское общество, М., 1912, т. 1, с. 64-73; М.С. Балабанов, Россия и европейские революции в прошлом, вып. I, Россия и Великая французская революция, 2-е изд., Киев, 1924; К.Е. Деджула, Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века, Киев, 1972; А.А. Васильев, Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи (1798-1799) // Великая французская революция и Россия, М., 1989.

¹⁹⁷ См. например: London Chronicle, 14 January 1797, N 5874; Journal de France..., 24 nivôse an V (13 janvier 1797), N 434; Nouvelles politiques..., 30 nivôse an V (19 janvier 1797), N 120.

¹⁹⁸ London Chronicle, N 5874.

¹⁹⁹ Mémoires de Louis XVIII, Bruxelles, 1833, t. 7, p. 147.

шаги русского императора "дают все основания надеяться на продолжение им политики своей матери"²⁰⁰.

К 1797 г. дальнейшая судьба Людовика XVIII и французских эмигрантов во многом зависела от Павла I, что ни у кого не вызывало сомнений. По свидетельству Сен-Приста, например, в начале 1797 г. "политика короля сводилась к тому, чтобы добиться от Павла I той поддержки, которая была ему предоставлена Екатериной II. Такова была основная цель агентов Людовика XVIII, которые должны были ориентироваться на Россию"²⁰¹.

Находившиеся в различных странах представители Людовика в разное время неоднократно обращались к русским дипломатам при европейских дворах с просьбой об оказании ему покровительства и помощи. Российский посол в Лондоне Воронцов сообщал: "Дюк Гарикур, исправляющий здесь дела короля французского, неоднократно описывал мне бедственное положение несчастного своего государя, который, живучи в Бланкенбурге, терпит всякие недостатки, найпаче теперь беспокоится о будущем жребии Его Величества и что бы он нелишне был даже необходимо нужного содержания; изъявляя мне сие свое беспокойство, он признавался, что вся его надежда для уменьшения несчастия своего государя основана на великодушии и щедроты Вашего Императорского Величества"²⁰².

К русскому послу в Венеции Мордвинову с такой же просьбой обратился агент Людовика XVIII в Вене епископ Нантский. "Королева французская (т. е. жена Людовика XVIII — В. П.)... повелеть соизволила епископу Нантскому писать по мне о том, дабы я приложил старание мое исходатайствовать регентному графу от Высочайшего двора нашего покровительство. Он будучи теперь в крайней нище-

²⁰⁰ *Lettres et instructions de Louis XVIII...*, p. 15.

²⁰¹ Saint-Priest, *Mémoires*. Paris, 1829, t. 2, p. 170.

²⁰² АВГРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 480, Воронцов — Павлу I, 19/30 июня 1797 г., л. 51 об-52.

те, естлиб мог удостоиться получить от щедрот всемилостивейшего Государя нашего пенсии ста червонных в год, то почел бы себя конечно наищастливейшим человеком"²⁰³.

Летом 1797 г. перед Людовиком XVIII встала реальная угроза выселения из Бланкенбурга, что и принудило ему лично обратиться к Павлу I за помощью. Крупный знаток по истории французской эмиграции Э. Додэ утверждал, что мысль о переезде в Россию впервые у Людовика возникла еще летом 1796 г.²⁰⁴. Как бы то ни было, летом 1797 г. претендент на французский трон принял конкретные меры для уточнения позиций русского императора по ряду важных вопросов²⁰⁵. Со специальной миссией он отправил в Санкт-Петербург одного из верных ему лиц — Сен-Приста.

Отметим, что правящие круги царской России не испытывавшие никаких симпатий к переменам, произошедшим во Франции за первые годы революции и коренным образом преобразившим облик французского общества, небезразлично относились к судьбам французской эмиграции. "Московские ведомости" публиковали сообщения о ее деятельности в Бланкенбурге, Лондоне, об отношении к ней европейских государств и т. д.²⁰⁶. Павел I всеми способами помогал французским эмигрантам, оказывал материальную помощь членам династии Бурбонов и их приближенным. Узнав, к примеру, о затруднительном положении агента Людовика XVIII в Константинополе Шалгина, он в марте 1797 г. отправил ему деньги²⁰⁷.

В таких условиях, миссия Сен-Приста в Санкт-Петербурге увенчалась успехом. Павел I высказал весьма благожелательное отношение к Людовику. Об этом, к примеру

---

²⁰³ Там же, Сношения с Венецией, 1797, дело N 233/4, Мордвинов — Безбородко, 6/16 сентября 1797 г., л. 48.

²⁰⁴ E. Daudet, op. cit., p. 63.

²⁰⁵ Ibid., p. 91-93.

²⁰⁶ См.: Московские ведомости, 2 марта 1797 г., N 20; 18 марта 1797 г., N 22; 28 марта 1797 г., N 25; 8 апреля 1797 г., N 28.

²⁰⁷ Moniteur, 25 floréal an V (14 mai 1797), N 235; Mercure français, 19 mai 1797, N 24.

красноречиво свидетельствует его письмо от 14 августа 1797 г. полномочному министру России в Берлине, графу Панину, где, в частности, говорилось: "При сближении общего в Европе мира мы почитаем долгом Государей призреть на состояние в каковом ныне остается король Людовик XVIII и вес Дом его, и к безбедному его содержанию принять надлежащая меры. Со стороны нашей предварительно уже зделаны некоторые распоряжения и имянно предьявлением от нас готовности принять в службу нашу принца Конде с его сыном и внуком и со всем войском под его начальством служившим и жертвою усердия своего к законному их Государю учинившимся доставляя им в Империи Нашей безпечное пристанище и по возможности выгодное пристроение. Королю Людовику XVIII позволили мы иметь пребывание в принадлежащем нам владении Евереком и сведав, что он в крайней нужде и недостатке находится послали к нему двести тысяч рублей"²⁰⁸.

Такое благосклонное отношение со стороны могучего правителя Российской империи во многом упрочило, мягко говоря, пошатнувшееся положение претендента и, что не менее существенно, дало ему возможность воспрянуть духом. Сразу же после получения ответа Павла I он писал принцу Конде: "Ни на минуту не хочу скрывать от Вас радость, которую доставил мне ответ русского императора"²⁰⁹.

Однако, все исследователи, изучавшие историю французской эмиграции, говоря об отношении Павла I к Людовику XVIII, ограничивались тем, что излагали только вопрос предоставления претенденту на французский трон политического убежища в России и оказания ему материальной помощи. В действительности же, политика Павла I далеко не исчерпывалась этим.

---

²⁰⁸ АВПРИ, Сношения с Пруссией, 1797, дело N 503, Павел I — Панину, 14 августа 1797 г., л. 23.

²⁰⁹ L'armée de Condé d'après une correspondance inédite de son chef, 1792-1801 // Revue nobiliaire, 1880, t. XV, p. 422.

Еще до переезда Людовика XVIII в Россию в марте 1798 г., Павел I взял на себя инициативу объединить европейских монархов для того, чтобы они "учредили образ и количество денежной помощи, которую ежегодно надобно будет давать сему несчастному государю, его родственникам и его свите"²¹⁰. По этому поводу российский император писал Панину: "Дабы на будущее время основать пристойное Ему (Людовику XVIII — В. П.), Брату и Племянникам Его содержание, которому способствовали бы их Величества: Император Римский, короли: Прусский, Великобританский, Гишпанский, Сицилийский и королева Португальская, и в коем мы участвовать не отречемся; поручаем Вам сделать Его Прусскому Величеству чрез Министерство Его внушение, что мы великодушия его ожидаем, что он не токмо сообщит нам мысль свою относительно таковой сему несчастному Дому помощи, но и предпишет своим Министрам при других Дворах о зделании в пользу его общих с нами подвигов"²¹¹.

Для решения этой не очень простой, как показал дальнейший ход развития событий, задачи, аккредитированные при европейских дворах российские дипломаты стали выяснять отношение европейских монархов к сделанному Павлом предложению. Некоторые страны и в самом деле высказали одобрение инициативе русского царя и обещали оказать содействие Людовику XVIII. Полномочный министр России в Неаполе Мусин-Пушкин в реляции царю писал: "Его Сицилийское Величество почитает своим долгом содействовать с Вашим Императорским Величеством в благодетельном и великодушном Вашем намерении; ... будет он писать к Его Величеству Римскому Императору и к Его Католическому Величеству, что против того, сколько помяну-

²¹⁰ АВПРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 481, Воронцов — Павлу I, 18/29 сентября 1797 г., л. 45. Об этом предложении Павла I в самых общих чертах упоминал лишь Д. Милютин. См.: Д. Милютин, указ. соч., т. 1, с. 52.

²¹¹ АВПРИ, Сношения с Пруссией, 1797, дело N 503, Павел I — Панину, 14 августа 1797 г., л. 23 об.

тые величества положат производить ежегодно на содержание Его Величеству королю Людовику XVIII, Брату и племянникам Его, определит он сумму, которую следует Ему соразмерно с силами Его употребить на такой конец"²¹².

Для Людовика XVIII, главарей французской контрреволюции, да и всех монархистов первостепенное значение имела позиция Англии, проявившая основную активность в поддержке внутренней контрреволюции. В годы Директории политика Англии определялась стремлением к восстановлению во Франции конституционной монархии типа 1791 г. Суть политики кабинета Питта Младшего четко выразил английский дипломат лорд Мальмсбэри в беседе с неизвестным лицом, передавшим содержание разговора российскому послу в Венеции Мордвинову: "Франция нуждается в конституционной монархии и может рассчитывать на помощь Англии"²¹³.

Чтобы быть в курсе всех событий, происходивших во Франции, английское правительство еще в первые годы Французской революции организовало широкую сеть шпионажа. При Директории Франция уже была опутана тесной паутиной британских агентов, развернувших активную деятельность не только на ее территории, но и в соседних странах²¹⁴. Особенно большое значение имели действия расположенного в Швейцарии английского разведывательного центра во главе с Уикхемом.

"Редко какая-либо партия была так превосходно подготовлена к выборной кампании как роялисты", — писал Г. Митчелл²¹⁵. В этой подготовке первостепенная роль принадлежала, несомненно, пресловутому "золоту Питта". Правда в 1797 г. внутривнутриполитическая стабильность "Туманного Альбиона" сильно пошатнулась из-за всколыхнувшего всю

---

²¹² Там же, Сношения с Неаполем, 1797, дело N 257, Мусин-Пушкин — Павлу I, 6/17 октября 1797 г., л. 78-79 об.

²¹³ Там же, Сношения с Венецией, 1797, дело N 233/3, л. 12 об.

²¹⁴ J. Godechot, *Le Directoire vu de Londres* // AHRF, 1949, N 116; 1950, N 117.

²¹⁵ H. Mitchell, *op. cit.*, p. 143.

страну в апреле-июне мощного восстания военных моряков в военном флоте — оплоте "ладычицы морей", жестоко подавленного правительством Питта Младшего²¹⁶. Помимо того, вследствие затянувшейся войны с революционной Францией, в которую Англия была втянута с 1 февраля 1793 г., причинившей огромные расходы и оскудевшей государственную казну, английское правительство само стало испытывать денежные затруднения, о чем не раз упоминал Воронцов в своих донесениях. В марте, например, он сообщал: "Денежные затруднения растут. Нация богата, это верно, но правительство бедное. Налоги огромные, национальный долг возрос. Если до начала войны на покрытие процентов этого долга требовалось 9 миллионов фунтов стерлингов, то на сегодняшний день эта сумма превышает 14 миллионов. Все чрезмерно подорожало"²¹⁷. Согласно тому же донесению Питт намеревался получить новый заем для покрытия финансовых нужд текущего года²¹⁸.

Разумеется, сложившаяся в Англии новая обстановка не смогла бы не повлиять на дальнейшую судьбу разбросанных по различным странам Европы французских эмигрантов, находившихся на ее иждивении. Указанные нами обстоятельства вынудили английское правительство поставить вопрос о роспуске армии французских эмигрантов принца Конде, находившейся на его содержании с 1795 г. Судя по одному сообщению, опубликованному в "Редактор", Англия намеревалась выйти из создавшегося положения с помощью германских государств. "Господин Уикхем после поездки в Германию отправился в Берн. Эта поездка диктовалась интересами армии Конде. Речь идет об организации этих войск на новой основе, о сокращении жалованья вследствие больших денежных затруднений, которые

²¹⁶ См. об этом: Е.Б. Черняк, Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в., М., 1962, с. 367-425.

²¹⁷ АВПРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 482, Воронцов — Остерману, 3/14 марта 1797 г., л. 73.

²¹⁸ Там же, л. 73 об.

испытывает Англия"²¹⁹. Но эта попытка не привела ни к каким положительным результатам, после чего кабинет Питта, ссылаясь на "несносные издержки, на крайний крик всей нации, требующей неотступного уменьшения издержек, послало объявление к принцу Конде о распусчении его армии"²²⁰.

Положение французских эмигрантов, безусловно, ухудшилось, но они все же надеялись наладить отношения с британским кабинетом через Воронцова. Агент Людовика XVIII Алопеус обратился к нему с письмом и попросил его ходатайства перед английским правительством для возобновления содержания армии Конде, что лишний раз подтверждает возросшую значимость позиции России в дальнейших судьбах французских эмигрантов. "Он требует от меня, — писал Воронцов царю, — чтоб я домогался от здешнего министерства, дабы Англия продолжала содержать на своем иждивении корпус войск принца Конде. Но не получаю о сем трудном и почти невозможном деле никакого повеления от Вашего Императорского величества, я не мог отважиться делать здесь домогательства именем Вашим по поводу письма господина Алопеуса"²²¹. Воронцов ответил Алопеусу вежливым письмом: "Я получил письмо Вашего превосходительства, написанное от 9/20 июля из Уберлингуена. Я очень сожалею, но ничего не могу поделать относительно продолжения содержания Англией корпуса Конде, так как не имею никаких распоряжений на этот счет от Его Императорского величества"²²². Павел I ничего конкретного не предпринял по этому поводу, но после окончательного отказа английского правительства от содержания армии Конде, не представлявшей,

---

²¹⁹ Rédacteur, 13 germinal an V (2 avril 1797), N 473.

²²⁰ АВПРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 481, Воронцов — Павлу I, 21 августа/1 сентября 1797 г., л. 16.

²²¹ Там же, л. 15 об.-16.

²²² Там же, л. 25.

к слову сказать, никакой военной силы²²³, с 1 октября 1797 г. взял ее на русскую службу²²⁴.

Общее финансовое положение Англии во многом определило и ее отношение к сделанному Павлом I предложению об оказании материальной помощи Людовику XVIII. После беседы с лордом Гренвилем, Воронцов писал Павлу, что министр иностранных дел "несомневаются чтобы его Величество не сделал бы все, что ему можно будет, что Ваше Императорское Величество извещены через министерство Людовика XVIII как здешнее правление щедро презирает тех, за коих Вы государь"²²⁵! Эти колебания, связанные с внутренними затруднениями, отразились и в окончательном ответе английского правительства. Гренвиль сообщил Воронцову, что "Его Величество подавая непрестанно уже через несколько лет разные денежные помощи как сему несчастному королю, так и брату его и племянникам и всей фамилии принца Конде, готов, однако, войти в согласие по мере сил своих, ибо не в состоянии, видя изнурение всей нации, страшные долги и подати оной, делать новые и важные издержки; и что он, однако же, не сделает, менее того, что сделают другие государи"²²⁶.

Но несмотря на экономические затруднения и финансовый кризис, английское правительство все же продолжало щедро субсидировать роялистов. В январе 1797 г. британский кабинет обещал одному из главарей "Парижского агентства" — Дюверну выделить 60000 фунтов стерлингов на расходы первого квартала года и еще 45000 при условии создания подпольной военной силы²²⁷. Англия, поддержи-

---

²²³ См.: О.Л. Вайнштейн, *Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796)*, Харьков, 1924, с. 50-51.

²²⁴ См. об этом: Т. Muret, *Histoire de l'armée de Condé*, Paris, 1844, t. 2, p. 43-80; А.А. Васильев, указ. соч., с. 320-329.

²²⁵ АВПРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 481, Воронцов — Павлу I, 18/29 сентября 1797 г., л. 45 об.-46.

²²⁶ Там же, Воронцов — Павлу I, 27 октября/7 ноября 1797 г., л. 85 об.-86.

²²⁷ Н. Mitchell, *op. cit.*, p. 110.

вавшая связь с роялистами внутри Франции в основном через Уикхема, в период выборов V года потратила около одного миллиона фунтов стерлингов²²⁸. Деньги доставлялись внутренним реакционерам через секретные роялистские службы во главе с д'Андре²²⁹.

С помощью английского золота роялисты начали издавать во Франции ряд газет, распространявшихся в департаментах. В предвыборной кампании пресса стала их могучим оружием. Учитывая все эти обстоятельства, А. Матъез, по праву, назвал выборы V года "английскими"²³⁰.

Рассмотренные нами источники передают различные сведения о численности французских эмигрантов, нашедших пристанище в Англии к 1797 г. Воронцов, например, сообщал в феврале: "В настоящее время в Англии насчитываются более двадцати пяти тысяч французских эмигрантов или же мнимых эмигрантов различного рода и достатка"²³¹. Данные Воронцова не совпадают, однако, с данными английской газеты "Лондон кроникл", определившей число эмигрантов лишь в 12-13 тысяч²³². Такую же цифру мы находим в сообщении, опубликованном в "Московских ведомостях"²³³. Трудно, конечно, сказать, какая из этих цифр более достоверна, но в любом случае в Англии нашли приют намного больше французских эмигрантов, чем в остальных странах Европы²³⁴. Для содержания французских

²²⁸ J. Bouchary, *L'or anglais sous le Directoire* // AHRF, 1956, N 142, p. 76.

²²⁹ W.R. Fryer, *Republic or Restoration in France?* Manchester, 1965, p. 188-197; H. Mitchell, *op. cit.*, p. 150-156.

²³⁰ A. Mathiez, *op. cit.*, p. 285.

²³¹ АВПРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 482, Воронцов — Остерману, 17/28 февраля 1797 г., л. 51 об.

²³² London Chronicle. 28 February 1797, N 5892.

²³³ Московские ведомости, 8 апреля 1797 г., N 28.

²³⁴ Отметим для сравнения, что число французских эмигрантов, проживавших в Пруссии, к началу 1798 г. достигало 4000 (см.: London Chronicle, 16 January 1798, N 6065), а в Испании от 7000 до 8000 (см.: АВПРИ, Сношения с Испанией, 1798, дело N 506, Бицов — Безбородко, 18/29 марта 1798 г., л. 42 об.).

эмигрантов английскйл парламент выделл на 1797 г. 180 тысяч фунтов стерлингов²³⁵.

Правительство Англии содерало также многих членов дома Бурбонов. В беседе с Воронцовым лорд Гренвиль признал, что "брат сего несчастного государя (т. е. Людовика XVIII — В. П.) и его племянники живут на иждивении Англии; что принц Конде и его дети также имеют содержание от Англии; что французское дворянство и духовенство, живущее в Англии, и коих число превосходит несколько тысяч, все имеют пенсию от английского правления"²³⁶.

Отношение английских правящих кругов к французским эмигрантам, четко выразил "Джентлманс магазин": "Следует признать, что допуск столь значительного числа французских католиков в наше королевство, является одним из многих опасных последствий связанных с Французской революцией. Но при этом надо помнить, что этот допуск явился не результатом выбора, а был продиктован, в какой-то степени необходимостью. Они заброшены к нашим берегам как бы рукой провидения, дабы спастись от жестоких преследований безжалостных соотечественников. То, как они приняты и как с ними обращаются, я считаю характерной чертой нашей страны, и это является ее особой заслугой... Мы их приняли как близких и как гостей, как детей одного отца, как учеников одного учителя"²³⁷.

Наряду с Англией в 1796 — начале 1797 гг. в первых рядах покровителей французской контрреволюции находилась Испания. В начале 1797 г., согласно одному сообщению, полученному в Париже из Мадрида, из Лондона в столицу Испании прибыл французский роялист, финансист, некий Казалес. Его непредвиденное прибытие сразу же привлекло внимание испанской общественности. "Никто не

²³⁵ Там же, Сношения с Англией, 1797, дело N 480, л. 45 (копия заседания парламента). См. также: Mercure français, 8 juillet 1797, N 29.

²³⁶ АВПРИ, Сношения с Англией, 1797, дело N 481, Воронцов — Павлу I, 21 августа/1 сентября 1797 г., л. 46-46 об.

²³⁷ The Gentleman's Magazine, March 1797, p. 204.

сомневается, что раскрытый заговор (т. е. Бротье — В. П.) восходит к Испании, — сказано в сообщении. — Предположение о намерении Казалеса возглавить действия здешних ячеек, подтверждается целым рядом обстоятельств: притоком к берегам Испании и в ее столицу французских эмигрантов и высланных священников, с их угрожающими выступлениями и учиненными ими неприличными сценами в Барселоне, а также в Аранхуэсе, в присутствии французского посла²³⁸.

Французские эмигранты имели возможность не только свободно поселяться на территории испанского королевства, но и создавать свои войсковые подразделения. По этому поводу интересные, еще не известные, сведения передавал российский посол в Мадриде Бицов. Весной 1797 г. находившимися в Испании французскими эмигрантами был сформирован полк. Как сообщает Бицов, "легион эмигрантов, действовавший под начальством генерал-лейтенанта Сен-Симона был переформирован в полк под названием "Бурбон". Уверяют, что при случае разрыва отношений он будет использован на другом месте"²³⁹.

Но с середины 1797 г. политика испанского правительства по отношению к французским эмигрантам стала постепенно меняться, что было обусловлено изменением внешнеполитического курса Испании. Стремясь к развитию дружественных отношений Испании с Директорией, король Карл IV не намеревался открыто поддерживать Людовика XVIII. Бицов писал из Мадрида Безбородко о своей беседе с

²³⁸ Rédacteur, 25 ventôse an V (15 mars 1797), N 455.

²³⁹ АВПРИ, Сношения с Испанией, 1797, дело N 502, Бицов — Остерману, 13/24 апреля 1797 г., л. 22. Достоверность этого сообщения ставил под сомнение Ж. Годшо, мотивируя свое недоумение тем, что ни в каких архивах ему не приходилось найти сведений, касающихся формирования войскового подразделения французских эмигрантов на территории Испании. См. письмо Ж. Годшо В.А. Погосяну от 30 марта 1989 г. (личный архив В.А. Погосяна). Однако, поскольку Бицов упоминает про существование полка "Бурбон" и в своих последующих донесениях, мы склонны подтвердить достоверность его сообщения.

премьер-министром Испании Годоем: "Он мне говорил, что Его Католическое Величество с удовольствием, принимая великодушные и доброжелательные заботы Его Императорского Величества по отношению к Людовику XVIII, бесконечно сожалеет, что из-за своих отношений с Директорией он не в состоянии объяснить более ясно или же выразить свое мнение более четко. Однако до заключения мира король постарается сделать все, что от него потребуется. Его Величество *секретно* выделял в разное время Людовику XVIII большие суммы и продолжал платить пенсии принцам крови (курсив наш — В. П.)"²⁴⁰. Углубление дружественных отношений с Директорией заставило мадридский двор маневрировать. "Князь Мира (т. е. Годой — В. П.) потребовал от всех, находившихся за границей представителей, присоединиться в самый краткий срок к принципам французской республики. Он отстранял от службы всех тех, кто не проявлял достаточной гибкости, чтобы приспособиться к новой политике"²⁴¹. На действия испанского правительства в большой мере повлиял новый французский посол в Мадриде Трюгэ, назначенный на этот пост после переворота 18 фрюктидора. Сразу же по прибытии в Мадрид он потребовал от Годоя выселения из Испании всех французских эмигрантов и священников²⁴².

Дальнейшее сближение Испании с Францией привело к принятию королем 23 марта 1798 г. специального закона о выселении из Испании всех французских эмигрантов. По этому поводу Бицов писал Безбородко: "Только что появился закон, принятый королем 23 числа и опубликованный спустя три дня после принятия, относящийся выселения французских эмигрантов с территории Его Католического Величества, за исключением острова Майорка, предостав-

²⁴⁰ АВПРИ, Сношения с Испанией, 1797, дело N 503, Бицов — Безбородко, 29 октября/8 ноября 1797 г., л. 80-80 об.

²⁴¹ Там же, Сношения с Гамбургом, 1798, дело N 296, Grimm — Павлу I, 5/16 января 1798 г., л. 12-12 об.

²⁴² M. Poniatowsky, Talleyrand et le Directoire, Paris. 1982, p. 601.

ленного им для приюта. Согласно общественному мнению это гибельное для бедных эмигрантов мероприятие, число которых в Испании достигает 7-8 тысяч, состоящее в большинстве из духовных лиц, было принято после настойчивых и повторных требований посла Директории Трюгэ²⁴³.

Испанское правительство проявило последовательность. "Вот уже восемь дней, — писал Бицов, — как закон относящийся к эмигрантам, о котором я имел честь доложить Вашему Высочеству, претворяется в жизнь. Находящимся на службе Испании военнослужащим также предстоит высылка и жалование они получают при условии отъезда на остров Майорку. Пехотный полк "Бурбон", составленный из эмигрантов и руководимый маркизом де Сен-Симоном, сначала должен был быть расформирован. Но решение по этому вопросу было изменено, и он в полном составе будет отправлен на Майорку"²⁴⁴. Последующие донесения Бицова подтверждают решимость испанского правительства довести свои действия до конца. "Осуществление принятых правительством мер с целью выселения эмигрантов ни сколько не задерживается. После увещаний коменданта острова Майорка о невозможности поселения на острове столь многих иностранцев, двор принял новое постановление предусматривающее выселение туда военных и еще нескольких епископов. Остальные эмигранты за счет короля должны быть отправлены в Ля Корунью, с тем, чтобы затем отплыть на Канарские острова"²⁴⁵.

Такое решение короля устраивало тех эмигрантов, которые были намерены поселиться в соседних с Францией государствах. Согласно сообщениям русского посла в Лиссабоне Рехтерна, многие французские эмигранты переезжали из Испании в Португалию для того, чтобы уплыть в Анг-

---

²⁴³ АВПРИ, Сношения с Испанией, 1798, дело N 506, Бицов — Безбородко, 18/29 марта 1798 г., л. 42 об.

²⁴⁴ Там же, Бицов — Безбородко, 1/12 апреля 1798 г., л. 56 об.-57.

²⁴⁵ Там же, Бицов — Безбородко, 19/30 апреля 1798 г., л. 65 об.-66.

лию²⁴⁶. Весть об интенсивном выселении французских эмигрантов из Испании быстро распространилась по всей Европе. Об этом Павлу I писал и русский посол в Гамбурге Гримм²⁴⁷.

В таких условиях, естественно, реальную помощь Людовику XVIII Испания не в состоянии была оказать.

Удалось ли Павлу I осуществить свою программу? Вряд ли. Все его старания, по всей вероятности, оказались тщетными и не привели ни к какому положительному результату, в противном случае, до нас дошли бы сведения на этот счет. Тем не менее, принятие царем такой программы и предпринятые им шаги на пути ее претворения в жизнь, свидетельствуют о том, что в своем враждебном отношении к Французской революции он пошел намного дальше Екатерины II, что проявилось задолго до вступления России в состав второй антифранцузской коалиции в 1798 г.

Но здесь имеет смысл сконцентрировать внимание на одном обстоятельстве первостепенной важности. Говоря об отношении Павла I к претенденту на французский трон, следует иметь в виду, что, по сути дела, речь шла отнюдь не о личности Людовика, к которому царь не испытывал особых, явно выраженных симпатий. Иначе, как объяснить тот факт, что почти за три года его пребывания в пределах Российской империи, Павел ни разу не изъявил желания повидаться с претендентом и хоть раз побеседовать с ним с глазу на глаз. Такой встречи ведь не состоялась.

На деле, судьба Людовика XVIII и французских эмигрантов, как и всех политических беженцев в целом, находилась в полной зависимости от дуновения "политического ветра". Итак, 24 марта 1798 г. Людовик поселился в рос-

---

²⁴⁶ Там же, Сношения с Португалией, 1798, дело N 150, Рехтерн — Павлу I, 28 апреля/9 мая 1798 г., л. 21 об. См. также донесение Рехтерна от 22 мая/2 июня 1798 г. // Там же, л. 27 об.

²⁴⁷ Там же, Сношения с Гамбургом, 1798, дело N 297, Гримм — Павлу I, 6/17 марта 1798 г., л. 48 об.

кошном замке курляндских князей в Митаве²⁴⁸ и на первых порах почувствовал себя в полной безопасности, но не долго. Прошли годы. Во Франции изменилась политическая обстановка и вскоре после переворота 18 брюмера, приведшего к установлению военной диктатуры генерала Бонапарта, а затем и к русско-французскому сближению, Павел I ни на минуту не задумываясь и без тени смущения, в январе 1801 г., выслал Людовика XVIII за пределы своего государства.

Так, что же заставило Павла, хоть и на короткий срок, распахнуть двери митавского замка перед Людовиком и его свитой? Тому была одна единственная причина: оголтелая, доходившая у царя до зоологической степени, лютая ненависть к завоеваниям Французской революции и, в частности, к установившемуся во Франции республиканскому строю. В письме к Панину от 19 декабря 1797 г., царь так объяснял свое расположение к Людовику: "Приняв намерение дать убежище в Империи нашей Его Величеству Королю Французскому *из единого и сродного нам человеколюбия и соболезнования к нещастиям сего Дома* (курсив наш — В. П.), Мы приглашаем Его Величество ныне же отправиться в пределы наши желая так же чтоб оставленные при нем сто человек *Gardes du Corps* бывшия в армии состоявшей под командою принца Конде, вступившия с прочими в службу нашу и получающие содержание от нас, следовали в пределы наши"²⁴⁹.

Не случайно, в декабре 1799 г., сразу же после низвержения Директории, Павел заявил О.В. Ростопчину: "Безразлично кто будет царствовать во Франции, лишь бы правление было монархическое"²⁵⁰. Именно этим обстоятельством

---

²⁴⁸ См.: E. Despréaux, Louis XVIII en Courlande // *Le Monde slave*, 1828, t. 3. N 9; В.А. Погосян, Павел I и Людовик XVIII // *Французский ежегодник* — 1980, М., 1982.

²⁴⁹ АВПРИ, Сношения с Пруссией, 1797, дело N 503, Павел I — Панину, 19 декабря 1797 г., л. 78.

²⁵⁰ Русский архив, 1912, N 10, с. 266.

был обусловлен тот крутой поворот в русско-французских отношениях, который после переворота 18 брюмера обозначился в политике дальновидного российского императора, зоркий взгляд которого разглядел в лице пришедшего к власти во Франции генерала Бонапарта могильщика республиканской формы правления. А эта резкая перемена не смогла бы, естественно, не повлиять на дальнейшую судьбу Людовика XVIII.

Но пути господни поистине неисповедимы, и сам Людовик, находясь еще в санях, медленно перевозивших его по снежным дорогам холодной России из Митавы в Польшу, еще малейшего представления не имел, что спустя несколько лет, уже при царствовании Александра I, ему предстояло проехать тот же путь той же солью. Если Александр I, один из организаторов третьей антифранцузской коалиции, в период борьбы с наполеоновской Францией, предпринял новую попытку объединения европейских дворов для оказания постоянной материальной помощи Людовику XVIII (к слову сказать, и на этот раз безуспешную)²⁵¹, а в 1805 г. предоставил ему политическое убежище в России, поселив его в Митаве, в том же дворце, то после заключения Тильзитского мирного договора 1807 г., он же, дабы угодить Наполеону, не колеблясь, выслал его оттуда. На этот раз Людовик оставил пределы России навсегда.

Иначе говоря, те же правители Российской империи, исходя из государственных интересов, проводили по отношению к установившимся во Франции политическим режимам двойственную политику, начиная от вооруженного вторжения и подавления и кончая политическим компромиссом. Причем, обе линии зачастую проводили те же правители: Екатерина II²⁵², Павел I, Александр I.

²⁵¹ См.: E. Daudet, op. cit., p. 252-260.

²⁵² См. о политике Екатерины II: В.Г. Сироткин, Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? (Об одной малоизвестной записке

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПЕРЕВОРОТ 18 ФРЮКТИДОРА
ВЫБОРЫ V ГОДА

Директория отлично сознавала опасность, исходившую от роялистов и тщательно готовилась к выборам в жерминале. В вантозе V года на страницах правительственных газет "Монитор" и "Редактор" регулярно публиковались обращения Директории к французскому народу относительно предстоявших выборов и инструкции о порядке их проведения. В особенности необходимо отметить опубликованную в семи номерах газеты "Монитор" детальную "Инструкцию о созыве первичных и коммунальных съездов, а также съездов выборщиков, утвержденную обоими Советами"²⁵³, состоявшую из трех основных разделов. В первом были представлены обязанности сотрудников местных администраций во время подготовки созыва первичных, коммунальных съездов и съездов выборщиков; второй относился к созыву съездов, а в третьем был отмечен порядок голосования, которого следовало придерживаться во время выбора общественных должностных лиц. С обширными инструкциями о порядке проведения выборов выступили также департаментские органы печати²⁵⁴.

В "Инструкции" Директории были подробно изложены обязанности и права граждан, имевших право на голосование, а также тех, кто осуществлял общественные функции

Екатерины Великой) // Великая французская революция и Россия, с. 273-288.

²⁵³ Moniteur, 14 ventôse an V (4 mars 1797), N 164 — 21 ventôse an V (11 mars 1797), N 171.

²⁵⁴ См. например: Mercure de la Gironde, 30 ventôse an V (20 mars 1797), t. 2, N 27.

во время выборов. Для предотвращения беспорядков, во второй раздел был включен специальный параграф, касавшийся соблюдения общественного порядка в период выборов: "Каждый первичный и коммунальный съезд, а также съезд выборщиков в своих недрах имеет верховное право полицейского надзора. Вследствие этого никто не может проникнуть в его среду переодетый в костюм какой-либо другой общественной силы. Никто не может исполнить какого-либо рода работу, не имея на это приказа, исходившего от него"²⁵⁵.

11 вантоза V года (1 марта 1797 г.) Директория выступила с официальной прокламацией. В этом обращении к народу правительство проявило твердость относительно сохранения республиканского строя, призвало выборщиков к бдительности и благоразумию. "Французы, — отмечалось там, — подходит время, когда вам предстоит частично переизбрать различные конституционные власти. Вам не следует искать защитников среди врагов Республики. Проявляйте, по крайней мере, во время этих выборов, имеющих такое важное значение, рассудительность, которая поможет вам избрать тех, кому сможете доверить ваши интересы. Наконец вам следует признать, что интересы республики совпадают с вашими и их надо доверять только тем, республиканизм, твердость, достоинство и таланты которых обеспечат вам преданность, усердие и удачу...

Французы, Исполнительная Директория напомнила вам ваши обязанности, она выполнит свои и независимость ваших съездов будет обеспечена. Соблюдайте их, и выборы в жерминале вырвут могилу всем фракциям, ускорят мир извне, а внутри страны станут залогом личной безопасности и общественного процветания"²⁵⁶.

Прокламация Директории, подписанная Рейбелем, была напечатана и распространена по всей Франции. Граждане

²⁵⁵ Moniteur, 17 ventôse an V (7 mars 1797), N 167.

²⁵⁶ Rédacteur, 14 ventôse an V (4 mars 1797), N 444.

республики сразу же откликнулись на нее. "Редактор" писала: "Во всех местах, где ее вывесили, она вызвала одобрение. Среди читателей возникали интересные дискуссии, она всех утешила и всем внушила надежду"²⁵⁷. То же самое утверждают полицейские донесения: "Прокламация Директории везде была принята с одобрением, ее комментировали беспристрастно, употребленные в ней выражения также были одобрены. Одним словом вчера в гораздо большей мере, чем когда-либо, можно было судить об успокоении общественного мнения"²⁵⁸.

С целью предотвращения натиска роялистских группировок, Директория прибегла и к административным мерам. 7 вантоза (25 февраля) были лишены права участия в выборах те, кто был занесен в списки эмигрантов. Но Директория в своих действиях проявила непоследовательность. Под воздействием правых кругов Законодательного корпуса она была вынуждена 22 вантоза (12 марта) принять новое постановление, согласно которому возвратившиеся эмигранты вновь получали право на голосование. Постановление от 7 вантоза было фактически отменено.

25 вантоза (15 марта) Директория предложила обоим Советам потребовать от выборщиков клятвы "ненависти к королевской власти и анархии"²⁵⁹. Это предложение вызвало бурные прения в Совете пятисот. После двухдневного обсуждения²⁶⁰ Советом наконец-то было принято соответствующее постановление, гласившее: "Когда съезды выборщиков будут созваны, каждый выборщик обязательно должен громогласно объявить: "Я обещаю быть преданным и верным Республике и конституции III года. Я собираюсь за-

²⁵⁷ Ibid., 16 ventôse an V (6 mars 1797), N 446.

²⁵⁸ Paris..., p. 780.

²⁵⁹ Moniteur, 29 ventôse an V (19 mars 1797), N 179.

²⁶⁰ Ibid., 30 ventôse an V (20 mars 1797), N 180 — 1 germinal an V (21 mars 1797), N 181.

щищать их по мере моих возможностей от всех нападков роялистов и анархистов"²⁶¹.

Принятие Законодательным корпусом такого постановления было, несомненно, важным шагом на пути к организации удобных правительству выборов. В той накаленной обстановке, в которой находилась Франция, новое постановление вызвало различные истолкования. Полицейские донесения констатируют, что многие рассматривали эту меру как принудительную и не соответствующую конституции²⁶². Отклонение от конституции в данном случае соответствовало интересам Директории и полностью оправдывало ее политику. Однако эта резолюция была принята с большим опозданием, что было очевидным и для современников. "До некоторой степени все говорят исключительно о развернутой дискуссии по поводу клятвы требуемой от выборщиков и о ее формулировке. Но в первую очередь поражает именно то, что это предложение было принято с таким опозданием, и все отмечают то короткое время, которое остается правительству для распространения этого закона в отдаленных департаментах"²⁶³.

Правительственные учреждения призывали выборщиков своевременно записываться в так называемые гражданские списки (*registres civiques*), предназначенные для предварительного подсчета голосов в административных центрах. В обращении к жителям департамента Сены отмечалось: "Эта запись очень важна для осуществления ваших политических прав, о чем мы вас известили два месяца назад. Мы отдаем должное стремлению, с которым большое число граждан поспешило выполнить это важное условие, предусмотренное конституцией"²⁶⁴. Через несколько дней "Редактор" писала: "В общем и целом, многие желают запи-

²⁶¹ Ibid., 2 germinal an V (22 mars 1797), N 182.

²⁶² Paris..., t. IV, p. 9.

²⁶³ Ibid., p. 11.

²⁶⁴ Rédacteur, 3 ventôse an V (21 février 1797), N 433.

саться в гражданские списки, и можно предположить, что предстоящие первичные съезды будут представлены намного полнее, чем предыдущие"²⁶⁵. Сразу же отметим, что в Париже в гражданские списки были записаны 30 тысяч человек²⁶⁶. Приводя этот пример, департаментская газета "Меркур де ла Жиронд" с досадой сообщала об отсутствии у граждан департамента такого же стремления²⁶⁷.

Как и прежде, во всех избирательных округах столицы и департаментов были вывешены списки кандидатов в депутаты. "Департамент Сены представил списки кандидатов для предстоящих выборов, они многочисленны, — писала "Редактор". — Это первый показатель того рвения, которое демонстрируют граждане для достижения успешных выборов. В них можно найти имена многих лиц, оказавших услуги революции"²⁶⁸.

Оглашение списков кандидатов позволяло держать население в курсе событий, происходивших в избирательных округах, в чем и заключалось, на наш взгляд, практическое значение этого мероприятия. Списки кандидатов в депутаты не везде вызывали одобрение граждан, и это было вполне естественно. В Жиронде, например, жители департамента открыто выражали свое недовольство выбором кандидатов, оказавшихся в списках, вывешанных на улицах городов. "Следует признать, — писала местная газета, — что кроме членов департаментской администрации и еще восьмидесяти достойных людей, в этом списке оказались одни недостойные люди"²⁶⁹.

Гласность в предвыборной кампании открывала широкие возможности перед избирателями для активного

²⁶⁵ Ibid., 7 ventôse an V (25 février 1797), N 437.

²⁶⁶ Mercure de la Gironde, 30 ventôse an V (20 mars 1797), N 27. А. Матъез указывает цифру 28 тысяч в противоположность 14 тысячам, записанным накануне выборов IV года. См.: А. Mathiez, op. cit., p. 279.

²⁶⁷ Mercure de la Gironde, N 27.

²⁶⁸ Rédacteur, N 437.

²⁶⁹ Mercure de la Gironde, 26 ventôse an V (16 mars 1797), N 26.

участия в ней. По поводу выдвижения кандидатов в депутаты избиратели Жиронды, к примеру, неоднократно выступали в упомянутой газете с интересными предложениями, учитывавшими специфику департамента. Незадолго до выборов газета писала: "У нас вызывает удивление одно обстоятельство: в торговом городе, где живут много негоциантов, кажется, больше озабочены избранием ораторов и писателей, чем представителей этого класса (так в тексте — В. П.), как будто Законодательный корпус имеет мало ораторов и писателей, а департаменты центра еще не выдвинут таковых в достаточном количестве"²⁷⁰. В дальнейших номерах, комментируя рассуждения одного гражданина, опубликованные в другой местной газете, редакция "Меркур де ла Жиронд" отмечала, что цель их — показать, насколько большое значение имеет для торгового города избрание в Законодательный корпус негоциантов. "Негоциант, — пишет он (т. е. автор рассуждений — В. П.), — является необходимым избранником, поскольку он представляет индустрию и национальную торговлю, он будет советником финансовой администрации, естественным защитником торговых городов, он будет восстанавливать колонии"²⁷¹.

Открыто выражая свое недовольство распространенными списками кандидатов, негоцианты Жиронды выдвигали новые, составленные ими, в которых фигурировали те лица, которых они сами считали достойными исполнения обязанностей в Законодательном корпусе. "Более угодливые граждане выслали нам списки кандидатов с просьбой опубликовать в нашей газете", — писала уже упомянутая газета²⁷². Не соглашаясь с этим предложением, редакция предпочла ограничиться опубликованием короткого списка тех кандида-

²⁷⁰ Ibid., 23 ventôse an V (13 mars 1797), N 25.

²⁷¹ Ibid., 6 germinal an V (26 mars 1797), t. 3. N 2.

²⁷² Ibid., 23 germinal an V (12 avril 1797), N 7.

тов, которые, по ее мнению, больше соответствовали интересам департамента²⁷³.

Как видно из приведенных фактов, различные социальные слои французского общества имели возможность принимать активное участие в предвыборной кампании, отстаивая в развернувшейся борьбе свои интересы. Несомненно, Директория отнюдь не препятствовала открытому обсуждению вопроса о выборах, а наоборот, способствовала этому. Полицейские донесения единодушно констатируют царившую среди парижан уверенность в успешном проведении выборов. Согласно этим документам все были убеждены в том, что ничего не нарушит работу первичных съездов²⁷⁴. В том же уверяла своих читателей правительственная газета "Редактор"²⁷⁵.

Директории, конечно, удалось организовать проведение выборов. В противостоянии же роялистскому натиску, что было намного важнее, она не достигла определенных успехов. Об этом свидетельствует хотя бы применение военной силы для восстановления общественного порядка в стране незадолго до выборов. Вследствие учиненных роялистами беспорядков, Директорией были отправлены в отдельные департаменты войсковые подразделения, которым в конечном итоге удалось нормализовать обстановку. Дивизионный генерал Гаркуин в начале марта писал членам Директории о восстановлении в департаменте Гар покоя. "Триумф анархистов и убийц, — как он сообщал, — не долго продлился. Начало их действий было ужасным, но насколько они были грозными и дерзкими, настолько они оказались ошеломляющими... Благонамеренные граждане вновь проявили храбрость, 400-500 из них вчера были вооружены. Вы ока-

---

²⁷³ Ibidem.

²⁷⁴ Paris..., t. III, p. 769-770, 777, 780.

²⁷⁵ Rédacteur, 1 germinal an V (21 mars 1797), N 461.

зали большую услугу Авиньону и общественному делу, предоставив мне те силы, которые я привел сюда"²⁷⁶.

Директория была осведомлена не только о действиях роялистов внутри страны, но и о той интенсивной деятельности, которую развернули находившиеся на территории соседних с Францией государств французские эмигранты, стремившиеся повлиять на исход выборов. Поэтому она старалась воспрепятствовать ей через дипломатические службы. Незадолго до выборов французский посол в Базеле от имени своего правительства выразил протест по поводу скопления в этом городе большого количества французских эмигрантов, намеренных повлиять на работу съездов выборщиков в пограничных со Швейцарией департаментах. После протеста посла, согласно принятому магистратурой кантона ордонансу, французские эмигранты были немедленно высланы с территории Базеля²⁷⁷.

С целью усиления борьбы с зарубежными союзниками внутренней реакции Директория постановила порвать все сношения с Англией, в частности, те, которые велись через Кале, до 1 прериала (19 мая)²⁷⁸.

Однако и эти мероприятия носили половинчатый характер. В действиях Директории отсутствовали необходимая целеустремленность и организованность. Частичное использование армейских подразделений для восстановления порядка в департаментах свидетельствовало не только о непорочности и слабости Директории, но и о том значении, которое постепенно приобретала армия, незаметно упрочившая свои позиции.

---

²⁷⁶ Ibid., 14 ventôse an V (4 mars 1797), N 444.

²⁷⁷ Ibid., 15 germinal an V (4 avril 1797), N 475; *ibid.*, 29 germinal an V (18 avril 1797), N 489.

²⁷⁸ *Moniteur*, 8 germinal an V (28 mars 1797), N 188.

Таким образом, в конечном итоге, весной 1797 г., как отмечал Ж. Лефевр, Директория "оказалась бессильной против действий роялистов"²⁷⁹.

1 жерминаля (21 марта) начались выборы которые были отнюдь не первыми после учреждения Директории, как это ошибочно утверждает В.Г. Ревуненков²⁸⁰. За всю историю Директории первичные съезды никогда не были представлены так полно, как весной 1797 г. Из имевших право на голосование в первичных съездах шести миллионов граждан, в выборах V года приняли участие два миллиона²⁸¹.

Работа первичных съездов в Париже проходила в полном спокойствии. Многие парижане открыто выражали свое удовлетворение по этому поводу, уверенные в успешном проведении выборов. В некоторых местах имели место лишь незначительные нарушения общественного порядка, которые были легко устранены. В секции Пантеона, например, совпадение имен голосовавших выборщиков послужило причиной ошибочного подсчета избирательных голосов. В другой секции столицы на голосование явилась большая группа рабочих, не имевших на это право²⁸². В целом, однако, работа первичных съездов проходила вполне спокойно и точно, о чем не раз было упомянуто в полицейских донесениях²⁸³.

Конечно, царившая в избирательных округах Парижа спокойная обстановка была характерна не для всей страны. Противники республиканского строя учиняли беспорядки, в особенности, на юге страны. Здесь во многих департаментах патриоты подвергались преследованиям и были вынуж-

---

²⁷⁹ G. Lefebvre, *op. cit.*, p. 265.

²⁸⁰ В.Г. Ревуненков, *указ. соч.*, с. 483.

²⁸¹ F. Hincker. C. Mazauric, *Histoire de la France contemporaine*, t. 1, 1789-1799, Paris, 1978, p. 339.

²⁸² Paris..., t. IV, p. 22.

²⁸³ *Ibid.*, p. 17, 18, 20, 23. См. также: Thibaudcau, *op. cit.*, p. 155.

дены перебираться в Италию, пополняя ряды Итальянской армии Бонапарта²⁸⁴.

Беспорядки имели место в Тулузе. В одном сообщении отмечалось об активном стремлении врагов правительства вызвать среди граждан ненависть против него, разжечь чувство мести. "Когда честные граждане стали посещать первичные съезды, туда же прибыли банды террористов с главарем, певшие по крайней мере неприличные песни. В течение часа со смертельным воем гремели залпы орудий. Порядочные граждане были изгнаны, уступив место анархистам. Военные тщетно пытались восстановить порядок"²⁸⁵.

Ссылаясь на рапорты комиссара Директории в департаменте Буш дю Рон, Баррас сообщал об имевших там место аналогичных беспорядках. Роялисты преследовали сторонников республиканского правительства, обыскивали дома, совершали убийства. Поэтому, заключает Баррас, выборы в Буш-дю-Рон должны были соответствовать интересам роялистов²⁸⁶. Разумеется не во всех департаментах юга выборы и предшествовавшая им подготовка проходили при таком явном насилии роялистов. Так, в Жиронде "выборы проходили в спокойствии"²⁸⁷.

Результаты выборов оказались для Директории печальными. Согласно законам 5 и 13 фрюктидора III года (22 и 30 августа 1795 г.), принятым термидорианским Конвентом, две трети депутатов будущей законодательной власти должны были составить бывшие члены Конвента. К марту 1797 г. число подлежащих переизбранию бывших членов Конвента, заседавших в обоих Советах, достигало 216 (жеребьевка среди депутатов состоялась 15 вантоза (5 марта). Вместо них в Законодательный корпус были избраны только 11 членов Конвента. Ж.-Р. Сюратто утверждал, что сре-

---

²⁸⁴ Paris..., p. 29.

²⁸⁵ Mercure de la Gironde, 13 germinal an V (2 avril 1797), N 4.

²⁸⁶ P. Barras, op. cit., p. 358.

²⁸⁷ Mercure de la Gironde, N 4.

ди них лишь шесть были убежденными республиканцами: Делма, Эшассерио Старший, Мениен, Пулен-Гранпрей, Борда, Жард-Пенвийер. Согласно его же подсчетам, из 269 избранных депутатов 228, начиная с 1789 г., никогда не принимали участия в работе органов законодательных учреждений²⁸⁸.

Триумф роялистов на выборах был полным. Именно в Париже и в его окрестностях (Фонтенебло, Мелен, Сен-Жермен) результаты выборов оказались наиболее благоприятными для сторонников восстановления монархического строя. В столице в Законодательный корпус были избраны два республиканца и восемь роялистов, в том числе видный деятель "Клиши" Буасси д'Англа²⁸⁹. Баррас писал: "Раздоры между Директорией и Законодательным корпусом дали свои плоды. Выборы в Париже оказались роялистскими"²⁹⁰. Согласно полицейским донесениям, "избранными оказались одни роялисты, а республиканцы были везде с презрением отвергнуты"²⁹¹. Вскоре после выборов сторонники республиканского правительства стали открыто выступать против избранных в Совет старейшин депутатов, рассматривая эти назначения как "плод роялизма"²⁹².

В своих воспоминаниях Лакретель младший, обращаясь к выборам V года, отмечал полное поражение "Директории и старого Конвента на всех фронтах. Кандидаты роялистов получили подавляющее большинство"²⁹³. Малле дю Пан, в своей переписке, ссылаясь на данные, полученные из Парижа, утверждал: "На всех первичных съездах были избраны исключительно антиреспубликанцы. Такая же картина в Лионе, на юге, в западных департаментах"²⁹⁴.

²⁸⁸ J.-R. Suratteau, Les élections de l'an V aux Conseils du Directoire, p. 40, 43.

²⁸⁹ Rédacteur, 24 germinal an V (13 avril 1797), N 484; Thibaudeau, op. cit., p. 156.

²⁹⁰ P. Barras, op. cit., p. 379.

²⁹¹ Paris..., p. 20, 23.

²⁹² Ibid., p. 55, 62.

²⁹³ Ch. Lacretelle, op. cit., p. 41.

²⁹⁴ Mallet du Pan, op. cit., p. 259, 262.

Согласно сообщению министра полиции Баррасу, в Законодательный корпус были избраны в основном маркизы и графы, которые продолжали еще иметь большое влияние в департаментах²⁹⁵.

Переизбрание в состав департаментских администраций было осуществлено в таком же духе²⁹⁶. Согласно полицейским донесениям в Руане после выборов на все посты были назначены противники республики. В буржуазных кругах города говорили о возможности скорого восстановления монархии²⁹⁷. Ж.-Р. Сюратто констатировал, что в 63 департаментах страны победу одержали противники республики, в пятнадцати результаты выборов оказались неясными и только в четырнадцати они устраивали Директорию²⁹⁸. А. Матъез следующим образом охарактеризовал создавшуюся обстановку: "После выборов V года республика оказалась сверху донизу в руках людей, правивших во времена конституционной монархии до 10 августа"²⁹⁹.

Сами роялисты были довольны достигнутыми результатами. Один из депутатов Совета пятисот писал в марте Малле дю Пану: "Через три месяца мы восстановим монархию или же будем подавлены революционным правительством"³⁰⁰. Победа на выборах воодушевила вождей и зарубежных покровителей роялистов. "Уикхем в Берне, Конде в Мюльгейме, — писал Фош Борел, — точно так же, как те, кто находятся в Париже и в Лионе, не сомневаются, что новоизбранный Законодательный корпус сумеет низвергнуть Директорию и конституцию III года. Та же уверенность царит и в Бланкенбурге"³⁰¹.

---

²⁹⁵ P. Barras, op. cit., p. 368.

²⁹⁶ A. Mathiez, op. cit., p. 289; G. Lefebvre, op. cit., p. 267.

²⁹⁷ Paris..., p. 58, 75.

²⁹⁸ J.-R. Suratteau, op. cit., p. 45.

²⁹⁹ A. Mathiez, op. cit., p. 289.

³⁰⁰ Mallet du Pan, op. cit., p. 259.

³⁰¹ Fauche-Borel, op. cit., p. 128. См. также: W.R. Fryer, op. cit., p. 198-212.

После выборов V года перевес сил, безусловно, был на стороне роялистов. Но одержанная убедительная победа вскружила им голову, внушила веру в быструю и легкую победу. Вожди роялистов явно переоценивали свои возможности. В действительности после выборов V года борьба между роялизмом и Директорией вступала в новую полосу, а не завершалась.

Трудно, конечно, сказать какое крыло роялистов превосходило в составе новоизбранного Законодательного корпуса. А. Матьез и Ж. Лефевр уже подчеркнули неясность политической ориентации нового правого большинства депутатов, которому были характерны основные разногласия присущие французскому роялизму³⁰². В этом отношении надежды конституционалистов отнюдь не были оправданы. "Избрание новых депутатов в Совет старейшин, — писал Матье Дюма, — было таким, каким мы сами желали. Подавляющее большинство наших новых коллег следовало избранному нами правильному направлению, чего нельзя сказать о Совете пятисот. Избрание генерала Пишегрю и некоторых других сторонников восстановления старой монархии противоречило нашим планам. Их поступки, высокомерие и поспешность напугали Директорию и дали ей повод для выхода из безвыходного положения с помощью государственного переворота"³⁰³.

Говоря об одержанной роялистами на выборах победе, необходимо остановиться на тех причинах, которые во многом содействовали этому успеху реакции. Выше уже было сказано об активной деятельности сторонников восстановления монархического строя в период предвыборной кампании, о зарубежных связях контрреволюционеров, сыгравших немаловажную роль в одержанной роялистами победе. Г. Митчелл, анализируя причины этого большого успеха роялистов, первостепенное значение придает "контр-

³⁰² А. Mathiez, op. cit., p. 297-301; G. Lefebvre, op. cit., p. 273-274.

³⁰³ Mathieu-Dumas, op. cit., p. 83-84.

революционной пропаганде"³⁰⁴. Однако, роялистская пропаганда не смогла бы оказать большого воздействия на ход событий, не имея соответствующей благодатной почвы в самой Франции. По нашему мнению, основной причиной победы роялистов на выборах было недовольство широких слоев французского общества политикой Директории, главным образом экономической.

В начале 1797 года средние и неимущие слои города и деревни были озабочены все более растущей дороговизной, повышением цен на продукты питания, в особенности, на хлеб и на мясо. В полицейских донесениях за январь-март 1797 г. часто встречаются сообщения о широком возмущении различных слоев общества вследствие возраставшей дороговизны. "То, что кажется вызвало самое большое возмущение — это подорожание хлеба и мяса. Все боятся дальнейшего повышения цен на эти продукты"³⁰⁵. Рост цен на продукты широкого потребления вызывал опасения среди низших слоев общества. В феврале все были напуганы повышением цен на зерно и на другие пищевые продукты"³⁰⁶. Часто слышались упреки в адрес правительства, которое обвиняли в повышении цен на продукты"³⁰⁷. Авторитет Директории был сильно подорван. "Наименее зажиточный класс общества, — говорилось в одном из полицейских донесений, — подозревает, что правительство допускает в департаментах скупку зерна и его вывоз за пределы республики"³⁰⁸. По мере роста цен, неимущие слои общества тревожились все больше и больше. В Париже все чаще вспоминали прошлые времена, люди говорили, что при Робеспьере жили намного лучше"³⁰⁹. Ссылаясь на такого рода суждения, один из полицейских пришел к заключению:

---

³⁰⁴ H. Mitchell, op. cit., p. 160.

³⁰⁵ Paris.... t. III, p. 760.

³⁰⁶ Ibid., p. 675.

³⁰⁷ Ibid., p. 768, 770.

³⁰⁸ Ibidem.

³⁰⁹ Ibid., t. IV, p. 1-2.

“Одним словом, конституция 1795 г. не нашла искренних друзей среди небогатых жителей предместий”³¹⁰.

Неустойчивости цен, дороговизне все больше способствовало расстройство в финансах республики. Обращение различных денег (ассигнаты, территориальные мандаты, медная монета) создавало дополнительные трудности в денежном обращении и торговле³¹¹. Не случайно многие не ориентировавшиеся в финансовых вопросах выступали против введения правительством в денежное обращение медной монеты, рассматривая ее как единственную причину подорожания продуктов питания³¹², хотя на повышении цен сказывались и другие последствия неустойчивости в финансах. Многие коммерсанты, например, отказывались привозить на рынки Парижа продукты из деревни, боясь потерь стоимости, вызванных платой медной монетой³¹³. А подобного рода явления создавали благоприятную почву для повышения цен на продукты потребления.

Все эти обстоятельства вызывали широкое возмущение среди населения. В полицейских донесениях тех месяцев встречаются сообщения о выражении протеста низших слоев общества не только против политики правительства, но и против социального неравенства. “Многие ропщут против неравенства состояний и делятся между собой как страхами, так и надеждами”³¹⁴. В Париже были недовольны образом жизни, который вели депутаты Законодательного корпуса. В частности, отмечалось, что они слишком мало времени уделяли проведению заседаний и много ездили в роскошных каретах с богато одетыми женами³¹⁵. Членов правительства упрекали в чрезмерном достатке и роскоши,

---

³¹⁰ Ibid., p. 3.

³¹¹ С.А. Фалькнер, указ. соч., с. 215-241.

³¹² Paris..., t. III, p. 754.

³¹³ Ibid., p. 779.

³¹⁴ Ibid., p. 792.

³¹⁵ Ibid., p. 772.

тогда как многие другие, задавленные различными налогами, были не в состоянии прокормить семью³¹⁶.

Проявления недовольства политикой Директории ограничивались, однако, лишь устными высказываниями в общественных местах. Открытые выступления против неравенства не носили всеобщего характера. Во Франции еще не созрели объективные причины для превращения накопившегося негодования в мощное классовое столкновение. Но несомненно одно: имевшееся среди народа недовольство политикой Директории отразилось на ходе и результатах выборов V года, во многом способствуя торжеству внутренней реакции. Именно благодаря этому роялизм в начале V года достиг намного большего, чем в вандемьере IV года.

Уместно привести отрывок из беседы генерала Рамеля с одним роялистом, вкратце отражающее суть обсуждаемой проблемы. На вопрос Рамеля, какими силами располагают роялисты, собеседник ответил: "Помощью Англии и недовольством всей Франции"³¹⁷. Недовольство всей Франции и стало той прочной основой, на которой все противники Директории строили свои политические расчеты.

После того как результаты выборов стали известны, Рейбель, самый активный член Директории, предложил их кассировать, применить соответствующие меры и назначить новые выборы на 10 прериала (23 мая). С этим предложением его коллеги не согласились. Отказ от такого крутого мероприятия не свидетельствовало о беззаботности и слепоты Директории перед лицом надвигавшейся опасности. Результаты выборов не застали ее врасплох. В новом обращении к французскому народу, правительство в очередной раз высказало твердую решимость отстаивать республиканский строй, призвало всех не падать духом в трудную для республики пору. "Исполнительная Директория чувствует, несомненно, необходимость незыблемого претво-

---

³¹⁶ Ibid., t. IV, p. 2.

³¹⁷ Nouvelles politiques..., 16 pluviôse an V (4 février 1797), N 136.

рения в жизнь законов в противовес той вялости, которую они (т. е. роялисты — В. П.) попытаются внести в наше законодательство. И в самом деле им еще предстоит много битв для ниспровержения системы действующих законов, на мощи которых покоится общественная свобода". Далее Директория выражала уверенность в скором заключении мира, который поднимет патриотические чувства народа и обеспечит успех на следующих выборах. "Пусть они (т. е. роялисты — В. П.) остерегаются злоупотребления своего влияния, которое не будет длительным, если направится против Республики"³¹⁸. Через несколько дней Директория выступила с новым заявлением, в котором уверяла, что самым внимательным образом следит за всеми действиями противников. "Правительство смеется над их жалкими проектами и сумеет покарать недоброжелателей, защитить свободу граждан, их жизнь и собственность"³¹⁹.

Полностью сознавая опасность, исходившую от роялистских группировок, Директория проявила более трезвое отношение к создавшейся после выборов расстановке сил, чем ее противники, хотя и не сумела достаточно гибко и последовательно вести борьбу с роялистами. После выборов парижане справедливо указывали на необходимость обращения Директории к помощи верных правительству лиц. Высказывались также мнения о необходимости принятия правительством резолюции об объявлении выборов недействительными³²⁰.

Результаты выборов, в свою очередь, во многом способствовали объединению всех приверженцев республиканского строя. "Улучшение общественного мнения чувствительно, личные счеты исчезают, вражда к правительству рассеивается и пожелания о сохранении конституции 1795 г.

³¹⁸ Rédacteur, 14 germinal an V (3 avril 1797), N 474.

³¹⁹ Ibid., 19 germinal an V (8 avril 1797), N 479.

³²⁰ Paris..., p. 65.

становятся более единодушными"³²¹. Обеспокоенные судьбами республики, истинные патриоты утверждали, что если "настоящие приверженцы республики вовремя не обратят внимания на создавшееся положение, в котором оказалась республика после выборов V года, то она погибнет"³²².

При анализе предвыборной ситуации не следует преувеличивать роялистскую опасность, хотя она, безусловно, существовала. На какие же силы могла бы опереться Директория в борьбе с ней? Политическая активность крестьянства, явившаяся таким важным фактором в первой половине 90-х годов пошла на убыль. Директория могла рассчитывать если не на активную поддержку, то во всяком случае на доброжелательную нейтральность деревни. Пассивность характерна и для позиции народных масс в городе. Директория воздержалась от обращения к демократическим силам, не стала искать себе опору среди тех, кто был искренним сторонником республиканского строя и мог бы оказать ей солидную поддержку. Классовая ограниченность Директории помешала ей в борьбе с врагами республики. И. Волох справедливо подчеркивал ту изоляцию, в которой оказались "якобинцы" в борьбе с депутатами, вошедшими в Законодательный корпус после выборов V года³²³.

Действующая армия и генералы не остались, однако, равнодушными к нависшей над республикой опасности. Генерал Ожеро, доставивший в феврале Директории захваченные у противника 60 знамен после взятия Мантуи³²⁴, во время выборов находился еще в Париже. Распространявшаяся роялистскими газетами в адрес генерала Бонапарта клевета побудила Ожеро выступить с официальным заявлением, адресованным правительству: "Мы заявляем, что мы

---

³²¹ Ibid., p. 73.

³²² Ibidem.

³²³ I. Woloch, op. cit., p. 64.

³²⁴ Rédacteur, 10 ventôse an V (28 février 1797), N 440; Moniteur, 10 ventôse an V (28 février 1797), N 160.

выше любой клеветы... Однако молчание правительства и безнаказанность поведения (т. е. роялистов — В. П.), столь противоречащего как порядку, так и чести военнотружаше-го, могут иметь пагубные последствия, которые должны встревожить всех граждан"³²⁵. Солдаты же действующих армий еще в феврале обратились в Директорию с воззванием, выражая свою готовность выступить при необходимости против врагов республиканского строя³²⁶.

Таким образом, как это выясняется, армия и генералы вышли на арену политической борьбы ранней весной 1797 г., что не учли историки Директории, сводившие начало выступлений армии к лету 1797 г. Но эти выступления были еще сдержанными, намного активнее они проявятся в июле.

В правительственных кругах постепенно становилась очевидной возрастающая роль армии в судьбе республики и французского народа. Не случайно "Редактор" незадолго до выборов опубликовала воззвание дивизии генерала Массена, подписанное 1800 солдатами, где отмечалось: "Солдаты Родины, победители королей, те, кто скрепили своей кровью республику, которая им принесет счастье, готовы бороться с ними (т. е. роялистами — В. П.)"³²⁷. Во вступлении к воззванию редакция заявила: "Республика будет сильна до тех пор, пока сможет рассчитывать не только на любовь и осведомленность, но и на храбрость своих защитников, которые связывают свою славу с величием своего правительства".

Результаты выборов V года содействовали осмыслению того, что армия становится основной опорой Директории. С целью ознакомления широких слоев населения с намерениями Людовика XVIII, она дала широкую огласку на страницах правительственных и департаментских газет мани-

³²⁵ Rédacteur, 10 germinal an V (30 mars 1797), N 470.

³²⁶ Ibid., 23 ventôse an V (13 mars 1797), N 453.

³²⁷ Ibidem.

фесту претендента³²⁸, составленному незадолго до выборов, о чем упоминалось выше. В комментариях к нему газета "Редактор" писала: "Приверженцы республики воспрянули духом благодаря величию наших армий. Забудут ли они про свою силу, отрекутся ли они от республики в ту минуту, когда почти вся Европа спешит ее признать мирными соглашениями и договорами"? Далее, говоря об опорах республики и правительства, редакция, наряду с новыми собственниками, составлявшими больше трети населения, первостепенное место отводила армии. Обращаясь к роялистам, она заявила: "Захотят ли армии, пролившие столько крови для республики потерять плоды своей храбрости ради ваших целей"³²⁹?

Таким образом, уже ранней весной 1797 г. для генералов армий с одной стороны, а для членов правительства с другой, становилось все яснее, что, несмотря на поддержку буржуазии, правящая Директория оказывалась неспособной справиться с монархической опасностью чисто конституционными способами. Ж. Годшо полагал, что Директория еще в конце 1796 г. видела в армии единственного своего спасителя³³⁰. Нам кажется, что он преувеличил дальновидность членов Директории. Как бы то ни было, в понимании Директорией роли армии, по нашему убеждению, решающим рубежом стали выборы V года, открывшие путь для государственного переворота 18 фрюктидора V года, осуществившегося с помощью Итальянской армии Бонапарта.

³²⁸ Ibid., 22 germinal an V (11 avril 1797), N 482; Moniteur, 23 germinal an V (12 avril 1797), N 203; Mercure de la Gironde, 6 floréal an V (25 avril 1797), N 11.

³²⁹ Rédacteur, N 482.

³³⁰ J. Godechot, Les commissaires aux armées..., t. 1, p. 653-654.

БОРЬБА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА С ДИРЕКТОРИЕЙ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

В жерминале Директория опубликовала в газете "Монитор" краткие сообщения о результатах выборов в различных департаментах, объявила имена избранных депутатов, которым предстояло заседать в Советах³³¹. Различные фракции стали широко комментировать результаты выборов, каждая, разумеется, исходя из своих интересов. Журналисты получили новый стимул для продолжения энергичной деятельности. Будущий член Директории Франсуа из Невшателя писал своему другу: "Едва стали известны их имена (т. е. депутатов — В. П.), едва было получено даже сомнительное уведомление об их избрании, как, еще задолго до их прихода к власти, начали их чернить, рвать на куски. Называют роялистами, реакционерами, шуанами администраторов и судей, отдавших всю свою жизнь, свои силы и состояние служению Республике"³³².

Как и прежде, в лагере роялистов не было единства из-за внутренних раздоров. Новоизбранные депутаты не имели единой платформы. "Едва они были избраны, — писала "Редактор", — как уже стали делиться на маленькие фракции, настроенные одна против другой, и в то же время против друзей республики. Уже образованы клубы дворян, вандемъеристов, роялистов 1789 г. и роялистов 1791 г. Газеты также принимают участие в этой борьбе... По их мнению республики больше не существует, а единственный вопрос сводится отныне к тому, кто же одержит победу: сторонники Старого порядка или конституционной монархии"³³³?

Директория, которой были хорошо известны имевшиеся между новоизбранными депутатами разногласия, стара-

³³¹ Moniteur, 22 germinal an V (11 avril 1797), N 202 — 28 germinal an V (17 avril), N 208.

³³² Ibid., 15 floréal an V (4 mai 1797), N 225.

³³³ Rédacteur, 19 germinal an V (8 avril 1797), N 479.

лась уменьшить напряженность в стране, вызванную в особенности выступлениями роялистских публицистов. В обращении к народу она заявила: "Напрасно различным партиям кажется, что объединив свои силы им удалось упрочить свои позиции, напрасно они заключили между собой соглашение: их мелкие интересы противоречат друг другу. Они сговариваются, но потом изменяют друг другу с тем, чтобы после падения правительства извлечь больше выгоды для себя. Так что же надо делать, спросят они? Если мы разъединимся, то окажемся без сил, мы и так слабы: что же делать"³³⁴? На этот вопрос редакция отвечала: "Возвратиться к порядку, уважать желания народа и принятую конституцию, подчиняться законам".

В обращении к жителям департамента Сены члены местной администрации уверяли: "Мы направим все наши усилия на то, чтобы выполнить основные задачи: обеспечить общественное спокойствие, взыскать налоги, защитить конституцию III года от посягательств всех фракций, вызвать любовь к республиканскому правительству"³³⁵.

В таких сложных условиях, 1 прериала V года (20 мая 1797 г.) новоизбранный Законодательный корпус приступил к исполнению своих обязанностей. Это совпало с другим немаловажным событием — очередным переизбранием одного члена Директории. Так как члены правительства имели разную политическую ориентацию, изменение состава Директории приобрело особое значение. "Если бы [из Директории] вышли бы Рейбель, Баррас или Ларевельер, и остались бы Летурнер и Карно, — писал Матье Дюма, — нам было бы достаточно для получения большинства [в правительстве] избрать такого директора, характер, познания и порядочность которого гарантировали бы нам поддержку с

³³⁴ Ibid., 27 floréal an V (16 mai 1797), N 517.

³³⁵ Ibid., 22 floréal an V (11 mai 1797), N 512; Moniteur, 27 floréal an V (16 mai 1797), N 233.

его стороны"³³⁶. Можно вполне согласиться с М. Рейнаром в том, что переизбрание в составе Директории было столь же важно как и сами выборы³³⁷.

Согласно 137-ой статьи конституции III года 30 флореаля (19 мая) состоялась жеребьевка между членами правительства. Директории повезло. Из ее состава выбыл самый неяркий член правительства, близкий к Карно Летурнер, ни чем не проявивший себя на перекрестках политической борьбы и отнюдь не славившийся своим республиканизмом. Его выход из Директории не вызвал сожаления граждан, так как к нему относились индеферентно³³⁸. Первый этап переизбрания имел благоприятный для Директории исход.

Намного сложнее обстояло дело с избранием нового члена Директории. На вакантное место претендовали многие видные политические и военные деятели. Были, в частности, выдвинуты кандидатуры Клебера, Массена, Кошон де Лаппарана, Бурнонвиля и многих других. Вопрос об избрании нового директора волновал и тревожил широкие слои французского общества. В различных кафе Парижа в связи с предстоявшим избранием обсуждались два списка кандидатов. В одном из них фигурировали имена бывших членов Конвента и полководцев, в другом — имена Бартеlemi, Талеярана, Буасси д'Англа³³⁹.

С избранием нового члена Директории большие надежды связывало правое большинство Законодательного корпуса. По мнению роялистов подходящим кандидатом на вакантное место был скрытый монархист, посол Франции в Швейцарии с 1791 г. Франсуа Бартеlemi, кандидатуру которого, по свидетельству Воблана, выдвинул генерал Журдан³⁴⁰. Находясь на дипломатической службе, Бартеlemi

³³⁶ Mathieu Dumas, op. cit., p. 82.

³³⁷ M. Reinhard, op. cit., t. 2, p. 228.

³³⁸ Paris..., p. 124, 126.

³³⁹ Ibid., p. 130.

³⁴⁰ Mémoires de Vaublanc. Paris, 1857, p. 313-314.

принимал участие в заключении мирных договоров с участниками первой коалиции (Пруссией, Испанией). За эти годы он, конечно, приобрел известность. Естественно, что большинство граждан высказывалось за его избрание в директора³⁴¹.

Усилиями "клишистов" 7 прериаля (26 мая) новым членом Директории был избран Бартеlemi. "Мы подготовили с большой осторожностью избрание Бартеlemi", — сообщал Матье Дюма³⁴². Барбе-Марбуа признавал, что и он был "убежденным сторонником Бартеlemi"³⁴³. В Совете старейшин из 218 депутатов, принявших участие в голосовании, за Бартеlemi проголосовало 138 человек. Он намного опередил своего ближайшего соперника Кошона, набравшего всего 75 голосов³⁴⁴. Его избрание вызвало одобрение среди тех, кто видел в нем человека, способного сохранить у исполнительной власти "единство мнений"³⁴⁵.

Но несмотря на такую репутацию, в действительности Бартеlemi не был "ни государственным деятелем, ни человеком действия", как его характеризовал А. Сорель³⁴⁶. Если верить Ларевельеру, то Карно считал Бартеlemi "посредственным человеком", а сам он поддерживал кандидатуру Кошона³⁴⁷. Малле дю Пан после избрания Бартеlemi писал: "Бартеlemi скоро займет свое место, но ему понадобится храбрость, которая ему отнюдь не свойственна"³⁴⁸. Развертывание событий доказало правоту роялистского публициста.

³⁴¹ Paris..., p. 111, 118, 124, 130, 134.

³⁴² Mathieu Dumas, op. cit., p. 82. См. также: Larue de, op. cit., p. 18.

³⁴³ Barbé-Marbois, op. cit., p. 8.

³⁴⁴ Moniteur, 11 prairial an V (30 mai 1797), N 251.

³⁴⁵ Paris..., p. 136-137, 157, 159.

³⁴⁶ A. Sorel, Bonaparte et Hoche en 1797, Paris, 1896, p. 151.

³⁴⁷ Mémoires de La Revellière Léraux, Paris, 1895, t. 2, p. 45. См. также: Mémoires de Barthélémy, Paris, 1886, p. 178.

³⁴⁸ Mallet du Pan, op. cit., p. 288.

Сохранился очень любопытный документ — характеристика, данная Бартеlemi Симолиным. По определению российского дипломата, новоизбранный директор был "умным, спокойным, умеренным человеком, отлично представлял интересы Франции на международной арене, мог заставить уважать и любить себя, где бы он ни побывал"³⁴⁹. То уважение, которым Бартеlemi был окружен в Базеле, косвенно подтверждает оценку Симолина. В день его отъезда жители города оказали ему большие почести. Кавалерийский корпус, а также два депутата местной исполнительной власти сопровождали Бартеlemi до самой границы Швейцарии с Францией, где была установлена триумфальная арка с надписью: "Умиротворителю Европы"³⁵⁰.

Директория в соответствии с заранее принятой инструкцией устроила Бартеlemi торжественный прием. "Исполнительная Директория устроила мне почести на тех дорогах, которыми я следовал в Париж. На всем пути меня сопровождала охрана. Во всех городах меня встречали залпами пушек. В департаментских центрах меня приглашали в ратуши, где местные власти обращались ко мне с торжественными речами"³⁵¹.

17 прериаля (5 июня) в Париже состоялась торжественная церемония. "Министр внутренних дел и генеральный секретарь Директории Лагард пришли ко мне на квартиру и сопровождали в Директорию. Я шагал между двумя рядами гренадеров под звуки военной музыки... Члены Директории, министры были в нарядной форме. Я произнес речь, на которую Карно в качестве президента [Директории] ответил своей. Я обнимался с директорами"³⁵².

---

³⁴⁹ АВПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 522, Симолин — Остерману, 25 мая (5 июня) 1797 г., л. 87.

³⁵⁰ *Mercure français*, 20 prairial an V (8 juin 1797), N 26; *Rédacteur*, 23 prairial an V (11 juin 1797), N 543.

³⁵¹ *Barthélémy*, op. cit., p. 176. См. также: *Rédacteur*, N 543.

³⁵² *Barthélémy*, op. cit., p. 180. См. также: *Rédacteur*, 19 prairial an V (7 juin 1797), N 539; *Moniteur*, 20 prairial an V (8 juin 1797), N 260.

Сразу же после избрания Бартелеми получил поздравления из различных государств. Представляет интерес сообщение российского посла Колычева из Берлина: "Избрание Бартелеми в качестве нового члена Директории вызвало здесь сенсацию. Я узнал, что король Пруссии ему написал поздравительное письмо. Господин Гаутвиц последовал его примеру"³⁵³. Бартелеми получил поздравления и от лорда Гренвиля³⁵⁴. Эти факты свидетельствуют о том большом внимании с которым европейские руководящие круги следили за событиями во Франции.

Выборы V года и замена Летурнера Бартелеми явились критическим рубежом в истории первой Директории. В Совете пятисот председателем был избран генерал Шарль Пишегрю, находившийся в тайном тесном контакте с роялистами, а в Совете старейшин — "клишист" Барбе-Марбуа. Избрание Пишегрю на этот пост вызвало различные толкования. Многие, восхваляя его, одобряли это назначение, другие же видели в нем роялиста³⁵⁵.

Преобладание роялистов в Законодательном корпусе не было секретом ни для кого. Открытие новой сессии рассматривалось в Париже как триумф роялистов и шуанов, как новую полосу борьбы между роялизмом и республиканским правительством³⁵⁶.

Конфликт между Директорией и Законодательным корпусом вскоре дал себя знать. При обсуждении первых же вопросов, "клишисты" активно принялись за претворение в жизнь своих намерений. "Подкрепленное большим числом новой трети, это собрание (т. е. "Клиши" — В. П.) приобрело большое влияние, не изменив своего характера", — писал

³⁵³ АВПРИ, Сношения с Пруссией, 1797, дело N 492, Колычев — Безбородко, 13 (24) июня 1797 г., л. 76.

³⁵⁴ Там же, Сношения с Англией, 1797, дело N 480, Воронцов — Павлу I, 5 (16) июня 1797 г., л. 21 об.

³⁵⁵ Paris...., p. 126, 128.

³⁵⁶ Ibidem.

Жордан³⁵⁷. То же самое констатировал и Тибодо: "Группа "Клиши" имела тогда большую силу... Она больше, чем когда-либо находилась в центре внимания публики. Она была надеждой контрреволюционеров"³⁵⁸.

"Клишисты" вели организованную борьбу против Директории. Об этом свидетельствует хотя бы сообщение Тибодо о создании ими специальных комиссий для пересмотра революционных законов в отношении культов, народного образования, армии и флота³⁵⁹. В начавшейся схватке сразу же выявилась слабость исполнительной власти.

Сперва Директория уступила в вопросе о колониях. Воблан выступил против политики правительства в Сан-Доминго, где комиссары Директории ущемляли интересы белых колонистов³⁶⁰. "Клишисты" поставили вопрос об отозвании с острова трех комиссаров Директории. Правительство было вынуждено принять такое постановление.

Выше уже было отмечено о притоке большого числа эмигрантов во Францию до выборов. Директория, стремившаяся как-то препятствовать этому, приняла 12 жерминаля (1 апреля) постановление об усилении контроля над ними в пограничных городах и портах³⁶¹. Правое большинство Законодательного корпуса проявило заинтересованность в отмене закона 3 брюмера IV года (25 октября 1795 г.), который был принят на последнем заседании Конвента и лишал права участия в выборах всех тех, кто был в списках эмигрантов, а также их родственников и тех, кто на первичных съездах мог бы спровоцировать противоречившие законам поступки. Совет старейшин под воздействием "клишистов" 21 прериаля (9 июня) упразднил этот закон. Это было крупным поражением Директории.

---

³⁵⁷ Camille Jordan, *op. cit.*, p. 26.

³⁵⁸ Thibaudeau, *op. cit.*, p. 173.

³⁵⁹ *Ibid.*, p. 180.

³⁶⁰ Vaublanc, *Discours sur l'état de Saint-Domingue et sur la conduite des agents du Directoire*, Paris, an V.

³⁶¹ Rédacteur, 16 germinal an V (5 avril 1797), N 476.

Вслед за этим постановлением во Францию двинулась новая волна эмигрантов. "Эмигранты возвращаются толпами, — писал Малле дю Пан, — появляются везде, никто их не выдает, администрации им покровительствуют, а Директория не осмеливается ни покарать, ни даже арестовать одного из них"³⁶². Такого рода сообщения поступали в Совет пятисот и из департамента Нижний-Рейн³⁶³. Согласно одному письму, полученному из Женевы, находившиеся в Италии французские эмигранты группами переходили беспрепятственно через Швейцарию в Прованс. "Большинство эмигрантов спешит содействовать восстановлению монархии. Среди эмигрантов, проезжающих через Женеву, имеются многие офицеры армии Конде"³⁶⁴. В многочисленных кафе Парижа очевидцы говорили о возвращении больших групп эмигрантов через западные департаменты и порты юга, что встревожило новых собственников³⁶⁵.

Помимо эмигрантов также свободно возвращались во Францию и ранее изгнанные неприсягнувшие священники. "Ами де луа" сообщала в конце мая, что начиная с момента установления новой администрации, священники возвращались толпами³⁶⁶. Согласно же сообщению газеты "Мируар" в центре Парижа, в то же время, имелись два многочисленных собрания духовенства, возглавлявшихся неприсягнувшими священниками³⁶⁷. К июню число вернувшихся священников достигало 12 тысяч³⁶⁸. Малле дю Пан предсказал: "Скоро будет провозглашена свобода культов, т. е. восстановление католической религии, неприкосновенность священников и право на свободное возвращение всех тех, кто был сос-

---

³⁶² Mallet du Pan, op. cit., p. 294.

³⁶³ Moniteur, 25 prairial an V (13 juin 1797), N 265.

³⁶⁴ Rédacteur, 22 prairial an V (10 juin 1797). N 542.

³⁶⁵ Paris.... p. 166.

³⁶⁶ Ibidem.

³⁶⁷ Ibid., p. 134.

³⁶⁸ A. Mathiez, op. cit., p. 308.

лан"³⁶⁹. Забегая вперед отметим, что Совет пятисот и в самом деле, не удовлетворившись отменой закона 3 брюмера, 26 мессидора (14 июля) после упорных дискуссий принял специальное постановление, упразднившее законодательство 1792-1793 гг. против неприсягнувших священников³⁷⁰.

После выборов V года помимо "клишистов" активную деятельность развернули и сторонники восстановления неограниченной монархии. В Париже роялисты действовали почти свободно. Налицо были факты террора. "С одной стороны сообщали об убийствах граждан, а с другой — об открытии новых заговоров", — писал один из полицейских³⁷¹. Газета "Ами де луа" сообщала 12 прериаля (31 мая) о существовании реакционных банд в столице. "Многочисленные "лиги солнца" действуют в Париже..., они хотят, так же, как и в Лионе, поставить на повестку дня убийства". Газета выражала надежду, что роялисты не сумеют превратить столицу в арену кровопролитий³⁷².

Жители департамента Кальвадос, вследствие подрывной деятельности эмигрантов и духовенства, готовы были столкнуться с "новой Вандеей". Очевидцы уверяли, что там по селам бродили банды эмигрантов с целью "убивать и похищать всех тех, кто принимал участие в революции"³⁷³.

Контрреволюция развернула кипучую деятельность особенно на юге Франции. В июне роялисты вынудили 5-6 тысяч республиканцев эмигрировать в Италию³⁷⁴. Парижане были сильно озабочены этим обстоятельством. "Во многих кафе только и говорят об убийствах патриотов на юге". Распространялись слухи, что вследствие усиления позиции роялистов, приверженцы республиканского правительства вынуждены переезжать в Париж из многих департаментов,

---

³⁶⁹ Mallet du Pan, op. cit., p. 294.

³⁷⁰ G. Lefebvre, op. cit., p. 281-285.

³⁷¹ Ch. Ballot, op. cit., p. 11.

³⁷² Paris..., p. 147.

³⁷³ Ch. Ballot, op. cit., p. 20.

³⁷⁴ P. Barras, op. cit., p. 419.

чтобы не подвергнуться расправе³⁷⁵. "Никогда еще республике не угрожала такая опасность со стороны внутренних врагов", — писала "Меркур франсэ" в конце июня³⁷⁶.

В создавшейся обстановке умеренные буржуазные республиканцы приняли контрмеры: 13 прериала (1 июня) в Париже они создали свою организацию — "Конституционный кружок". Республиканская газета "Ами де луа" сразу же откликнулась на открытие нового клуба. "Сегодня с ведома правительства, — писала газета, — должно начать свою работу патриотическое общество, имеющее целью противостоять "королевским якобинцам", известными под именем "клишистов". Нам бы хотелось, чтобы эта новая ассоциация имела бы подражателей в департаментах"³⁷⁷.

Новый кружок сперва должен был располагаться в отеле Салм (это послужило причиной для именованя его членов "салмистами"), но скоро он перебрался в отель Монморанси. В начале он включал 160 членов, в его состав входили видные политические деятели Сиейес, Талейран, Гара, Бенжамен Констан, генералы Журдан, Клебер, Мену и другие. В середине июня число членов "Конституционного кружка" увеличилось до 400³⁷⁸. Согласно сообщению "Ами де луа", все члены новой организации отличались своим умом, знаниями и искренней привязанностью к правительству. "Конституционный кружок", — писала газета, — очень строго относится к вопросу о приеме в свои ряды. Он принимает только лиц с безупречной репутацией... Он желает сохранить конституцию и помешать всему, что может ей повредить"³⁷⁹.

Появление республиканского кружка вызвало самые различные толки. Первым против "Конституционного кружка" с гневом обрушились роялистские публицисты,

³⁷⁵ Paris...., p. 116; Ch. Ballot, op. cit., p. 40.

³⁷⁶ Mercure français, 10 messidor an V (28 juin 1797), N 28.

³⁷⁷ Paris...., p. 180.

³⁷⁸ Ch. Ballot, op. cit., p. 3, 6.

³⁷⁹ Paris...., p. 188.

распространяя различные клеветнические измышления³⁸⁰. Деятельность "Конституционного кружка" была с тревогой встречена "клишистами", которые подняли вопрос о роспуске своего, чтобы тем самым принудить членов нового кружка последовать их примеру³⁸¹.

Правда, появление "Конституционного кружка" вызвало много шума. Но на самом деле ограниченное буржуазно-демократическое брожение оставалось оторванным от народа. Согласно сообщению газеты "Ами дю попл" от 4 мессидора (22 июня), народ не имел доступа в "Конституционный кружок" и никто не знал, чем там занимались³⁸². Расстояние, существовавшее между этим движением и более радикально настроенными элементами было ощутимым. И. Волох подчеркивал холодное отношение "якобинцев" к "салмистам". По его мнению многие департаментские филиалы "Конституционного кружка" были просто аполитичными, являлись местом для чтения и развлечений³⁸³.

Оторванность "Конституционного кружка" от народа стала, по всей вероятности, основной причиной появления новых кружков более радикальных сил в рабочих предместьях Парижа. В середине июня в предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо появились два кружка — "Защитники конституции" и "Основатели свободы". В предместье Монмартр рабочие собирались создать свой кружок. "Эти различные патриотические клубы, — писала газета "Ами де луа", — полны решимости устранить из своих рядов тех, кто под прикрытием демагогической маски выступает с предложениями, не соответствующими конституции"³⁸⁴.

Интересен один полицейский отчет, в котором говорится о вооружении рабочих Сент-Антуанского предместья. В конце июня 800 человек были готовы придти на помощь

³⁸⁰ Mercure français, 20 messidor an V (8 juillet 1797), N 29.

³⁸¹ Paris..., p. 201.

³⁸² Ibid., p. 185.

³⁸³ I. Woloch, op. cit., p. 66, 68.

³⁸⁴ Paris..., p. 188-189.

Директории в борьбе с роялистами. "Многие гренадеры народного представительства говорят, что через месяц можно будет ожидать движения, которое послужит исключительно делу народа"³⁸⁵.

Но это не устраивало Директорию. Удовлетворенная возникновением "Конституционного кружка" умеренных буржуазных деятелей, она опасалась народного движения, способного постепенно набирать обороты. Именно в этом следует искать причины ее хладнокровного отношения к обсуждению в Законодательном корпусе вопроса об упразднении политических группировок. 5 термидора (23 июня) решением Совета старейшин все политические клубы были упразднены. Но прекратили ли они свою деятельность на самом деле? Одно известно точно: народные и демократические объединения, против которых в первую очередь направлен был закон, перестали существовать, в то время как "клишисты" продолжили свою деятельность нелегально³⁸⁶.

Закрытие "Конституционного кружка" явилось ощутимым ударом по демократическому движению, фактически временно исчезнувшему до переворота 18 фрюктидора. И. Волох по праву отмечал, что перед принятием закона о закрытии политических клубов и, в особенности, после него, времена не были благоприятными для какого-либо значительного возрождения "якобинских" клубов³⁸⁷. Ведь совсем недавно, в конце мая 1797 г. был завершен знаменитый Вандомский процесс, продлившийся три месяца. Для Директории были еще слишком свежими воспоминания о бабувистском движении и "красной опасности", оставившие глубокий след на всей ее политике³⁸⁸.

В нерешительном поведении Директории еще раз со всей полнотой проявилась одна из основных характерных

³⁸⁵ Ch. Ballot, op. cit., p. 26.

³⁸⁶ G. Lefebvre, op. cit., p. 300.

³⁸⁷ I. Woloch, op. cit., p. 70.

³⁸⁸ В.М. Далин, Вандомский процесс // Французский ежегодник — 1978, М., 1980; Ж.-П. Сюратто, указ. соч.

черт, присущих всем буржуазным революциям — боязнь установившей своего господства буржуазии инициативы народных масс. Опасаясь широкого народного движения, Директория предпочитала держаться в стороне от него, тем самым в значительной мере сузив ту социальную базу, на которую могла бы опереться в борьбе против роялистской угрозы.

В создавшихся условиях, многое зависело от политической ориентации членов Директории.

ПОЗИЦИЯ ЧЛЕНОВ ДИРЕКТОРИИ

Гроза приближалась. "Роялистская партия быстрыми шагами продвигалась к своей цели", — писал Ларевельер³⁸⁹. Состояние Директории осложнялось внутренними разногласиями. В июне в состав правительства входили Баррас, Ларевельер-Лепо, Рейбель, Карно и Бартеlemi. Какова же была их позиция в трудную для республики пору? К чему же они стремились?

Лазар Карно не скрывал своих симпатий к правому большинству Законодательного корпуса. Как уже было отмечено, еще в мае, во время переизбрания члена на вакантное место в Директории Карно был сторонником кандидатуры министра полиции Кошона, поддерживавшего тесную связь с роялистами. Карно одним из первых отклонил предложение Рейбеля о кассации выборов V года. По свидетельству Ларевельера, сразу же после выборов он примкнул к правым и поддерживал все их законопроекты: "Он сделал все, чтобы упразднить национальные праздники и заменить их монархическими"³⁹⁰.

Бартеlemi по прибытии в Париж немедленно посетил Карно и обещал содействовать ему во всем. "Я дал ему много заверений в верности и преданности", — писал он в

³⁸⁹ La Revellière-Lépeaux, op. cit., p. 75.

³⁹⁰ Ibid., p. 64-65, 75.

своих воспоминаниях³⁹¹. Ход событий показал, что новоизбранный директор свои обещания выполнил точно.

Вместе с правым большинством Советов Карно и Бартеlemi старались склонить на свою сторону Ларевельера-Лепо, но безуспешно. Рейбель — самый деятельный член Директории — был убежденным республиканцем. Выход из кризиса Ларевельер и Рейбель видели в союзе с Баррасом. Позиция самого влиятельного члена Директории — Барраса была чрезвычайно сложной. Имея богатый опыт политика и наживший огромное состояние в первые годы революции, Баррас перешел в ряды той спекулятивной прослойки буржуазии, которая довольствовалась достигнутыми за первые годы революции результатами. В термидоре II года он примкнул к правым термидорианцам, принял активное участие в борьбе против революционного правительства якобинцев. Будучи одним из самых авторитетных членов термидорианского Конвента, Баррас был избран в состав Директории.

Баррас был беспринципным политическим деятелем, интриганом и лжецом. "Баррас-большой лжец, — писал про него Бартеlemi, — всех он внимательно слушает и ничего не забывает из того, что ему было сказано. Он обещает выполнить все, что у него просят... Невозможно представить более неблагоразумного лжеца. Он обманул все партии"³⁹². Такая характеристика вполне соответствует реальности. Уместно привести и характеристику Барраса, данную академиком Е.В. Тарле: "Барраса современники считали как бы коллекцией самых низменных страстей и разнообразнейших пороков. Он был и сибарит, и казнокрад, и распутнейший искатель приключений, и коварный, беспринципный карьерист и всех прочих термидорианцев превосходил

---

³⁹¹ Barthélémy, op. cit., p. 177.

³⁹² Ibid., p. 196.

своей продажностью (а в этой группе занять в данном отношении первое место было не так-то легко)³⁹³.

В сложившейся к тому времени сложной политической обстановке Баррас не решался принять чью-либо сторону. По некоторым сведениям он даже вел переговоры с Людовиком XVIII и Питтом Младшим по поводу восстановления монархии³⁹⁴.

Кризис в стране назрел в июле. В конце июня правое большинство Законодательного корпуса, в согласии с Карно и Бартелеми, выступило с предложением изменить состав министерств. "Клишисты" хотели заменить нескольких министров — Мерлена из Дуэ, Делакура, Трюгэ — своими кандидатами. Как утверждал Тибодо, они собирались осуществить свои замыслы с помощью Барраса. Члены "Клиши" обратились к нему³⁹⁵. По свидетельству Тибодо, Баррас дал свое предварительное согласие. Но этим намерениям "клишистов" не было суждено сбыться, в первую очередь из-за изменения позиции самого Барраса.

Колебания Барраса прекратились в связи с нашумевшим делом, связанным с "портфелем" графа д'Антрэга, на котором мы хотим остановиться подробнее. Еще летом 1795 г. по просьбе Екатерины II к русской дипломатической миссии, находившейся в Венеции, Людовиком XVIII был прикреплен один из видных главарей роялистов граф д'Ант-

---

³⁹³ Е.В. Тарле, Наполеон, с. 39.

³⁹⁴ E. Daudet, Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. Paris. 1905, t. 2. p. 88-97. Бесплодные переговоры с Бурбонами Баррас продолжал вести и после переворота 18 фрюктидора. См. переписку Людовика XVIII с Павлом I: АВПРИ, Сношения с Францией, 1799 г., опись 93/7, дело N 1299. В этом деле собраны 27 писем Людовика, адресованных, в период его нахождения в Митаве, Павлу I. См. в частности его письма от 24 июня/5 июля, 8/19 июля и 5/16 августа 1799 г., являющимися неопровержимыми доказательствами связей Барраса с вожаками роялистов.

³⁹⁵ Thibaudeau, op. cit., p. 209. См. также: Mathieu Dumas, op. cit., p. 106.

рэг³⁹⁶. Впоследствии российский посол в Венеции Мордвинов писал о нем: "Граф д'Антрэг во всем пребывании его под покровительством здешней миссии, усердствовал всегда сообщать мне полезные получения им из отечества его для высочайшего двора нашего известия"³⁹⁷.

В мае 1797 г. в связи с приближением французских войск к Венеции, русское посольство было вынуждено оставить город. В свите русского посла находился и д'Антрэг со своей женой. 2 прериала (21 мая) в Триесте он был опознан французскими властями и арестован. Командующему французскими войсками генералу Бернадотту удалось захватить один из трех портфелей задержанного роялиста (два других были сожжены его женой). "Комендат города явился ко мне в комнату с шапкой на голове и вел себя самым неприличным образом, — писал Мордвинов. — Он потребовал от меня передать ему портфель графа д'Антрэга, угрожая применить силу при создании мной самого незначительного препятствия и даже обыскать мои вещи для достижения этой цели. Чтобы избежать такого скандала, я попросил у госпожи Сент-Уберти, жены д'Антрэга, уступить требованию коменданта. Она ему отдала, таким образом, один портфель, к счастью, содержащий лишь неважные документы"³⁹⁸.

Российский посол ошибался. В портфеле д'Антрэга, который немедленно был выслан в Милан, в штаб квартиру главнокомандующего Итальянской армии, Бонапарт обнаружил документы первостепенной важности. Среди прочих бумаг, его внимание привлекла "Беседа д'Антрэга с графом

---

³⁹⁶ АВПРИ, Сношения с Венецией, 1797, дело N 233/6, л. 51 (письмо Людовика XVIII — Мордвинову от 25 августа 1795 г.). См. также: ГАРФ, ф. 728, оп. 2, ед. хр. III, л. 2.

³⁹⁷ АВПРИ, Сношения с Венецией, 1797, дело N 233/3, Мордвинов — Безбородко, 16/27 января 1797 г., л. 20.

³⁹⁸ Там же, Мордвинов — Безбородко, 14/25 мая 1797 г., л. 126 об. См. также: J. Godechot, *Le comte d'Antraigues, un espion dans l'Europe des émigrés*, Paris, 1986, p. 148-149.

Монгайаром", представлявшей для него огр
Этот документ неопровержимо свидетельст
генерала Пишегрю, имя которого, после за
г. Голландии, было окружено ореолом слав
его связях с роялистами в Париже распрос
1795 г.³⁹⁹, тем не менее, никто этому ника
не придавал.

П. Баррас

И вот, волею судьбы, на столе Бонап
оказалось вещественное доказательство. А
шанс для разоблачения грозного политичес
мог бы любой другой, но только не Бонапа
но бы выслаз скомпрометировавший Пи
Директории, если бы не одно обстоятельст
нилось, документ, о котором идет речь, н
не только одного Пишегрю, но, в опреде
как самого Бонапарта, так и некоторых оф

---

³⁹⁹ См.: А.З. Манфред, указ. соч., с. 119.

шихся в его подчинении, что ему принудило с помощью арестованного д'Антрэга изъять из него соответствующие листы⁴⁰⁰. Только после такого "хирургического" вмешательства портфель был отправлен в Париж. И если бы не эта счастливая находка, трудно, конечно, предугадать какой оборот приняли бы события.

Получив портфель числа 2 мессидора (20 июня) и ознакомившись с его содержанием, Баррас сделал крутой поворот в сторону Рейбея и Ларевельера. Так, чем же было вызвано такое решение? Историки Директории обошли молчанием этот вопрос, ограничиваясь лишь упоминанием об изменении позиции Барраса после его ознакомления с содержанием пресловутого портфеля д'Антрэга. Лишь Ж. Годшо, в одной из своих книг, высказал предположение о возможности перехода Барраса в сторону республиканского крыла Директории после отказа английского правительства выплатить ему 12 миллионов золотом, которое нам не представляется убедительным⁴⁰¹.

Для полного осмысления поведения Барраса в тот период, мы считаем необходимым вновь обратиться к личности, по определению Ж.-П. Гарнье, "короля Директории"⁴⁰². А он был не из тех государственных или политических деятелей, кого могли бы, хоть в малейшей степени, волновать интересы страны и народа, куда уж до судеб Великой французской революции. До конца своей бесславной карьеры, Баррас остался циничным политическим авантюристом, ловким, коварным и умело маневрировавшим интриганом, руководствовавшимся отнюдь не высокими идеалами творцов революции, многие из которых гордо шли на эшафот и под грохот барабанов сложили головы под острие гильотины с пенем "Марсельезы", а мелкими и корыстны-

⁴⁰⁰ L. Pingaud, *Un agent secret sous la Révolution et l'Empire. Le comte d'Antraigues*, Paris, 1893, p. 154-169; J. Godechot, *Le comte d'Antraigues...*, p. 148-149.

⁴⁰¹ J. Godechot, *La contre-révolution*, p. 311.

⁴⁰² J.-P. Garnier, *Barras, roi du Directoire*, Paris, 1970.

ми интересами, наподобие многочисленных персонажей бессмертной "Человеческой комедии" великого Бальзака.

Возросшее значение армии — новой мощной силы появившейся на арене политической борьбы — как основной опоры Директории в ее единоборстве с роялизмом, несомненно, стало очевидным для Барраса еще на заре назревавшего политического кризиса. Баррасу были также хорошо известны политические ориентации подавляющего большинства армейских генералов, в частности, Гоша, Бонапарта, Ожеро, убежденных, в ту пору, сторонников республиканской формы правления. Ведь при необходимости, пользовавшиеся огромным авторитетом в армии и стране полководцы не преминули бы смести с лица французской земли не только роялистов, но и их высокопоставленных покровителей и сообщников. В частности, для Бонапарта, помогавшего во многом Баррасу при подавлении роялистского мятежа 13 вандемъера и получившего на этот раз, благодаря случайному стечению обстоятельств, неопровержимые доказательства о готовившемся новом роялистском заговоре, не представляло особых затруднений покарать с помощью Итальянской армии "непокорных" соотечественников в очередной раз. А это хитрому директору не так-то трудно было предугадать. В силу этого, как нам представляется, портфель д'Антрэга, полученный Баррасом от рук самого "генерала вандемъера" сыграл определяющую роль в уточнении позиции коварного политика и покончил со всеми его колебаниями.

Ознакомление с изобличавшими Пишегрю материалами, ставшими достоянием Бонапарта, способствовало полному осмыслению Баррасом перевеса политических сил в сторону республиканского крыла Директории, пользовавшегося полной поддержкой генералов. Это обстоятельство, по нашему убеждению, принудило Барраса действовать в союзе с Рейбелем и Ларевельером в целях сохранения буржуазной республики, гарантировавшей ему жизнь и накопленное состояние.

Состав Директории окончательно распался. Баррас, Рейбель и Ларевельер заключили тайный союз, в недрах правительства был образован так называемый "триумvirат", члены которого решили сохранить тайну, касавшуюся портфеля д'Антрэга⁴⁰³.

РОЛЬ АРМИИ И ГЕНЕРАЛОВ

Кризис в стране продолжал углубляться, напряженность все росла. Ежедневно в Париж поступали известия об убийствах сторонников республиканского правительства в Лионе и в соседних с ним департаментах, где роялисты почти полностью были хозяевами положения. В столице свободно действовали "Лиги солнца", убийства не прекращались. Среди населения города шли слухи, что "гражданской войны не избежать"⁴⁰⁴.

Директория была в затруднительном положении. "Невозможно было принять какие-либо меры", — отмечал Баррас⁴⁰⁵. Как писал Малле дю Пан, "в Париже Директория не в силах управлять действиями Советов. Она должна либо прибегнуть к заговору, либо подчиниться, либо погибнуть"⁴⁰⁶. Жертвой Директория стать, конечно, не собиралась. Поэтому она взялась за осуществление первого из возможных вариантов, предусмотренных Малле дю Паном.

Кризис, в котором находилась страна, мог быть разрешен двумя путями: или с помощью народа, или армии. Сама природа Директории исключала первое⁴⁰⁷. Оставалось прибегнуть к вмешательству военной силы. На повестку дня был поставлен вопрос о государственном перевороте.

---

⁴⁰³ Впервые Баррас сообщил Карно о портфеле д'Антрэга 1 термидора (19 июля), отрицавшего, однако, измену Пишегрю. См.: J. Godechot, *La Révolution française. Chronologie commentée, 1787-1799*, Paris, 1988, p. 216.

⁴⁰⁴ Ch. Ballot, *op. cit.*, p. 53, 63, 79.

⁴⁰⁵ P. Barras, *op. cit.*, p. 471.

⁴⁰⁶ Mallet du Pan, *op. cit.*, p. 299.

⁴⁰⁷ A. Soboul, *Le Directoire...*, p. 47.

Судьба республики во многом зависела от воли генералов армий.

Как уже было отмечено, в понимании Директорией роли армии в стабилизации внутривнутриполитической жизни решающим рубежом стали выборы V года. Происшедшие в стране после выборов события все больше способствовали осмыслению членами "триумвирата" возрастающей роли армии в дальнейших судьбах республики, окончательно привели их к мысли о необходимости спасения правительства с помощью военной силы.

К тому времени, по нашему мнению, первостепенное значение приобрело объективное изменение роли армии, как общественно-политической силы. В первые годы революции армия пережила значительную эволюцию, в ней произошли качественные изменения. Революционная армия, рожденная в горниле бури революционных войн, уже существенно отличалась от дореволюционной армии не только по демократическим принципам управления, но и по социальному составу. Армия состояла преимущественно из крестьян, новых собственников — убежденных сторонников республиканского правительства. Поэтому Директория могла рассчитывать на реальную помощь армии.

Летом 1797 г. авторитет армии и генералов среди народа возрос, что было обусловлено внешнеполитическими успехами, в первую очередь, на итальянском театре военных действий. Этому способствовала в большей мере сама Директория. В связи с получением трофейных знамен, захваченных у противников, Директория часто устраивала публичные торжественные церемонии, на которых похвалы в адрес солдат действующей армии и генералов сыпались как из рога изобилия. Не раз солдат провозглашали истинными защитниками Родины и республики. Генерал Массена, например, в мае 1797 г. на церемонии по поводу получения трофеев, захваченных армией генерала Гоша, заявил: "Граждане члены Директории, солдаты Итальянской армии

являются страстными приверженцами республики и конституции III года"⁴⁰⁸.

С другой стороны, внешнеполитические успехи способствовали осознанию армией своей силы, что было обстоятельством первостепенной важности. "Именно в Риволи, она (т. е. армия Бонапарта — В. П.) поняла, что никакая опасность не может поколебать ее храбрость, и для нее не существуют больше никаких безнадежных ситуаций... в этот день армия стала непобедимой", — заявлял генерал Матье Дюма в Совете пятисот⁴⁰⁹.

Для осуществления государственного переворота с помощью армии Директория имела летом 1797 г. двух кандидатов среди генералов — Гоша и Бонапарта. Несмотря на то, что Баррас заранее установил связи с Бонапартом, он обратился все же к Гошу⁴¹⁰. 13 мессидора (1 июля) без ведома членов правительства, он дал Гошу приказ о продвижении войсковых подразделений к Парижу.

Выбор был не случаен. Генерал Лазар Гош был одним из самых выдающихся полководцев эпохи Великой французской революции. Его незаурядный военный талант, непоколебимый республиканский дух, беззаветная преданность делу защиты завоеваний революции сделали его одним из самых популярных военачальников в стране. Победы Гоша над внешними и внутренними врагами окружили его имя неслыханным ореолом славы. Он заслуженно пользовался огромным авторитетом в армии. "Из всех генералов французских армий именно он имеет репутацию рьяного якобинца", — писал о нем Симолин⁴¹¹. Гош командовал армией Самбры и Мезы, которая благодаря его усилиям в самые критические дни, несмотря на усердную роялистскую

⁴⁰⁸ Rédacteur, 21 floréal an V (10 mai 1797), N 511.

⁴⁰⁹ Ibid., 16 floréal an V (5 mai 1797), N 506.

⁴¹⁰ См.: J. Godechot, Les commissaires aux armées..., t. 1, p. 663-664.

⁴¹¹ АВГПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 521а, Симолин — Павлу I, 14 (25) июля 1797 г., л. 31.

пропаганду⁴¹², не теряла своего республиканского духа и сохраняла верность республиканскому правительству.

Генерал Гош

План Барраса был простым: готовящиеся якобы к экспедиции в Ирландию корпуса армии Гоша должны были быть переброшены с востока на запад, к расположенному у побережья Атлантического океана Бресту для посадки на корабли. Армия должна была подойти к столице, на что она не имела право без специального разрешения Законодательного корпуса, и в нужный момент придти на помощь Директории.

Итак, получив указания о продвижении войск, Гош стал готовиться к походу для обуздания очередного выступления роялистов. Но на этот раз он двинул свои войска на столицу. Это было совсем не похоже на действия генерала Монка. Армия Гоша двинулась на Париж с целью оказания помощи республиканскому правительству. От нее зависела дальнейшая судьба республики, Франции, французского народа...

⁴¹² J. Godechot, *La propagande royaliste aux armées sous le Directoire*, p. 23-40.

Из рапорта Гоша военному министру от 13 мессидора (1 июля) становится совершенно очевидным, что он не был в курсе той игры, в которую вступил⁴¹³. Он еще не знал, что полученный от Директории приказ был делом рук одного Барраса.

Для похода Гош выделил отборные части — дивизию Ришпанса и "легион Франков". "На Париж двинулись 26-27 тысяч солдат... сопровождаемых огромным артиллерийским обозом", — писал Симолин⁴¹⁴. То же самое объявил в Совете пятисот Деларю⁴¹⁵. По дороге солдаты кричали, что идут "образумить Советы"⁴¹⁶.

Пока войска Гоша приближались к Парижу, в столице произошли важные перемены, 28 мессидора (16 июля) состоялась смена министров. Инициатива исходила, как уже было отмечено, от "клишистов", однако, Баррас, Рейбель и Ларевельер на секретном совещании решили использовать предоставленную им возможность для избавления от министров, примыкавших к правому большинству Законодательного корпуса. На заседании Директории все ее члены единодушно голосовали за смену министра иностранных дел Делакура и морского министра Трюгэ. Вместо них были назначены Талейран и Плевил-Лепеллей. В связях с "Клиши" находился министр внутренних дел Бенезеш, которого Людовик XVIII намеревался назначить на тот же пост в своем будущем правительстве, и министр полиции Кошон. Тщетно Карно стремился препятствовать замене этих министров. Новыми министрами были назначены Франсуа из Невшателя и Ленуар Ларош, вскоре замененный Сотином. Министр юстиции Мерлен из Дуэ и министр

---

⁴¹³ V. Pierre, *Le 18 fructidor. Documents pour la plupart inédits*, Paris, 1893, p. 1.

⁴¹⁴ АВПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 521а, Симолин — Павлу I, 1(12) августа 1797 г., л. 43.

⁴¹⁵ Thibaudeau, *op. cit.*, p. 233-234; *Mercure de la Gironde*, 24 thermidor an V (11 août 1797), t. 4. N 20.

⁴¹⁶ Barbé-Marbois, *op. cit.*, p. XXII.

финансов Рамель-Ногаре, которых "клишисты" намеревались отстранить⁴¹⁷, сохранили свои портфели.

Намного сложнее обстояло дело с назначением военного министра. Вместо смещенного с этой должности Петиз, Баррас выдвинул кандидатуру Гоша. Расчет был двойным: Баррас хотел морально воздействовать на Гоша и одновременно поставить его в полную зависимость от себя. Баррас пошел, тем самым, на сознательное нарушение правил, предусмотренных конституцией, ибо Гошу не было еще сорока лет и он не имел права занимать должность министра, о чем Баррас, несомненно, знал. Вопрос о назначении военного министра был разрешен после прибытия Гоша в Париж, о чем речь пойдет ниже.

В дискуссиях по поводу смены министров Бартелеми не принимал никакого участия⁴¹⁸, "триумвиры" одержали важную и убедительную победу. Назначение новых министров, в частности, Талейрана, было продиктовано политическими мотивами⁴¹⁹. Таким образом, надежды правых, связанные со сменой министров, не оправдались. Подготовленная ими операция оказалась бумерангом, направленным против них же⁴²⁰.

Удар Директории достиг своей цели, "клишисты" пришли в ярость. Агрессивно настроенные деятели "Клиши" (Симеон, Порталис и др.) стремились к реваншу⁴²¹, но никакого решения ими принято не было. Внутренние разногласия, отсутствие сильного руководства помешали их действиям. Это еще нагляднее проявится в дни фрюктидорского кризиса. Отметим также, что позиция "клишистов" по поводу

---

⁴¹⁷ Barthélémy, op. cit., p. 225.

⁴¹⁸ P. Baillet, Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische correspondenzen (1795-1800), Leipzig. 1881, S. 138.

⁴¹⁹ M. Poniatowski, op. cit., p. 158. См. также: Ю.В. Борисов, указ. соч., с. 65. В.Г. Ревуненков ошибочно рассматривает назначение Талейрана как уступку монархистам. См.: В.Г. Ревуненков, указ. соч., с. 484.

⁴²⁰ По мнению А. Менье, "триумвират" был окончательно оформлен после голосования за новых министров. См.: A. Meunier, op. cit., t. 1, p. 121.

⁴²¹ Thibaudeau, op. cit., p. 215-217. См. об этом: G. Lefebvre, op. cit., p. 406-407.

разрешения многих принципиальных вопросов не была еще окончательно определена. Некоторые даже выступали с предложением о временном прекращении борьбы с Директорией, изъявляя желание подождать до парламентских выборов VI года, дабы этим путем, как им представлялось, расширить число своих единомышленников в Законодательном корпусе⁴²². Весть о смене министров вызвала одобрение парижан, о чем сообщали в Берлин находившиеся в Париже прусские дипломаты⁴²³. Полицейские донесения также констатируют, что выбор, сделанный Директорией, не подвергался критике. "Все воздают должное достоинствам Плевия, Талейрана и, особенно, Франсуа из Невшателя"⁴²⁴. Вследствие же замены министра полиции "возвратившиеся эмигранты и родственники тех, кто собирался возвратится, были в отчаянии"⁴²⁵.

Смена министров ознаменовала новую полосу борьбы между Директорией и Законодательным корпусом, еще больше углубила кризис в стране. Симолин писал: "Произошел раскол между Законодательным корпусом и Директорией, три члена которой составляют оппозицию против Карно и Бартеlemi. Судя по всем письмам, поступившим из Парижа, там ожидается мощный взрыв, который приведет к новому положению вещей. Армии, кажется, безгранично преданы Директории. Она себя считает достаточно сильной, чтобы предпринимать все, покарать Законодательный корпус и привести к 31 маю"⁴²⁶. Подобные суждения мы находим и в одном из донесений прусских дипломатов: "Конечно, открытая вооруженная борьба между Директорией и Законодательным корпусом может принять небла-

---

⁴²² J. Tulard, Joseph Fiévée, conseiller secret de Napoléon, Paris, 1985, p. 61; L.-M. Clénet, La contre-révolution, Paris, 1992, p. 97.

⁴²³ P. Bailleu, op. cit., p. 138.

⁴²⁴ Ch. Ballot, op. cit., p. 85.

⁴²⁵ Ibid., p. 87.

⁴²⁶ АВПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 521а, Симолин — Павлу I, 18 (29) июля 1797 г., л. 33-33 об.

гоприятный для последнего оборот. Внутренняя и действующая армии сохраняют республиканский дух и преданы правительству Директории"⁴²⁷.

Именно в эти дни приближавшиеся к Парижу части армии Самбры и Мезы нарушили 69 статью конституции, согласно которой Директория "не имела права размещать какие-либо группы войск на расстоянии десяти мириаметров (в среднем двенадцати лье) от коммуны, где заседает Законодательный корпус, кроме случаев, когда он этого требует или приказывает"⁴²⁸.

Передвижение армейских частей по территории республики вызвало озабоченность среди населения. Граждане, проживавшие в тех департаментах, где находились войска Гоша, не понимая суть происходивших событий, с тревогой обращались к проживавшим в Париже родственникам, советуя им в кратчайший срок покинуть столицу⁴²⁹.

Известие о появлении армии в окрестностях столицы явилось сенсацией для всех. Об этом не знали даже члены "триумвирата", а также военный и морской министры. Если верить Ларевельеру, то он сам узнал об этом на улице⁴³⁰. Советы подняли большой шум. На заседании Совета пятисот Тибодо заявил о необходимости скорейшего выяснения причин нарушения конституции и наказания виновных. Совет потребовал от Директории немедленных объяснений. В двух ответных посланиях от 2 и 4 термидора (20 и 22 июля) Директория сообщала, что нарушение было случайностью, из-за незнания конституционных законов комиссарами армии. Правительство даже не сумело указать, кто конкретно из комиссаров несет ответственность за нарушение⁴³¹. Не удовлетворившись таким объяснением, Совет пятисот соз-

⁴²⁷ P. Bailleu, op. cit., p. 139.

⁴²⁸ Документы..., с. 323.

⁴²⁹ Paris..., p. 263, 265.

⁴³⁰ La Revellière Lépeux, op. cit., p. 121.

⁴³¹ Moniteur, 5 thermidor an V (23 juillet 1797), N 305; *ibid.*, 7 thermidor an V (25 juillet 1797), N 307.

дал комиссию из пяти членов во главе с Пишегрю для расследования "темного дела"⁴³², однако комиссии так и не удалось установить личность виновного, по инициативе которого маршрут армии, предназначенной для дальней экспедиции, проходил через запрещенную зону. Но все же во избежание аналогичных нарушений комиссия предложила два проекта, которые были представлены на обсуждение Совета пятисот генералом Пишегрю. Один из них предусматривал усиление надзора над установленной конституцией запрещенной зоной, а второй относился к наблюдению за маневрами войсковых частей на территории республики⁴³³. Отметим, что оба проекта вступили в силу в соответствии с постановлениями Законодательного корпуса от 10 и 12 термидора (28 и 30 июля)⁴³⁴.

Продвижение армии было остановлено. Гош был немедленно вызван в Париж. Не ориентируясь полностью в положении вещей, 2 термидора (20 июля) он явился в Директорию. При строгом допросе, учиненном председателем Директории Карно, он вел себя хладнокровно и не выдал Барраса. Можно согласиться с мнением А. Сореля, который так объясняет поведение Гоша: "Они (т. е. "триумвиры" — В. П.) ему изменили, но он, изменяя им, скомпрометировал бы дело, которому служил вместе с ними, дело республики, за которое готов был пожертвовать всем"⁴³⁵.

Предпринятая Баррасом попытка вмешательства армии Самбры и Мезы во внутривосполитические дела потерпела в целом неудачу. Баррас лишь скомпрометировал Гоша, а о его назначении военным министром не могло быть и речи⁴³⁶. Директория приняла решение об отправке части

---

⁴³² Ibid., N 305.

⁴³³ Ibid., 12 thermidor an V (30 juillet 1797), N 312; Mercure de la Gironde. 16 thermidor an V (3 août 1797), N 16.

⁴³⁴ Journal militaire, 15 thermidor an V, N 63.

⁴³⁵ A. Sorel, op. cit., p. 296.

⁴³⁶ Отметим, что военным министром 5 термидора (23 июля) был назначен генерал Шерер. См.: Journal militaire, 10 thermidor an V, N 62. Утвержде-

войск Гоша в количестве 9 тысяч солдат на Запад, с целью высадки в Ирландии. Баррас, который стремился извлечь максимально возможные выгоды из провалившейся операции, хотел оставить войска Гоша вблизи Парижа. 10 термидора (28 июля) последовал приказ Гоша, где, ссылаясь на усталость и изнурение солдат, он приказывал войскам оставаться на месте и ждать новых указаний⁴³⁷. Только после этого Гош уехал в действующую армию. Части его армии остались недалеко от столицы. Симолин передавал: "Беспокойство в Париже возрастает в связи с передвижением войск внутри страны. Беспорядки, имевшие место в Париже, одновременно дают о себе знать и во многих других местах. Дивизия Лемуана, оторванная от армии Самбры и Мезы, вместо того, чтобы отступить к Рейну, направляется во внутрь Франции. В передвижении войск царит неразбериха, в течение дня они получают самые разные, противоречавшие друг другу приказания. Однако, по-видимому, часть французских войск собирается направиться в Реймс, что угрожает независимости Законодательного корпуса"⁴³⁸.

Таким образом, Баррасу все же в какой-то мере удалось достичь своей цели, поскольку Директория получила возможность при необходимости использовать части армии Гоша. В этом плане, можно предполагать, что неудача Гоша была относительной.

Гош был уязвлен, но это отнюдь не отразилось на его преданности республике. Забегая вперед, отметим, что 23 термидора (10 августа) в Ветцларе он торжественно отметил республиканский праздник. "Праздник 10 августа, — писал Симолин, — был отмечен на плоскости Ветцлара с большой пышностью, на что было израсходовано 40 тысяч

ние В.Г. Ревуненкова о получении Гошем портфеля военного министра, не соответствует действительности. См.: В.Г. Ревуненков, указ. соч., с. 484.

⁴³⁷ V. Pierre, op. cit., p. 17.

⁴³⁸ АВПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 521а, Симолин — Павлу I, 31 (11 августа) 1797 г., л. 41-41 об.

флоринов. Генерал Гош обратился с речью к шести тысячам солдат, собранным из разных дивизий армии". Гош говорил, что угрожавшая республике опасность, еще не устранилена и заявил о своей готовности оказать при необходимости поддержку правительству. "Речь Гоша, — продолжает Симолин, — была принята с радостью, а потом в напечатанном виде разослана солдатам. По-видимому, мысль о походе на Париж и осуществлении там переворота в национальном представительстве не оставлена"⁴³⁹.

Одновременно в армии Гоша печатались и распространялись сатирические куплеты, озаглавленные — "Чествование армией Самбры и Мезы клуба "Клиши"⁴⁴⁰. Гош не пал духом, но на него "триумвиры" положиться больше не могли. Он фактически вышел из игры.

А положение в стране все более осложнялось. Незвестный автор с горечью писал в июле из Бордо М.-А. Жюльену: "Франция является королевством и вотчиной Людовика XVIII, священников и эмигрантов"⁴⁴¹. Такую же оценку мы находим в другом письме, посланном Директории администрацией департамента Сарты. "Республика существует только в конституционных формах. Преобладающим является везде дух роялизма, который проявляется более властно, чем при королевском режиме"⁴⁴².

В июле буржуазные круги департамента Ньевр были вынуждены организовать на свои средства свою охрану⁴⁴³. В Безансоне террористическая деятельность возвратившихся эмигрантов и священников, находившихся в тесном контакте с роялистами Лиона и Дижона, так усилилась, что очевидцы говорили о необходимости скорейшего военного вмешательства правительства⁴⁴⁴.

⁴³⁹ Там же, Симолин — Павлу I, 4 (15) августа 1797 г., л. 45 об.

⁴⁴⁰ Thibaudeau, op. cit., p. 240.

⁴⁴¹ РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 896.

⁴⁴² Там же, ед. хр. 898.

⁴⁴³ Ch. Ballot, op. cit., p. 107.

⁴⁴⁴ Ibid., p. 90.

Таким образом, не только для членов правительства, но и для многих граждан стала очевидной неизбежность вмешательства военной силы. Она диктовалась действительностью, интересами республики, правящей буржуазии и народа. Как сообщал Симолин, "Париж лихорадило и казалось, что в ближайшее время вспыхнет кровавая бойня"⁴⁴⁵.

Неудачная попытка вмешательства армии Гоша во внутриполитические дела и последующие события совпали с широким празднованием французскими армиями, расположенными за пределами Франции, дня взятия Бастилии.

Директория приняла постановление о праздновании дня 14 июля. Ссылаясь на состояние финансов республики, она воздержалась от того, чтобы пышно отпраздновать это событие⁴⁴⁶. Такое объяснение дает повод для размышлений. Думается, что Директория учитывая напряженность политической обстановки в стране, решила воздержаться от торжественных демонстраций. 26 мессидора (14 июля) правительство скромно отпраздновало день взятия Бастилии во дворе Люксембургского дворца. С речью выступил президент Директории Карно⁴⁴⁷. На Марсовом поле был организован военный парад.

Вечером на Елисейских полях состоялись народные гулянья, танцы. Со всех сторон были слышны крики: "Да здравствует республика"⁴⁴⁸. После 10 часов вечера возвратившаяся домой группа парижан, в числе которых был редактор газеты "Ами де луа" Лебуа, была окружена роялистами, разогнавшими всех под крики "Долой якобинцев". Те, кто попытался оказать сопротивление, были избиты, тяже-

---

⁴⁴⁵ АВПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 521а, Симолин — Павлу I, I (10) августа 1797 г., л. 35 об.

⁴⁴⁶ *Mercure de la Gironde*, 26 messidor an V (14 juillet 1797), N 7.

⁴⁴⁷ См. описание: *Rédacteur*, 27 messidor an V (15 juillet 1797), N 577; *Mercure français*, 30 messidor an V, N 30.

⁴⁴⁸ Ch. Ballot, *op. cit.*, p. 74-75, 78.

лые ранения получил и Лебуа, оставивший подробное описание этой страшной сцены в редактируемой им газете⁴⁴⁹.

День 14 июля был отмечен и в других городах республики. В Бордо, например, согласно сообщению местной газеты, оно превратилось в настоящий праздник⁴⁵⁰.

Намного шире день взятия Бастилии был отпразднован Итальянской армией генерала Бонапарта, чье имя было широко известно в Европе. Летом 1797 г. армия Бонапарта продолжала свое торжественное шествие по Италии. После Леобенских переговоров Бонапарт самовольно продолжал перекраивать политическую карту Италии⁴⁵¹. Итальянская армия наносила сокрушительные удары по феодальной монархии Габсбургов. Казавшиеся на первый взгляд незыблемыми основы старой монархии пошатнулись.

Летом 1797 г. победы, одержанные Итальянской армией, все больше окрылили ее солдат, подняли их республиканский дух. Бонапарт, зорко следивший за событиями во Франции, организовал в Милане 26 мессидора (14 июля) большой праздник, интересное описание которого оставил российский посол в Турине граф Штакельберг: "Годовщина федерации французских национальных гвардий и падения Бастилии была торжественно отпразднована 14 июля в Милане, а также во всех остальных районах, оккупированных Итальянской армией. Ее знамена по этому поводу были обновлены. Посреди площади была воздвигнута пирамида, на которой были записаны имена всех французских солдат и офицеров, погибших во время итальянской кампании. Вокруг нее в виде квадрата были расположены пять французских бригад и два кавалерийских полка. Генерал Бонапарт в конце церемонии объехал

---

⁴⁴⁹ Paris..., p. 212-213.

⁴⁵⁰ Mercure de la Gironde, 30 messidor an V (18 juillet 1797), N 8.

⁴⁵¹ А.З. Манфред, указ. соч., с. 172-174.

их и обратился к ним с воззванием, копии которого были разосланы всем дивизиям армии"⁴⁵².

В воззвании Бонапарт призывал солдат к бдительности и готовности при необходимости протянуть руку помощи Директории. "Горы нас отделяют от Франции, вы их пройдете с быстротой орла, когда это понадобится для защиты конституции, свободы, правительства и республиканцев"⁴⁵³.

В тот же день во время торжественного обеда генералы армии произносили тосты: "За конституцию III года и за Директорию", "За союз всех французских республиканцев", "За уничтожение клуба "Клиши" и т. д."⁴⁵⁴.

Особенно большой резонанс во всей армии получило воззвание Бонапарта. "Оно произвело наилучшее впечатление", — писал Бонапарт Директории⁴⁵⁵. Примеру главнокомандующего последовали генералы Итальянской армии. Во всех дивизиях армии были организованы торжества, генералы Ожеро, Массена, Бернадотт, Жубер, Бон, Виктор и другие обратились в Директорию с грозными воззваниями, в которых высказывалась твердая решимость солдат и генералов выступить на благо республики и правительства⁴⁵⁶. В воззвании генерала Виктора, в частности, отмечалось: "Мы клянемся вести беспощадную войну против всех врагов республики и правительства... Республика или смерть"⁴⁵⁷!

---

⁴⁵² АВПРИ, Сношения с Сардинией, 1797, дело N 131, Штакельберг — Павлу I, 11 (22 июля) 1797 г., л. 26-26 об. См. также: Mémoires de Massena. Paris, 1848, t. 2, p. 401.

⁴⁵³ Correspondance de Napoléon I. Publié par l'ordre de l'empereur Napoléon III (далее: Согг.), Paris, 1859, t. 3, N 2010, p. 180.

⁴⁵⁴ Moniteur, 5 thermidor an V (23 juillet 1797), N 305; *ibid.*, 25 thermidor an V (12 août 1797), N 325.

⁴⁵⁵ Согг., N 2014, p. 183.

⁴⁵⁶ Moniteur, N 325; *ibid.*, 26 thermidor an V (13 août 1797), N 326. См. об этом: J.-P. Bertaud, La Révolution armée. Les soldats-citoyens et la Révolution française, p. 328-330.

⁴⁵⁷ Moniteur, N 326.

Адресованные Директории воззвания дивизий Массена и Жубера были подписаны 12 тысячами солдат и офицеров⁴⁵⁸.

Копии воззвания Бонапарта были разосланы по всей стране. Оно было сочувственно принято демократическими кругами департаментов. И. Волох, ссылаясь на документы различных департаментских архивов (Нор, Мон-Блан, Кот-д'Ор и др.), впервые обратил на это внимание⁴⁵⁹. Эти сведения мы имеем возможность дополнить. Так, администрация департамента Морбиан сообщила Бонапарту о своей солидарности: "Призыв этой храброй армии является призывом настоящих республиканцев"⁴⁶⁰.

В Директорию поступило письмо от администрации департамента Сарты, где роялистские организации пустили глубокие корни⁴⁶¹. Там, в частности, говорилось: "Их (т. е. воззваний — В. П.) чтение наполнило наши души радостью и восхищением"⁴⁶².

При создавшихся условиях становилось яснее, что армия начинает играть все большую политическую роль. Генералы это теперь понимали намного лучше, чем прежде. В воззвании, адресованном Директории дивизионным генералом Серюрье, было сказано: "Вы можете рассчитывать на нашу полную преданность конституции III года"⁴⁶³. Сам Бонапарт писал в середине июля правительству: "В армию поступает большое количество тех газет, которые издаются в Париже, в особенности наихудшие, но это, вопреки ожиданиям, производит иное впечатление. Недовольство армии возросло. Солдат громогласно спрашивал: будет ли он после возвращения домой стоять перед угрозой быть убитым, по-

---

⁴⁵⁸ Согг., N 2023. p. 188. См. также: АВПРИ, Сношения с Гамбургом, 1797, дело N 286, Гримм — Павлу I, 31 мая (11 июня) 1797 г., л. 47 об.; Massena, op. cit., p. 402.

⁴⁵⁹ I. Woloch, op. cit., p. 71.

⁴⁶⁰ РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 897.

⁴⁶¹ G. Lefebvre, op. cit., p. 258.

⁴⁶² РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 898.

⁴⁶³ Moniteur, N 325.

добно всем патриотам? Обстоятельства осложняются день ото дня. Нет человека, который не предпочел бы погибнуть с оружием в руках, чем быть убитым на улицах Парижа... Вы можете одним ударом спасти республику, 200000 преданных ей людей и заключить мир в течение двадцати четырех часов. Арестуйте эмигрантов, сведите на нет влияние иностранцев. Если вам понадобится сила, обратитесь к армиям"⁴⁶⁴. Несколько дней спустя в новом обращении к правительству он заявлял: "В армии преобладает настроение в пользу республики и конституции III года"⁴⁶⁵.

После получения воззваний Директория оказалась в затруднительном положении. Перед ней вставала альтернатива. Одобрить воззвания и опереться на армию означало нарушить конституцию. С другой стороны, в борьбе с роялизмом Директория не обладала другими реальными средствами. "Мы уступили силе обстоятельств", — писал Ларевельер⁴⁶⁶. Воззвания были одобрены⁴⁶⁷. "Директория ничего не предприняла для предотвращения и осуждения этого в наивысшей степени преступного поведения", — писал в этой связи Бартеlemi⁴⁶⁸. Он не учитывал, что у Директории иного выхода не было.

Неясной оставалась пока позиция популярного генерала Моро, командовавшего Рейнско-Мозельской армией, находившегося в тайных связях с роялистами. О его измене, однако, никто еще тогда не знал⁴⁶⁹. В одном письме Матье Дюма передавал ему "тысячи приветов" от Пишегрю⁴⁷⁰. Поведение Моро летом 1797 г. внушало опасения. Его армией

---

⁴⁶⁴ Сог., N 2014, p. 182-183.

⁴⁶⁵ Ibid., N 2023, p. 188.

⁴⁶⁶ La Revellière-Lépeux, op. cit., p. 101.

⁴⁶⁷ Воззвания были опубликованы на страницах правительственных и департаментских газет. См.: Moniteur, N 305, 325-326; Mercure de la Gironde, 12 thermidor an V (30 juillet 1797), N 14; ibid., 20 thermidor an V (7 août 1797), N 18.

⁴⁶⁸ Barthélémy, op. cit., p. 233.

⁴⁶⁹ J. Godechot, La propagande royaliste aux armées sous le Directoire, p. 1-16.

⁴⁷⁰ V. Pierre, op. cit., p. 38.

не был отмечен ни один республиканский праздник и сам этот факт давал повод для размышлений⁴⁷¹.

Значение июльских выступлений армии Бонапарта заключалось не только в оказании сильной моральной поддержки республиканскому правительству в очень трудную для него пору. Выступления армии имели и другое, большой важности последствие. Июльские события показали членам "триумvirата", что в предстоявшей схватке Директории придется за реальной помощью обратиться именно к Итальянской армии.

К тому времени одержанные армией Бонапарта победы на итальянском театре военных действий снискали молодому полководцу неслыханную популярность. В 1796-1797 гг. парижане на улицах столицы восторженно приветствовали последние сообщения, известившие о победах армии Бонапарта. Не раз публичные чтения прерывались похвалами в адрес Итальянской армии и самого Бонапарта. Его действия вызывали восхищение.

Попутно отметим, что образ генерала Бонапарта того времени воодушевлял не только современников. Им восхищались и представители молодой поросли последующих поколений. Вспомним хотя бы как к нему относился Люсьен Левен, герой одноименного романа Стендаля. "Рассказы о жизни молодого генерала Бонапарта, победителя в битве на Аркольском мосту, вызывают во мне восторг: для меня это Гомер, Тассо и даже в сто раз больше"⁴⁷². Куда уж до совре-

---

⁴⁷¹ Версия о республиканизме Моро, нашедшая отражение как в советской, так и в российской историографии (см.: Д.М. Туган-Барановский, Наполеон и республиканцы. (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799-1812 гг.), Саратов, 1980; П.П. Черкасов, Лафайет. Политический портрет, М., 1991; Н.А. Троицкий, указ. соч.), не соответствует действительности. См. об этом: Е.Б. Черняк, Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе, М., 1987, с. 108-118.

⁴⁷² Стендаль, Люсьен Левен (красное и белое) // Стендаль, Собр. соч. в 12-ти томах, М., 1978, т. 2, с. 226.

менников, подавляющее большинство которых было охвачено гораздо большим восторгом.

Как сообщают полицейские донесения, в Париже все только и говорили о победах Бонапарта⁴⁷³. Газета "Курье универсел" называла его "Цезарем нового времени"⁴⁷⁴. Несомненно, в создании такой атмосферы немаловажное значение имело пропаганда успехов Итальянской армии и восхваление личности главнокомандующего самим Бонапартом, в частности, на страницах газет, издававшихся в армии, которые распространялись во Франции⁴⁷⁵. Новейшие исследователи вполне обоснованно утверждают, о рождении наполеоновской легенды в годы итальянской кампании, а не на острове Святой Елены⁴⁷⁶.

В создавшейся обстановке Баррас решил обратиться к Бонапарту за помощью. Лицемеря, он писал ему: "Мы были бы счастливы увидеть в нашей среде генерала, так прекрасно действовавшего в вандемьере"⁴⁷⁷. Но обратившись к "генералу вандемьеру", он преследовал и другие цели. Как выяснилось в ходе итальянского похода, Бонапарт был меньше всего готов беспрекословно подчиняться Директории. Поскольку она не в состоянии была его обуздать, Баррас хотел как-то затормозить возвышение молодого полководца. Его поведение со всей глубиной раскрыто А.З. Манфредом: "Баррас к этому времени додумал вопрос до конца: лучше всех Бонапарт, он человек действия, а разгон штыками освещенных конституцией Законодательных советов, отнюдь не послужит популярности победителя при Риволи. Выигрыш Барраса станет проигрышем Бонапарта"⁴⁷⁸.

---

⁴⁷³ Paris..., t. 3, p. 601, 714, 717, 720, 741, 743, 746, 749, 757, 762, 766, 780; *ibid.*, t. 4, p. 32, 35, 37, 65, 66, 75.

⁴⁷⁴ *Ibid.*, t. 3, p. 664.

⁴⁷⁵ J.-P. Bertaud, *op. cit.*, p. 325-327; R. Dufraisse, *Napoléon*, Paris, 1987, p. 24.

⁴⁷⁶ A. Soboul, *Le premier empire*, Paris, 1973, p. 121; J. Tulard, *Napoléon ou le mythe du sauveur*, p. 84-85; J. Tulard, L. Garros, *op. cit.*, p. 77, 99.

⁴⁷⁷ P. Barras, *op. cit.*, p. 496.

⁴⁷⁸ А.З. Манфред, указ. соч., с. 181.

Генерал Бонапарт

Бонапарт был не менее хитрым политиком, чем Баррас. Предложение директора давало ему повод для размышлений. Он понял смысл затеянной игры. Но медлить было нельзя. Окружавшие его люди свидетельствуют о его готовности пойти на помощь республиканскому правительству в тяжелые для него дни. "Он был полон решимости пойти на Париж во главе 25 тысяч солдат, — писал Бурьен, — если бы дела приняли неблагоприятный для республики оборот. Он серьезно готовился к кампании. По его мнению, защитить ненавистную Директорию, означало защитить свое будущее"⁴⁷⁹.

Словом, жребий был брошен и Бонапарт решил пересечь Рубикон, но в отличие от Цезаря, он не оставил свою ставку. Он отлично сознавал, что ему еще предстояло вернуться в Париж, если, конечно, шальная пуля не оборвет

---

⁴⁷⁹ Mémoires de Bourienne, ministre d'État sous Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration, Paris, 1829, t. 1, p. 146. См. также: Massena, op. cit., p. 401.

его жизнь на полях предстоявших сражений. Ведь и эта возможность не исключалась. Задумываясь над этим, он мог бы припомнить трагические судьбы Мюирона, Марсо, да и многих других. Но, тем не менее, будучи убежденным фаталистом, главнокомандующий Итальянской армии верил в свою звезду и был убежден, что еще вернется на Родину, вернется триумфатором. Но в то же время он не сомневался, что этот счастливый день настанет позднее, после окончательного разгрома выдыхающегося противника. А пока он принял самое разумное решение: он немедленно отправил по ту сторону Альп генерала Ожеро.

9 термидора (27 июля) Ожеро уехал во Францию. Бонапарт сообщал Директории, что Ожеро едет в Париж по своей просьбе для урегулирования личных вопросов. "Используя случай, я Вам высылаю воззвания армейских подразделений", — писал он⁴⁸⁰. Официальные версии не всегда соответствуют действительности. Да и как это часто бывало в подобных случаях, подлинное положение вещей становилось более известным, чем то, что официально оглашалось. Так было и на этот раз. Штакельберг писал из Турина уже 15 термидора (2 августа): "Три дня назад генерал Ожеро, мчась с большой скоростью в Париж, проехал через Турин. Он вызван в Париж, чтобы командовать теми войсками, которые Директория собирает в окрестностях столицы... Генерал Ожеро подходящий человек для такой роли. Он выше всех остальных генералов Итальянской армии, отличавшихся своим дурным поведением"⁴⁸¹.

Выбор Бонапарта остановился на Ожеро в силу ряда обстоятельств. Он был отважным воином, пользовался большим авторитетом в армии, слыл убежденным республиканцем. Но Бонапарт остановил свой выбор на нем, учитывая, как сообщал Бурьен, его "слабые способности в политичес-

---

⁴⁸⁰ Согг., N 2043, p. 201; *ibid.*, N 2047, p. 203.

⁴⁸¹ АВГПРИ, Сношения с Сардинией, 1797, дело N 131, Штакельберг — Павлу I, 22 июля (2 августа) 1797 г., л. 45 об.

ких делах". "Ожеро не сумел бы использовать события, в которых ему предстояло сыграть важную роль, в своих интересах", — писал Бурьен⁴⁸².

Генерал Ожеро

К осени 1797 г. в создавшейся во Франции сложной политической обстановке, в целях спасения республики от гибели, республиканское крыло Директории было вынуждено обратиться к помощи армии, той единственной силы, которая могла бы помочь правительству в борьбе с роялизмом. Армии, состоявшие в подавляющем большинстве из крестьян, сохраняли республиканский дух и были преданы правительству. В условиях все возростающей роли армии, хозяевами положения в стране постепенно становились генералы, выражавшие интересы буржуазии. Пройдет еще

⁴⁸² Bourienne, op. cit., p. 150.

немного времени и Директория окажется в полной зависимости от них.

ПЕРЕВОРОТ 18 ФРЮКТИДОРА

Прибытие генерала Ожеро в Париж во многом упрочило пошатнувшееся положение Директории. Здесь он хладнокровно заявил: "Я приехал, чтобы убить роялистов"⁴⁸³. 21 термидора (8 августа) он был назначен командиром 17-ой дивизии, т. е. внутренней армии. Против этого назначения высказались Бартеlemi и Карно⁴⁸⁴. Сразу же после прибытия Ожеро устроил военный парад на Марсовом поле. На членов Законодательного корпуса особенно угрожающее впечатление произвел показ артиллерийских частей⁴⁸⁵.

"Уверяют, что генерал Ожеро приехал из Итальянской армии для того, чтобы командовать внутренней армией. Париж полон военнoслужашими всех родов войск, дезертирами, освобожденными от воинской повинности офицерами; все это послужило причиной очень тревожных для общественного спокойствия толков", — писала "Меркур де ла Жиронда"⁴⁸⁶. Ожеро удалось в самый короткий срок установить порядок во внутренних войсках и в столице. Имевшие место оскорбления граждан солдатами 17-ой дивизии вынудили Ожеро принять соответствующие меры для предотвращения подобных инцидентов. 27 термидора (14 августа) последовал приказ Ожеро по внутренним войскам относительно обеспечения соблюдения "прав граждан и собственности", предусматривавший сильную кару для нарушителей⁴⁸⁷. "Благодаря усердию и решительности храброго Ожеро, — писала "Меркур франсэ", — в войсках 17-ой дивизии

---

⁴⁸³ P. Barras, op. cit., p. 502.

⁴⁸⁴ Barthélémy, op. cit., p. 234.

⁴⁸⁵ Ibid., p. 237.

⁴⁸⁶ Mercure de la Gironde, 16 thermidor an V (3 août 1797), N 21.

⁴⁸⁷ Ibid., 8 fructidor an V (25 août 1797), N 27.

царит полный порядок, а в Париже восстановлено спокойствие"⁴⁸⁸.

После прибытия Ожеро обстановка в Париже во многом изменилась. Одно его назначение командующим 17-ой дивизии, как писала та же газета, "вынудило оставить Париж многих из тех, кто, по всей вероятности, не любили генералов республики"⁴⁸⁹. Сам Ожеро писал Бонапарту: "Мое присутствие докучает заговорщиков до такой степени, что они подготовили доклад о перенесении резиденции главного штаба 17-ой дивизии за пределы конституционной зоны". Ожеро сообщал также о той тревоге, которую причинило членам Законодательного корпуса его присутствие в Париже. Депутаты обоих Советов даже выдвигали предложение о перенесении резиденции Законодательного корпуса из Парижа в Лион или же Руан⁴⁹⁰.

В таких условиях Директория получила возможность отметить праздник 10 августа намного торжественнее, чем праздник 14 июля. Во время церемонии, устроенной Директорией во дворе Люксембургского дворца, в которой принимал участие и генерал Ожеро, президент Директории Карно был вынужден заявить: "Любая попытка низвержения республики будет тщетной и все те, кто содействуют этому несправедливому делу, найдут смерть"⁴⁹¹. Выступление Карно, как сообщают полицейские донесения, было встречено народом с одобрением. Только роялисты выразили недовольство⁴⁹².

Праздник 10 августа парижане отметили пышно. Организованные на Марсовом поле состязания проходили в полном порядке. Вечером на Елисейских полях была организована иллюминация, везде играла музыка, пели патрио-

⁴⁸⁸ *Mercure français*, 30 thermidor an V (17 août 1797), N 33.

⁴⁸⁹ *Ibid.*, 10 fructidor an V (27 août 1797), N 34.

⁴⁹⁰ Massena, *op. cit.*, p. 406. См. также: Paris.... p. 290.

⁴⁹¹ *Moniteur*, 27 thermidor an V (14 août 1797), N 327.

⁴⁹² Paris.... p. 290.

тические песни, танцы продолжались до глубокой ночи⁴⁹³. Это совсем не было похоже на праздник 14 июля. Значение воззваний и прибытия Ожеро было осязаемым.

По поводу праздника военный министр Шерер выступил с обращением, адресованным солдатам дивизий действующей и внутренней армий. "Вы все поклялись быть преданными конституции III года... конституция III года и победа — эти слова должны стать лозунгом в ваших рядах. Только таким путем вы сможете обеспечить Франции военную славу и процветание"⁴⁹⁴.

Как уже было отмечено, праздник 10 августа был широко отмечен армией Гоша. В связи с праздником Директория получила воззвание и от солдат и офицеров Рейнско-Мозельской армии, что было первым выступлением армии Моро. Воодушевленные воззваниями дивизий Итальянской армии, солдаты армии Моро по своей инициативе обратились в Директорию. "Если же, глубоко взволнованные грозившими Родине опасностями, они (т. е. солдаты армии Бонапарта — В. П.) готовы вмешаться во внутривластные дела республики, то мы вас уверяем, что не останемся бездействующими зрителями"⁴⁹⁵.

Как раз в это время Директория прикрепила к Итальянской армии восьмую дивизию, расквартированную в Лионе. Тем самым город Лион — осиное гнездо контрреволюционеров — оказался под началом Бонапарта.

После выступлений армий и приезда Ожеро республиканское крыло Директории почувствовало некоторое облегчение. 23 термидора (10 августа) Директория отправила Советам свое послание, в котором обличала реакционные стремления правого большинства Законодательного корпуса. В нем упоминалось движение войск Гоша, говорилось о воззваниях армий. Но в основном послание разоблачало

⁴⁹³ Ch. Ballot, op. cit., p. 119.

⁴⁹⁴ Mercure de la Gironde, 30 thermidor an V (17 août 1797), N 23.

⁴⁹⁵ Moniteur, 10 fructidor an V (27 août 1797), N 340.

деятельность Законодательного корпуса, проекты роялистов. В конце Директория завершила, что намерена "спасти Францию от распада, людей от новых волнений"⁴⁹⁶.

Послание Директории Советам имело большой резонанс. "Послание Директории произвело здесь (т. е. в Париже — В. П.) глубокое впечатление... в кафе и других местах политических собраний занимаются только его критикой, возражают против каждого его вывода, хотят выставить Директорию единственной виновницей всего ущерба, приписанного Законодательному корпусу. Затруднительное положение роялистов очевидно", — говорилось в одном из полицейских донесений⁴⁹⁷.

Но послание Директории имело и другие последствия. Оно оживило рабочих Парижа. "Волнения продолжаются в различных слоях населения и, в особенности, среди рабочих. Можно заметить, что идея предстоящего переворота кажется неизбежной"⁴⁹⁸. Призрак переворота, казалось, стоял у всех перед глазами. Полицейские донесения сообщают, что даже уволенные офицеры, которые по решению Законодательного корпуса должны были уехать в департаменты, не хотели оставить Париж. Они стремились рассчитаться с Советом пятисот⁴⁹⁹.

Но "клишисты" отнюдь не намеревались отказаться от продолжения борьбы. После закрытия политических клубов они начали пропагандировать свои идеи с помощью афиш. В августе борьба обострилась, чему способствовали упомянутые события. "Война памфлетов продолжается..., стороны клеветают друг на друга безжалостно. Народ больше не покупает эти памфлеты и для того, чтобы держать граждан в курсе дел, прибегли к афишам"⁵⁰⁰. Это послужило поводом

⁴⁹⁶ Цит. по: A. Meynier, op. cit., p. 85-86.

⁴⁹⁷ Paris..., p. 287.

⁴⁹⁸ Ibid., p. 298.

⁴⁹⁹ Ibid., p. 310.

⁵⁰⁰ Ibid., p. 282.

для новых волнений среди граждан. "Все отмечают, что день ото дня плакатов становится все больше. Это несло новые тревоги всем сторонникам общественного порядка, которые злоупотребление прессы рассматривают как способ пробуждения ненависти и раздоров в недрах республики"⁵⁰¹. "Меркур де ла Жиронд" писала в этой связи: "Стены [в Париже] покрыты свирепыми афишами: одни из них направлены против Законодательного корпуса, другие — против Директории. Эти средства, которые лишь раздражают умы, нам кажутся достойными осуждения"⁵⁰².

"Клишисты" с помощью афиш публиковали антиправительственные высказывания. "Волнения возрастают вследствие обилия афиш... всеми средствами они провоцируют реорганизацию правительства"⁵⁰³. Парижане хотели, чтобы Законодательный корпус покарал памфлетистов, типографов и всех тех, кто способствовал распространению антиправительственных листовок⁵⁰⁴. Но никаких мер против них не было принято. В середине августа многие в Париже уверяли, что для восстановления спокойствия необходимо будет выгнать из Совета пятисот сто пятьдесят депутатов⁵⁰⁵.

Послание Директории от 23 термидора (10 августа) вызвало большое волнение в Законодательном корпусе. Яростные выступления "клишистов" последовали одно за другим. Стали распространяться слухи о предстоявшем перевороте. В Советах началось брожение, они начали готовиться к отпору. Выдвигались разные проекты ареста членов Директории, обсуждался вопрос об укреплении их военной охраны⁵⁰⁶ и т. д. Но отсутствие единства действий помешало им и на этот раз.

---

⁵⁰¹ Ibid., p. 277.

⁵⁰² Mercure de la Gironde. 30 thermidor an V (17 août 1797), N 23.

⁵⁰³ Paris..., p. 273, 275, 294.

⁵⁰⁴ Ch. Ballot, op. cit., p. 126.

⁵⁰⁵ Paris..., p. 293.

⁵⁰⁶ G. Lefebvre, op. cit., p. 413-422.

Действиями "Клиши" возглавляла комиссия инспекторов, куда входили Пишегрю, Воблан, Эмери, Деларю и Тибодо⁵⁰⁷. По свидетельству одного из современников все проекты "Клиши" сочиняла комиссия инспекторов, она и раздавала оружие эмигрантам. Помимо того, всем заговорщикам она раздавала удостоверения с гербовой печатью Законодательного корпуса, обозначенные буквой "R", для опознания⁵⁰⁸.

Газета "Журнал дез ом либр де ту лэ пэи" сообщала 1 фрюктидора (18 августа): "Отряды "Клиши", эмигранты кажется снова осмелили. Они выступают группами, имеют много опознавательных знаков, чтобы в нужный момент быстро собраться и когда встречаются хоть одного противника, сразу атакуют"⁵⁰⁹.

Ларевельер констатировал, что приготовления роялистов постепенно обретали угрожающий характер⁵¹⁰. Но Директория относилась к подготовительным мерам противников равнодушно. Причину такого поведения надо, видимо, искать в том, что в ней председательствовал Карно. 7 фрюктидора (23 августа) на этом посту его заменил Ларевельер, который в своей речи от 10 фрюктидора (26 августа) заверил французов: "Директория сделает все, чтобы гарантировать вам свободу, конституцию, имущество, отдых и славу"⁵¹¹. Его речь оставила глубокое впечатление. "Выступление Ларевельера вызвало ярость врагов Директории. Они повсеместно критиковали его", — писал один из полицейских⁵¹².

Развязка политического кризиса подходила к концу. Какими же силами располагали борющиеся стороны перед решающим столкновением? Перевес сил, безусловно, был на

⁵⁰⁷ Vaublanc, op. cit., p. 336; Laruc de, op. cit., p. 43.

⁵⁰⁸ J.-B. Jollivet, Journée de dix-huit fructidor, Auxerre, an 6, p. 29.

⁵⁰⁹ Paris.... p. 300.

⁵¹⁰ La Levellière-Lépeaux, op. cit., p. 126.

⁵¹¹ Ibid., t. 3, p. 55.

⁵¹² Ch. Ballot, op. cit., p. 141.

стороне Директории. Ее основной ударной силой была армия. "Директория имела в Париже покорные войска, — писал Воблан, — которые, по всей вероятности, никогда еще не были так покорны, как тогда"⁵¹³. В Париже находился генерал Ожеро, в окрестностях столицы были разбросаны части и подразделения армии Гоша. Симолин передавал: "Согласно новым сведениям относительно настоящему расположению армейских корпусов, которое причинило и продолжает причинять такое большое беспокойствие, кавалерийская дивизия, подкрепленная большим корпусом пехоты, находится в Реймсе. Укрепленные гарнизоны имеются в Рокруа, Мезиере и Шартре, которые готовы действовать по первому же сигналу"⁵¹⁴. Помимо того, согласно сообщению Деларю, в начале сентября Директория вызвала в Париж освобожденных от воинской повинности офицеров для своей защиты, которым щедро раздавала деньги⁵¹⁵.

Директория имела также потенциальную опору в лице простого люда Парижа. При необходимости она могла бы призвать на помощь все демократические силы, санкюлотов, рабочих. Могла бы... но на это она, конечно, не пошла. Военная сила оказалась достаточной для подавления роялистского заговора.

Силы роялистов были раздроблены. Гвардия Законодательного корпуса, включавшая 1200 солдат, состояла из двух частей. Барбе-Марбуа не без иронии заметил, что такая сила была очень слабой для отражения атаки противника, но очень сильной для выполнения функций почетной охраны⁵¹⁶. Согласно сообщению Малле дю Пана, роялисты имели также в своем распоряжении 17-ый драгунский полк и 4-5 тысяч вооруженных приверженцев в Париже⁵¹⁷. Дела-

⁵¹³ Vaublanc, op. cit., p. 331.

⁵¹⁴ АВПРИ, Сношения с Францией, 1797, дело N 521а, Симолин — Павлу I, 21 августа (1 сентября) 1797 г., л. 52.

⁵¹⁵ Larue de, op. cit., p. 34.

⁵¹⁶ Barbé-Marbois, op. cit., p. 21.

⁵¹⁷ Mallet du Pan, op. cit., p. 140.

рю сообщает о приезде в Париж из западных департаментов многих роялистов⁵¹⁸.

Правые силы возлагали свои надежды главным образом на Пишегрю⁵¹⁹. В самый ответственный момент знаменитый генерал, однако, вел себя весьма нерешительно. Он как будто оцепенел⁵²⁰. Предложения о похищении членов "триумvirата" Пишегрю отклонил и отказался даже от предложения Вило возглавить 17 фрюктидора (3 сентября) вооруженные отряды роялистов. По некоторым сведениям, среди правых деятелей Законодательного корпуса сформировалось течение, стремившееся сохранить конституцию III года. Среди его вождей упоминалось и имя Пишегрю⁵²¹.

Интересные сведения, которые передает Фабр из Ода позволяют нам объяснить поведение генерала Пишегрю. Людовик XVIII намеревался, оказывается, в случае удачного исхода роялистского заговора, создать небольшое правительство из пяти членов — исполнительную директорию, которая должна была управлять Францией до его прихода к власти. В его состав он предполагал включить аббата Монтеские (в качестве председателя), герцога Тремуилья, Бартелими, Барбе-Марбуа, Буасси д'Англа⁵²², но не Пишегрю.

В создавшихся условиях все без исключения (в том числе и претендент) отлично представляли себе значение той огромной роли, которую приобрела армия. Авторитет Пишегрю среди войск был значительным. Перспектива военного переворота во главе с завоевателем Голландии не исключала бы возможность других, но уже неприятных для Людовика, последствий. Генерал Пишегрю после низвержения "якобинского гнезда" (по его же определению), мог бы иметь реальные возможности для установления своей дик-

⁵¹⁸ Larue de, op. cit., p. 41.

⁵¹⁹ Ibid., p. 40, 42.

⁵²⁰ Vaublanc, op. cit., p. 337.

⁵²¹ АВПРИ, Сношения с Гамбургом, 1797, дело N 287, Гримм — Павлу I, 22 сентября (31 октября) 1797 г., л. 16 об -17; Ch. Ballot, op. cit., p. 140.

⁵²² [Fabre de l'Aude], Histoire secrète du Directoire, Paris, 1832, t. 3, p. 216.

татуры в стране. Можно полагать, что Людовик XVIII опасался его по этой причине.

Время шло. Директория готовилась к военному перевороту. Ни у кого это не вызывало сомнений. Страх многих депутатов Законодательного корпуса достиг такой степени, что многие из них, боясь быть арестованными, даже не ночевали у себя дома. Никто не имел гарантии на завтрашний день⁵²³. Вожаки роялистов решили опередить противника, но безуспешно, ибо у них не было сильного руководителя. "Клишисты" имели столько же планов, сколько умов", — писал один из современников⁵²⁴. "Мы не имели вождя"⁵²⁵, — констатировал Воблан.

16 фрюктидора (2 сентября) возглавившая действиями "Клиши" комиссия инспекторов созвала совещание у генерала Вило, на котором присутствовали Пишегрю, Эмбер-Коломе, Воблан, Лафон-Ладеба и другие. С докладом выступил Жордан. Говоря о подготовительных мерах, предпринятых Директорией для осуществления переворота, он отметил, что малейшая медлительность со стороны правых будет для них роковой. Как сообщает Фабр из Ода, генерал Вило предложил атаковать Люксембургский дворец и арестовать членов "триумвирата" этой же ночью. С этим не согласился Пишегрю, предлагавший отложить переворот до 20 фрюктидора (6 сентября). "Большинство присутствующих не обладала той энергией, которая была необходима для развязывания гражданской войны. Эти люди, столь воинственные на трибуне, опасались жестокой битвы, которую им предстояло вести на улицах"⁵²⁶. "Клишисты" не проявили решительности. "Наша слабость была явной, — писал Воблан. — Было очевидно, что наша "партия" не была в состоянии что-либо предпринять... эти люди не умели согласовать даже незначительные мероп-

---

⁵²³ Ch. Ballot, op. cit., p. 152.

⁵²⁴ J.-P. Gallais, Dix-huit fructidor, ses causes et ses effets. Hambourg, 1799, t. 1, p. 85.

⁵²⁵ Vaublanc, op. cit., p. 336.

⁵²⁶ [Fabre de l'Aude], op. cit., p. 215.

рия и действовали разобщенно, давали лишь пустые обещания и привели нас к гибели"⁵²⁷.

Предложение Пишегрю было принято, но опередить Директорию все же не удалось. 17 фрюктидора (3 сентября) комиссия инспекторов решила организовать на следующий день в Законодательном корпусе обвинительное выступление Воблана против членов Директории. По свидетельству Деларю, пока Воблан готовил свое выступление, главари "Клиши" созвали совещание у Эмбер-Коломе. "Никогда еще ни одно из наших собраний не было столь многолюдным. Но по странному стечению обстоятельств никогда еще не было высказано так много сомнений, такого большого безразличия по отношению к тому, что делалось", — писал Деларю⁵²⁸.

В тот же день об этом узнал Баррас. После заседания, он пригласил к себе Ларевельера и Рейбея. Было решено немедленно перейти в наступление. Вечером у Рейбея состоялось совещание членов "триумvirата", на которое были приглашены все министры и генерал Ожеро. Было решено атаковать ночью Тюильрийский дворец, где заседали Советы и арестовать всех правых депутатов. Ожеро получил приказ быть готовым к выступлению ночью, был обсужден план действий войсковых подразделений. "Мы приняли все постановления, которые были опубликованы, мы составили все прокламации, которые были расклеены" — вспоминал Ларевельер⁵²⁹. "С военной точки зрения именно Баррас выступил активнее Ожеро в подготовке переворота", — писал Ж. Лефевр⁵³⁰.

Для прекращения связи между Законодательным корпусом и департаментами были предприняты соответствующие

---

⁵²⁷ Vaublanc, op. cit., p. 334.

⁵²⁸ Larue de, op. cit., p. 44-45.

⁵²⁹ La Levellière-Lépeaux, op. cit., t. 1, p. 129. См. также: P. Barras, op. cit., Paris, 1896, t. 3, p. 15-19.

⁵³⁰ G. Lefebvre, op. cit., p. 427.

меры. Все средства связи (почта, транспорт и т. д.) получили приказ действовать только по указанию Директории. Корпуса армии Самбры и Мезы были направлены к Версалю. Ночью 17 фрюктидора (3 сентября) они вошли в Париж.

Все шло успешно. Но перед "триумвирами" стоял еще один вопрос. Как поступить с двумя остальными членами Директории? Современники сообщают, что еще утром 17 фрюктидора Баррас посетил Бартеlemi и после короткой беседы предложил ему либо присоединиться к нему, либо подать в отставку и покинуть пределы Франции⁵³¹. Бартеlemi однако не согласился с этими предложениями. Что же касается Карно, то его бегство после переворота, по признанию Барраса и Ларевельера во многом облегчило положение "триумвиров"⁵³².

Пока в Люксембургском дворце уточнялись последние детали предстоявшей операции, над Тюильрийским дворцом опустилась ночь. Стало тихо и спокойно. Лишь легкий осенний ветер покачивал листья деревьев во дворе. Наконец-то наступил долгожданный день. День 18 фрюктидора.

Войска Ожеро начали медленно занимать позиции, предусмотренные по плану. Артиллерийские части заняли Пон Неф и Пон Рояль, площадь Революции была забита солдатами. Кольцо вокруг Тюильрийского дворца сжималось. Впоследствии Жермена де Сталь вспоминала: "Я провела ночь наблюдая за приготовлениями страшной сцены, которая должна была быть разыграна через несколько часов. На улице можно было увидеть только солдат, все граждане заперлись в домах. Пушки катились по мостовой, вокруг дворца, где заседал Законодательный корпус"⁵³³.

В два часа ночи 12 тысяч солдат с 40 пушками окружили дворец. "Против зала заседаний Совета старейшин был

⁵³¹ Barthélémy, op. cit., p. 258; La Revellière-Lépeaux, op. cit., p. 130; Mathieu-Dumas, op. cit., p. 122; [Fabre de l'Aude], op. cit., p. 237.

⁵³² P. Barras, op. cit., p. 28; La Levellière-Lépeaux, op. cit., p. 129.

⁵³³ Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. Ouvrage posthume de Madame Baronne de Staël, Paris, 1818, t. 2, p. 182-183.

направлен артиллерийский батальон. Все подступы были закрыты, все посты были заняты превосходившими силами противника", — писал командующий гвардией Законодательного корпуса Рамель⁵³⁴.

Рамель намеревался организовать сопротивление, но его инициатива не нашла поддержки среди депутатов. Слегка выпивший Ожеро лично разоружил его силой. "Ожеро занимал все посты, которые без малейшего сопротивления оставляли гренадеры Законодательного корпуса", — писал Барбе-Марбуа⁵³⁵. Бартелеми, а также члены комиссии инспекторов были арестованы и отправлены в Тампль. Ни одной капли крови не было пролито. К Ожеро полностью применимы слова Цезаря, ставшими крылатыми: "Veni, vidi, vici".

Ранним утром депутаты обоих Советов явились в залы заседаний. Солдаты Ожеро выгнали их оттуда. Председатель Совета пятисот Симеон воскликнул: "Совет разогнан военной силой"⁵³⁶.

Депутаты Совета старейшин собрались у Барбе-Марбуа, а потом направились к дому Лафон-Ладеба. Но вскоре их навестили солдаты Ожеро и всех арестовали. На вопрос одного из депутатов, по какому праву их арестовывают, солдат, имя которого не сохранилось в истории, ответил: "Закон? Закон — это сабля"⁵³⁷! Этим кратко и ясно все было сказано. Задержанных депутатов, среди которых были Барбе-Марбуа, Тронсон-Дюкудрей сопровождали в Тампль⁵³⁸.

Ранним утром 18 фрюктидора (4 сентября) на стенах зданий Парижа были расклеены афиши. Директория извещала парижан о раскрытом роялистском заговоре, об изме-

⁵³⁴ Journal ou témoignage de l'adjutant-général Ramel, Leipsic, 1799, p. 14.

⁵³⁵ Barbé-Marbois, op. cit., p. 24.

⁵³⁶ Ibid., p. 26.

⁵³⁷ Он почти дословно повторил слова, произнесенные офицером Хью Питерсом во время знаменитой прайдовой чистки английского парламента 6 декабря 1648 г. См.: Т. Павлова, Кромвель, М., 1980, с. 175.

⁵³⁸ Barbé-Marbois, op. cit., p. 30-34; Mathieu-Dumas, op. cit., p. 125-126.

не генерала Пишегрю⁵³⁹, об угрожавшей республике опасности, о совершенном перевороте. Официальная прокламация Директории, распространенная в Париже, гласила: "Каждый, кто напомнит о королевской власти, конституции III года или же имя Орлеанского дома, в силу закона будет немедленно расстрелян"⁵⁴⁰.

Переворот 18 фрюктидора

18 фрюктидора оставшиеся на свободе депутаты Совета пятисот созвали по распоряжению Директории заседание в одном из залов Французского театра — Одеоне, а депутаты Совета старейшин — в Медицинской школе. Совет пятисот

⁵³⁹ P.-J.-B. Buchez et P.-C. Roux, op. cit., p. 346-347.

⁵⁴⁰ La Revellière-Lépeaux, op. cit., p. 109.

предпринял меры для соблюдения общественной безопасности. Советом был разработан специальный закон, проект которого на следующий день был одобрен Советом старейшин. Законодательным корпусом был принят закон 19 фрюктидора⁵⁴¹, согласно которому, все первичные и коммунальные выборы были кассированы в 49 департаментах страны. Сорок два депутата Совета пятисот, одиннадцать членов Совета старейшин, два члена Директории (Карно и Бартеlemi) подлежали высылке. Из Законодательного корпуса были исключены 177 депутатов. Кассировались выборы в департаментских, муниципальных и юридических администрациях. Предусматривалось принятие строгих мер против эмигрантов и священников, был восстановлен закон 3 брюмера IV года, принудивший эмигрантов покинуть пределы Франции в течение 15 дней. Помимо того, 22 фрюктидора (8 октября) Директория закрыла 42 газеты.

Шестьдесят пять депутатов были приговорены к ссылке в Гвиану⁵⁴². Из них лишь десять были сосланы: Барбе-Марбуа, Бурдон из Уазы, Вило, Деларю, Лафон-Ладеба, Мюринэ, Обри, Пишегрю, Ровер де Фонтвиелль, Тронсон-Дюкудрей. Вместе с ними были сосланы также Бартеlemi, его слуга Летелие, Рамель, агенты Людовика XVIII Бротье и Лавилернуа, инспектор полиции Доссонвилль — всего шестнадцать человек⁵⁴³. Остальным удалось скрыться⁵⁴⁴. Многие из них нашли

⁵⁴¹ См. текст закона: Paris..., p. 317-323.

⁵⁴² Их имена были включены в опубликованный Директорией "Общий список приговоренных к ссылке представителей народа". См.: АВПРИ, Сношения с Австрией, 1797, дело N 862, л. 10.

⁵⁴³ Larue de, op. cit., p. 69.

⁵⁴⁴ Два из приговоренных к ссылке депутатов — Ж. Эмэ и Жибер-Демольер — были сосланы в Гвиану в начале 1798 г. вместе с большой группой сосланных, состоявшей в подавляющем большинстве из неприягнувших священников. См.: L.-A. Pitou. Voyage à Cayenne, dans les deux Amériques, et chez les antropophages, Paris, 1805, t. 1-2; *idem*: Les déportés de fructidor. Journal d'Ange Pitou, Paris, 1909; Déportation et naufrage de J.-J. Aymé, ex-législateur, Paris, [1900].

приют в соседних странах (Матье Дюма в Пруссии, Карно, Порталис и Воблан — в Швейцарии и т. д.).

25 фрюктидора (11 октября) сосланных в Гвиану посадили в железные кареты. Четыре кареты в сопровождении сильной военной охраны из 600 человек под руководством генерала Дютертра медленно двинулись в путь⁵⁴⁵. Инструкции, полученные Дютертром от Директории, предоставляли ему право расстреливать приговоренных к ссылке при попытке к бегству⁵⁴⁶. Перед Люксембургским дворцом "торжественное шествие" остановилось на полчаса. Из Парижа эскорт, выехав через Адские заставы, направился на Рошфор. Начался долгий и мучительный путь. Маршрут пролегал через Орлеан, Блуа и Тур. Роялисты намеревались организовать покушение на эскорт у Орлеана, с целью освободить арестованных⁵⁴⁷. Но эти планы не были осуществлены. 1 вандемьера VI года (22 сентября) 1797 г. эскорт доехал до Рошфора, откуда задержанных посадили на корабль и отправили на место ссылки — в далекую Гвиану на северо-восточном берегу Южной Америки⁵⁴⁸. Некоторые из сосланных депутатов (Тронсон-Дюкудрей, Жибер-Демольер и др.) там и скончались, другим (Бартеlemi, Пишегрю, Рамелю и др.) удалось бежать в Англию. Остальные вернулись во Францию лишь после переворота 18 брюмера.

Государственный переворот 18 фрюктидора не нарушил порядка и спокойствия в Париже. На следующий день на улицах можно было услышать крики: "Да здравствует республика"! 21 фрюктидора (7 сентября) в опере был исполнен гимн свободы — "Марсельеза"⁵⁴⁹, а через день "Мони-

⁵⁴⁵ F. Dutertre, *Départ du Temple, pour Cayenne des déportés des 17 et 18 fructidor an V, Paris, an VIII*, p. 17-26.

⁵⁴⁶ *Ibid.*, p. 27-28; J.-J. Аумé, *op. cit.*, p. 39.

⁵⁴⁷ АВПРИ, Сношения с Пруссией, 1797, дело N 505, л. 16 об. (письмо Панину из Нижнего Рейна от 4 октября 1797 г.).

⁵⁴⁸ Ramel, *op. cit.*; F. Dutertre, *op. cit.*; Barbé-Marbois, *op. cit.*, t. 1-2; Larue de, *op. cit.*; Lafon-Ladebat, *Journal de ma déportation à la Guyane française, Paris, 1912.*

⁵⁴⁹ Paris..., p. 335-336.

тор" писала: "День 18 фрюктидора войдет в летописи истории Франции"⁵⁵⁰. Сразу же после переворота Директория опубликовала брошюру (15 страниц), разоблачавшую заговор против республики, озаглавленную "Документ, найденный в Венеции в папке д'Антрэга и полностью написанный его рукой"⁵⁵¹. 1 вандемьера (22 сентября) на Марсовом поле был торжественно отмечен республиканский праздник.

Переворот 18 фрюктидора был правительственным и военным, наглядно показавший, что главной опорой Директории стала армия. В уже упомянутых словах неизвестного солдата Ожеро ("Закон? Закон — это сабля"!) был вкратце выражен суть переворота. Демократические круги Парижа, оставшиеся до конца за кулисами той сцены, где происходила политическая борьба, горячо приветствовали Директорию в связи с переворотом. Еще накануне переворота, 7 фрюктидора (23 августа) усилиями демократических слоев столицы вышел первый номер афиши "Конституционный демократ", за подписью Антуана (по всей вероятности таким псевдонимом подписывался Антонелль. В следующих номерах Антуан призывал всех демократов к оружию"⁵⁵².

В день 19 фрюктидора (5 сентября), рано утром бабувисты — около 300 человек, во главе с Россиньолом собрались в предместье Сент-Антуан. К ним присоединились рабочие предместья Сен-Марсо. "Предместья Сент-Антуан и Сен-Марсо поднялись с оружием в руках и предложили свою помощь Директории. Это единственное народное движение, которое имело место", — писала "Газет националь де Франс"⁵⁵³. Рабочие с пением "Марсельезы" направились к

⁵⁵⁰ Moniteur, 22 fructidor an V (8 septembre 1797), N 352.

⁵⁵¹ Pièce trouvée à Venise, dans le porte-feuille de d'Antraigues, et écrite entièrement de sa main, an 5 de la République. Экземпляр этой уникальной брошюры хранится в ГАРФ (ф. 728, оп. 2, ед. хр. 115).

⁵⁵² J. Dautry, Les démocrates parisiens avant et après le coup d'État du 18 fructidor an V // ANRF, 1950, N 118, p. 143-145.

⁵⁵³ Paris...., p. 334.

Люксембургскому дворцу⁵⁵⁴, но это движение не нашло поддержки у Директории.

По свидетельству Ларевельера накануне переворота Баррас намеревался обратиться за помощью к рабочим предместьям Парижа. Но его коллеги по "триумvirату" не одобрили его предложение⁵⁵⁵. Ларевельер в своих воспоминаниях не раз упоминал о том "отвращении", которое его коллеги и он испытывали по отношению к "партии якобинцев"⁵⁵⁶.

А. Матьез с горечью отмечал, что Директория не только воздержалась от привлечения на свою сторону народных масс, но и помешала брожению демократических сил в предместьях Парижа⁵⁵⁷. Можно полностью согласиться с Ж. Дотри в том, что "условия в которых происходили события 18 [фрюктидора] не предоставляли никакой возможности для прямого вмешательства плебейства Парижа"⁵⁵⁸.

Людовик XVIII назвал переворот 18 фрюктидора "катастрофой", а себя считал ее "жертвой"⁵⁵⁹.

После переворота в различных департаментах Франции роялисты учинили новые беспорядки. Российский посол в Австрии Разумовский, ссылаясь на сообщения своих агентов, писал из Вены: "В некоторых провинциях господствующая партия уже установила свою власть, но не без преодоления преград, в особенности, в Марселе, где сотни людей стали жертвами столкновения, имевшего место по этому поводу. Приблизительно то же самое произошло в Руане. В Лионе, где можно было бы ожидать сопротивления, благодаря распоряжениям соратников Бонапарта — Массена и

---

⁵⁵⁴ J.-P. Gallais, op. cit., p. 33-34.

⁵⁵⁵ La Leveillére-Lépeaux, op. cit., p. 135.

⁵⁵⁶ См. например: *Ibid.*, t. 2, p. 143.

⁵⁵⁷ A. Mathiez, op. cit., p. 333.

⁵⁵⁸ J. Dautry, op. cit., p. 141.

⁵⁵⁹ См. письма Людовика XVIII Павлу I от 24 июня/5 июля и 9/20 сентября 1799 г. // АВПРИ, Сношения с Францией, 1799, оп. 93/7 дело N 1299.

Жубера, спокойствие не было нарушено"⁵⁶⁰. Об имевших место беспорядках на юге (Марсель, Экс) сообщал и Малле дю Пан⁵⁶¹. В департаменте Вар, согласно сообщению Барраса, роялисты напали на крепость Святого Максимиана с тем, чтобы забрать в заложники членов его семьи, но успеха не имели⁵⁶². Роялисты захватили крепость Пон-Сент-Эспри, где были расстреляны все сторонники республиканского правительства. Мятеж был подавлен военной силой⁵⁶³. Частные выступления роялистов имели место и в других местах⁵⁶⁴, но они никакого существенного значения не имели. Республиканское правительство восторжествовало всюду.

Весть о перевороте 18 фрюктидора быстро распространилась по различным странам Европы. Русский посол в Гамбурге Grimm узнал об этом через Голландию 26 фрюктидора (12 сентября)⁵⁶⁵. Граф Штакельберг после переворота писал из Турина Павлу I: "Печальные результаты этого кризиса скоро дадут себя знать на этой стороне Альп"⁵⁶⁶. Российский дипломат опасался пробуждения — вследствие совершившегося во Франции переворота — революционного брожения в Италии. Он еще не успел полностью осмыслить сущность имевших место во Франции событий.

Переворот 18 фрюктидора оказал большое влияние и на международные отношения. Он ускорил вопрос о перемирии с Австрией, которая затягивала переговоры с Бонапартом, ожидая исхода развязавшейся между Директорией и

⁵⁶⁰ Там же, Сношения с Австрией, 1797, дело N 862, Разумовский — Павлу I, 12 (23) сентября 1797 г., л. 15 об.-16.

⁵⁶¹ Mémoires et correspondance de Mallet du Pan, pour servir à l'histoire de la Révolution française. Paris, 1851. t. 2, p. 323.

⁵⁶² P. Barras. op. cit., p. 37.

⁵⁶³ Ibidem.; Journal d'un bourgeois de Valence. Grenoble, 1892, t. 2, p. 350; P.-J.-V. Buchez et P.-C. Roux, op. cit., p. 470.

⁵⁶⁴ Ibidem.

⁵⁶⁵ АВПРИ, Сношения с Гамбургом, 1797, дело N 287, Grimm — Павлу I, 1 (12) сентября 1797 г., л. 1.

⁵⁶⁶ Там же, Сношения с Сардинией, 1797, дело N 132, Штакельберг — Павлу I, 9 (16) сентября 1797 г., л. 2.

Законодательным корпусом борьбы. В случае удачного исхода поединка в пользу роялистов, шансы на заключение мира с Францией на более выгодных условиях повышались. Венский двор ждал падения Директории... Но эти надежды бесследно исчезли. переворот 18 фрюктидора положил конец этим колебаниям, ускорил заключение мирного договора с Австрией⁵⁶⁷.

---

⁵⁶⁷ А.З. Манфред, указ. соч., с. 185-189.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После переворота 18 фрюктидора в политике Директории наметился явный поворот влево. Режим, установленный во Франции после переворота, историки Французской революции называют "террором Директории".

Как уже было отмечено, после переворота были подавлены все выступления контрреволюционеров. Строгие меры были приняты против вернувшихся эмигрантов, которых заставили покинуть территорию Франции в течение 15 дней. В VI году по приговорам военных комиссий было расстреляно 160 вернувшихся эмигрантов⁵⁶⁸. Военные комиссии судили также неприсягнувших священников, против которых были оставлены в силе законы 1792-1793 гг., за исключением смертной казни, которая была заменена ссылкой в Гвиану. Все вернувшиеся священники, изгнанные в 1792-1793 гг., должны были оставить пределы Франции в течение 14 дней, в противном случае им грозила высылка. Весной 1798 г. 267 священников были сосланы в Гвиану, остальных подлежавших высылке (около 1112 священников), отправили на острова Ре и Олерон⁵⁶⁹.

"Террор Директории" не пощадил и дворян. Сиейес внес предложение о высылке дворян, предусматривавшее исключения для членов Директории и Законодательного корпуса, генералов армий и т. д. Проект вновь вызвал серьезные возражения во время обсуждения в Советах, после чего 9 фримера VI года (29 ноября 1797 г.) был при-

---

⁵⁶⁸ А. Собуль, указ. соч., с. 267.

⁵⁶⁹ G. Lefebvre, *op. cit.*, p. 443-445. См. многочисленные документы, опубликованные в этой связи в сборнике: V. Pierre, *La déportation ecclésiastique sous le Directoire*, Paris, 1895.

нят другой закон, приравнявший положение дворян к положению иностранцев⁵⁷⁰.

Директорией был установлен строгий контроль над центральной и департаментской прессой, театральными спектаклями. 17 фримера VI года (7 декабря 1797 года) в Париже было закрыто 16 газет.

"Террор Директории", по словам Ж. Лефевра, был "исключительно правительственным, народ не принял в нем никакого участия"⁵⁷¹. Однако, во Франции оживилось демократическое брожение. Как отмечал А. Собуль, "после переворота 18 фрюктидора действительно развернулась неоякобинская пропаганда, в частности, посредством конституционных клубов"⁵⁷². После упразднения Советами принятого "клишистами" закона 7 термидора (25 июля), запрещавшего деятельность клубов, в стране возродились конституционные кружки. И. Волох пришел к заключению о неоднородности их социального состава⁵⁷³. Поэтому не случайно, что в некоторых городах (Лион, Орлеан, Кан и др.) возникли сепаратные Конституционные кружки, среди которых имелись внутренние разногласия. В Лионе, например, в один из кружков входили "самые важные" люди города, а в другой — ремесленники и рабочие⁵⁷⁴. Политическая активность клубов, по мнению И. Волоха, содействовала прямому участию граждан в политике⁵⁷⁵.

Директория стала тщательно готовиться к проведению выборов VI года. Несомненно, она готовилась к антироялистским выборам и для достижения этой цели предприняла соответствующие меры в законодательной сфере. В Совете Старейшин и в Совете пятисот обсуждались самые различные законопроекты, были приняты важные поста-

---

⁵⁷⁰ G. Lefebvre, *op. cit.*, p. 452-454.

⁵⁷¹ *Ibid.*, p. 454.

⁵⁷² А. Собуль, указ. соч., с. 269.

⁵⁷³ I. Woloch, *op. cit.*, p. 86.

⁵⁷⁴ *Ibid.*, p. 106.

⁵⁷⁵ *Ibid.*, p. 136.

новления, предусматривавшие обеспечение избрания в депутаты исключительно сторонников правительства. Депутат Гийемарде добился принятия закона 12 плювиоза VI года (31 января 1798 г.), согласно которому полномочия вновь избранных депутатов подлежали проверке депутатами Законодательного корпуса. По его же предложению было принято другое постановление о порядке избрания нового члена Директории. Согласно принятому постановлению, новый член правительства должен был быть избран до того, как вновь избранные депутаты приступят к исполнению своих обязанностей⁵⁷⁶.

Однако, по мнению Ж.-Р. Сюратто, боязнь демократического движения очень быстро сказалась на политике Директории и уже с середины плювиоза она стала остерегаться демократов⁵⁷⁷. В вантозе были закрыты многие конституционные клубы. И все же, в период подготовки выборов VI года, озабоченные дальнейшими судьбами республики демократы могли рассчитывать на правительственные органы власти. К числу последних принадлежал М.-А. Жюльен, на примере политической деятельности которого, характерной для целого поколения молодых демократов того времени, можно убедиться, что переворот 18 фрюктидора на самом деле открыл широкие возможности для развития демократического движения⁵⁷⁸, развернувшего активную деятельность в начале 1798 г., приведшей к победе демократов на выборах в жерминале VI года.

Тем не менее, переворот 18 фрюктидора был исключительно правительственным и военным. Как и вся "политика качелей", он отвечал интересам господствовавшей буржуазии, вернее правящей клики, в которую входили новые

---

⁵⁷⁶ J.-R. Suratteau. Les élections de l'an VI et le coup-d'État du 22 floréal, Paris, 1971, p. 81-90.

⁵⁷⁷ Ibid., p. 97, 100-101.

⁵⁷⁸ См.: V. Pogossian, Marc-Antoine Jullien et les élections de l'an VI // AHRF, 1997, N 308.

собственники, накопившие различными спекулятивными махинациями огромное состояние. В определенной мере переворот отвечал интересам состоятельного крестьянства. Удовлетворенное приобретенным за первые годы Французской революции состоянием, крестьянство не проявило особой активности в рассматриваемый нами период. Вместе с тем, оно четко представляло, что возврат к монархии привел бы к потере приобретенных земель. Этим и следует объяснить отказ крестьянства от прямого выступления против Директории. Основные классы французского общества — буржуазия и крестьянство — составляли пассивную опору правительства в борьбе с роялистской опасностью. Ф. Энгельс по праву отмечал, что "Директория все же была буржуазным и крестьянским правительством"⁵⁷⁹.

Городские низы также являлись пассивной опорой правительства, потенциальной силой в борьбе с врагами республики, но Директория, как уже было отмечено, предпочла воздержаться от привлечения народных масс.

События 1797 г. со всей очевидностью показали непрочность существовавшего во Франции правительства. "События 18 фрюктидора в огромной мере способствовали дальнейшей дискредитации режима Директории, — писал А.З. Манфред. — Если правовая основа этой власти и ранее представлялась крайне зыбкой, то после 18 фрюктидора для всех — и для врагов и для сторонников режима — стало очевидно, что он может удерживаться, лишь опираясь на армию"⁵⁸⁰. Отныне правящая буржуазия имела новую надежную опору — армию, на которую могла опереться. Но упрочение позиции армии привело к возрастанию роли полководцев республики, которые, как показал ход событий, оказались не послушным орудием в руках правителей Франции.

⁵⁷⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 20, с. 644.

⁵⁸⁰ А.З. Манфред, указ. соч., с. 183.

В брюмере VIII года генерал Бонапарт, отражая чаяния крупной буржуазии совершил новый переворот, разогнавший Директорию. Но путь к этому был открыт 18 фрюктидора, что и определяет его историческое значение. Бывший министр юстиции при якобинцах и член будущей Директории Л. Гойе был прав: "Переворот 18 фрюктидора, который должен был спасти республику, всего лишь задержал ее падение"⁵⁸¹.

---

⁵⁸¹ Gohier, Mémoires, Paris, 1824, t. 1, p. 9.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Александр I — 33, 87
Алопеус — 78
д'Андре А.Б.Ж. — 80
Антонелль П.-А. — 163
д'Антрэг Э. — 122-123, 125-127, 163
Антуан см. Антонелль П.-А.

Б

- Бабеф Г. (Ф.Н.) — 27, 31, 45-46
Балабанов М.С. — 71
Балло Ш. — 10
Бальзак О. — 37, 67, 126
Барбе-Марбуа — 59, 61, 111, 113, 154-155, 159, 161
Барраль П. — 11
Баррас П. — 38, 40-41, 48-49, 55-56, 97-99, 109, 120-122, 125-127, 129-132, 135-136, 144-145, 157-158, 164-165
Бартелеми Ф. — 110-113, 120-122, 132-133, 142, 148, 155, 158-159, 161-162
Безбородко А.А. — 70, 73, 80, 82-84, 113, 123
Бенезеш П.Ф. — 131
Бернадотт Ж.-Б.-Ж. — 123, 140
Берто Ж.-П. — 27
Бицов — 80, 82-84
Блок М. — 19
Бовыкин Д.Ю. — 6
Бон Л.-А. — 140
Борда — 98
Борисов Ю.В. — 32, 132
Брауншвейгский герцог К.-В.Ф. — 70
Бродель Ф. — 11
Бротье А.Ш. — 21, 48, 50, 56, 65, 82, 161
Буасси д'Англа — 98, 110, 155
Буонарроти Ф. — 45
Бурбоны — 7, 36, 48, 58, 65, 69, 73, 81, 122
Бурдон из Уазы Ф.Л. — 161
Бурнонвиль — 110
Бурьен Л. — 145-147

В

- Вайнштейн О.Л. — 79

Вандаль А. — 17, 34
Васильев А.А. — 71, 79
Вебер Б.Г. — 30
Виктор К.-П. — 140
Вило — 49, 55-57, 155-156, 161
Воблан В.-М. — 110, 114, 153-154, 156-157, 162
Вовель М. — 15
Волох И. — 29, 105, 118-119, 141, 168
Воронцов С.Р. — 72, 75, 77-81, 113

Г

Габсбурги — 139
Галлуа — 48
Гара Ж.-Д. — 117
Гарикур — 72
Гаркуин — 94
Гарнье Ж.-П. — 125
Гарп де — 50-51
Гаутвиц — 113
Гийемарде — 169
Годой М. — 83
Годшо Ж. — 8, 12, 14, 20-24, 66, 82, 107, 125
Гойе Л. — 171
Гомер — 143
Гош Л. — 36, 44, 126, 128-132, 134-138, 150, 154
Грачев В.Ф. — 35
Гренвиль У. — 79, 81, 113
Гримм — 83, 85, 141, 155, 165

Д

Далин В.М. — 5, 11-12, 14, 20-21, 30-32, 46, 119
Далин С.А. — 41
Дансьен — 65
Дарте О. — 45
Девиль Г. — 16
Делакруа Ш. — 122, 131
Деларю — 60, 62-63, 131, 153-154, 157, 161
Делма — 98
Депомель — 66
Джеджула К.Е. — 71
Додэ Э. — 73
Доссонвиль — 161
Дотри Ж. — 164
Дрио Э. — 17

Дюваль Ш. – 45
Дюверн – 79
Дютертр – 162

Е

Екатерина II – 72, 85, 87-88, 122

Ж

Жард-Пенвийер – 98
Жермен Ш. – 45
Жибер-Демольер – 62, 161-162
Жордан К. – 60-61, 114, 156
Жорес Ж. – 19, 21
Жубер Б.-К. – 140-141, 165
Журдан Ж.-Б. – 110, 117
Жюльен М.-А. – 10, 137, 169

И

Иоаннисян А.Р. – 35

К

Казалес – 81-82
Кареев Н.И. – 5, 30
Карл IV – 82
Карно Л. – 38-40, 55, 109-112, 120-122, 127, 131, 133, 135, 138, 148-149, 153,
158, 161-162
Киясов С.Е. – 35
Клебер Ж.-Б. – 110, 117
Клочков М.В. – 70
Кобб Р. – 28, 54
Коббен А. – 28
Ковалевский М.М. – 30
Кольчев – 70, 113
Конде Л.Ж. – 44, 70, 74, 77-79, 81, 86, 99, 115
Констан Б. – 17
Кошон де Лаппаран Ш. – 110-111, 120, 131
Кучеренко Г.С. – 31

Л

Лавилернуа – 161
Лагард – 112
Лакретель Младший Ш. – 48, 68, 98
Ларевельер-Лепо Л.-М. де – 38, 109, 111, 120-121, 125-127, 131, 134, 142,
153, 157-158, 164

Лафон-Ладеба – 156, 159, 161
Лебуа Р.Ф. – 138-139
Лемуан – 136
Ленуар Ларош Ж.Ж. – 131
Лепелетье де Сен-Фаржо Л.М. – 52
Летелие – 161
Летурнер Л.Ф. – 38, 40, 109-110, 113
Летчфорд С.Е. – 45
Лефевр Ж. – 12, 19, 21-22, 25, 28, 96, 100, 157, 168
Лукин Н.М. – 17, 20
Лучицкий И.В. – 30
Людовик XVI – 38, 40, 48, 58
Людовик XVII – 58
Людовик XVIII – 47-48, 56, 58-59, 64-65, 67, 69-76, 78-79, 81-83, 85-87, 106,
122-123, 131, 137, 155-156, 161, 164

М
Мадлен Л. – 17, 23
Майль Ж.-Б. – 49
Малле дю Пан Ж. – 55-56, 64-65, 68, 98-99, 111, 115, 127, 154, 165
Мальмсбэри Дж.Г. – 76
Манфред А.З. – 6, 13-14, 24-25, 32, 124, 139, 144, 166, 170
Марат Ж.-П. – 52
Маркс К. – 8, 39, 170
Марсо Ф.С. – 146
Массена А. – 106, 110, 128, 140-141
Массон Ф. – 17
Матье Дюма – 62, 100, 109, 111, 129, 142, 162
Матьез А. – 12, 19-24, 67, 80, 92, 99-100, 164
Мёниен – 98
Менье А. – 18-19, 21-22, 132
Мену Ж.Ф. – 117
Мерлен из Дуэ Ф. А. – 122, 131
Милютин Д. – 31, 71, 75
Минерва – 9
Минье Ф. – 15
Митчелл Г. – 29, 76, 100
Мишле Ж. – 15
Монгайар – 124
Монк Дж. – 130
Монтескье аббат – 155
Мордвинов – 55, 72-73, 76, 123
Моро Ж.-В. – 23, 142-143, 150
Мусин-Пушкин – 75-76

Мюирон — 146

Мюринэ — 161

Н

Нантский епископ — 72

Новичев А.Д. — 35

Наполеон Бонапарт — 7, 9, 16-17, 28, 31-34, 37, 39-41, 46, 55-57, 86-87, 97,
105, 107, 123-124, 126, 129, 139-141, 143-146, 149-150, 164-165, 171

Нюнес Ф. — 47

О

Обри Ф. — 161

Ожеро П.-Ф.-Ш. — 105, 126, 140, 146-150, 154, 157-159, 163

Олар А. — 10, 12, 17-18, 20

Оливье — 45

Остерман — 77, 80, 82, 112

П

Павел I — 70-76, 78-79, 81, 83, 85-87, 113, 122, 129, 131, 133, 136-138, 140-
141, 146, 154-155, 164-165

Павлова Т. — 159

Панин — 74-75, 86, 162

Петиз К.Л. — 132

Питерс Х. — 159

Питт Младший У. — 29, 76-78, 122

Пишегрю Ш. — 24, 44-45, 64, 100, 113, 124, 126-127, 135, 142, 153, 155-157,
160-162

Плевил-Лепеллей Ж.Р. — 131, 133

Погосян В.А. — 12, 15, 35, 82, 86

Порталис Ж.Э.М. — 62, 132, 162

Порфэ — 48

Потемкин Ф.В. — 35

Прованский граф, см. Людовик XVIII

Пулен-Гранпрей — 98

Р

Разумовский — 164-165

Рамель Ж.-П. — 103, 159, 161-162

Рамель — Ногаре Д.В. — 132

Ревуненков В.Г. — 32-33, 96, 132, 136

Рейбель Ж.-Ф. — 38-40, 89, 103, 109, 120-121, 125-127, 131, 157

Рейнар М. — 110

Рехтерн — 84-85

Ришпанс — 131

Робеспьер М. — 36, 101
Ровер де Фонтвиель Ж. — 161
Россиньол — 163
Ростопчин О.В. — 86
Роуз Р.Б. — 28
Рюде Дж. — 28

С

Санд Ж. — 13
Сен-Прист Ф.Э. — 70-73
Сен-Симон — 82, 84
Сент-Уберти — 123
Серюрье Ж.-М.-Ф. — 141
Сиейес Э.Ж. — 38, 117, 167
Симеон Ж.Ж. — 62, 132, 159
Симолин И.М. — 9, 71, 112, 129, 131, 133, 136-138, 154
Сироткин В.Г. — 87
Сиу Л. — 16
Смирнов А.М. — 43
Собуль А.-М. — 11-12, 22, 25-26, 31, 42, 44-45, 167-168
Сорель А. — 17, 111, 135
Сотин П.Ж.М. — 66, 131
Сталь Ж. де — 158
Стендаль — 143
Стофле Ж.Н. — 44
Стурм Р. — 43
Сюратто Ж.-Р. — 12, 22, 26-27, 46, 57, 97, 99, 119, 169

Т

Талейран Ш.М. — 32, 110, 117, 131-133
Тарле Е.В. — 7, 30, 32, 121-122
Тассо Т. — 143
Тибодо А. — 62, 114, 122, 134, 153
Тимирязев В.А. — 31
Томпсон — 28
Трачевский А.С. — 31
Тремуиль — 155
Троицкий Н.А. — 33-34, 143
Тронсон-Дюкудрей Г. — 159, 161-162
Трюгэ Л. — 83-84, 122, 131
Туган-Барановский Д.М. — 35, 143
Тьер А. — 15
Тюлар Ж. — 28

У

Уикхем У. — 29, 48, 76-77, 80, 99

Ф

Фабр из Ода — 155-156

Фалькнер С.А. — 42, 102

Февр Л. — 19

Фош-Борел Л. — 47, 64-65, 99

Франсуа из Невшателя Н. — 108, 131, 133

Фридрих-Вильгельм II — 70

Ц

Цезарь Г.Ю. — 144-145, 159

Ч

Черкасов П.П. — 143

Черняк Е.Б. — 6, 11, 77, 143

Черткова Г.С. — 11, 46

Ш

Шалгрин — 73

Шарет Ф. — 44

Шерер Б.Л.Ж. — 135, 150

Шильдер Н.К. — 71

Шумигорский Е.С. — 71

Штакельберг — 139-140, 146, 165

Э

Эмбер-Коломе — 156-157

Эмери — 153

Эмз Ж. — 161

Энгельс Ф. — 8, 39, 170

Эшассерио Старший — 98

Ю

Юпитер — 9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5-14
Глава первая. Историография проблемы	15-35
Глава вторая. Состояние Франции к V году	
Установление Директории	36-47
Расстановка политических сил во Франции к V году	47-58
Роялистская пропаганда и подготовка к выборам V года	58-69
Связи роялистов с европейской реакцией	69-87
Глава третья. переворот 18 фрюктидора	
Выборы V года	88-107
Борьба Законодательного корпуса с Директорией после выборов	108-120
Позиция членов Директории	120-127
Роль армии и генералов	127-148
Переворот 18 фрюктидора	148-166
Заключение	167-171
Указатель имен	172-178

**Варужан Арамаздович Погосян
ПЕРЕВОРОТ 18 ФРЮКТИДОРА
V ГОДА ВО ФРАНЦИИ**

**Varoujcan A. Poghosyan
LE COUP D'ÉTAT DU 18 FRUCTIDOR
DE L'AN V EN FRANCE**

(En russe)

Les Éditions "Nor-Dar", Erévan, 2004

Редактор
Компьютерная верстка
Компьютерный набор
Компьютерный дизайн обложки

Микаел Абаджянц
Григорий Арутюнян
Лусине Агаронян
Аревик Акопян

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОР – ДАР»

**Сверстано и отпечатано в типографии издательства «Зангак-97»
375012, Ереван, пр. Комитаса 49/2, тел.: (+3741) 23-26-48, 23-25-28,
факс: (+3741) 54-06-07, эл. почта: zangak@arminco.com, URL: www.zangak.am**

Печать офсетная. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Объем 11.5 п.л., 6.34 усл.п.л., 10.69 уч.изд.л.
Тираж 200 экз. Цена договорная.

ACADÉMIE DES SCIENCES DE LA RÉPUBLIQUE D'ARMÉNIE INSTITUT D'HISTOIRE

VAROUJEAN POGHOSYAN

LE COUP D'ÉTAT DU 18 FRUCTIDOR DE L'AN V EN FRANCE

"NOR-DAR"
ERÉVAN 2004